

Е.Н. Казаков

**Волжские болгары,
угры и финны
в IX – XIV вв.:
проблемы
взаимодействия**

Академия наук Республики Татарстан
Институт истории им. Ш.Марджани

Е.П.Казаков

**ВОЛЖСКИЕ БОЛГАРЫ,
УГРЫ И ФИННЫ В IX–XIV вв.:
ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

Казань
2007

*Рекомендовано к изданию ученым советом
Института истории им. Ш.Марджани
Академии наук Республики Татарстан*

Редколлегия:

А.Г.Ситдинов (отв. редактор), П.Н.Старостин, Р.С.Хакимов

Казаков Е.П.

К 14 Волжские болгары, угры и финны: проблемы взаимодействия.
– Казань: Институт истории АН РТ, 2007 – 208 с.: ил.

Монография является первым фундаментальным исследованием, в основном на археологическом материале, вопросов взаимоотношения волжских болгар с окружающим их огромным финно-угорским миром. Освещены новые моменты тесного, зависящего от многих причин (политических, экономических, культурных и др.), взаимодействия тюркоязычного и финно-угорского населения IX–XIV вв. в Волго-Уральском регионе. В процессе таких контактов формировались многие этнокультурные черты современных народов края. Большое число иллюстраций убедительно подтверждают выводы исследования.

Книга предназначена для археологов, историков, этнографов, искусствоведов, языковедов.

На обложке представлена серебряная погребальная маска из погр.1092 Танкеевского могильника.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава I. ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ	7
1. Письменные источники	7
2. Археологические источники и принципы их изучения	10
3. Историография	13
Глава II. ВОЛЖСКИЕ БОЛГАРЫ И УГРЫ	20
1. Археологические доказательства языческой культуры угров	20
2. Кушнаренковская культура	31
3. Поломская, ломоватовская и неволинская культуры	45
4. Постпетрогромская культура	51
5. Чияликская культура	59
6. О роли угров в формировании этноса и культуры волжских болгар	65
Глава III. ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВОЛЖСКИХ БОЛГАР С ПОВОЛЖСКИМИ И ПЕРМСКИМИ ФИННАМИ	74
1. Волжские болгары и окские финны	76
2. Волжские болгары и мордва	79
3. Волжские болгары и марийцы	84
4. Об этапах взаимодействия волжских болгар с населением Верхнего Поволжья в X–XII вв.	87
5. Волжские болгары и пермские финны	91
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	96
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	107
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	120
ИЛЛЮСТРАЦИИ	121
ПРИЛОЖЕНИЕ 1	
<i>Wolgabulgarjen und Ungarn</i> (Eugeni Kazakov)	190
ПРИЛОЖЕНИЕ 2	
<i>Цветные иллюстрации</i>	193

ВВЕДЕНИЕ

В средневековой истории Евразии достаточно заметна роль Волжской Болгарии, в политико-экономическом пространстве которой сформировался новый народ – волжские болгары. В последней четверти X–XI вв. это государство из-за падения Хазарии и ввиду слабости Северо-Восточной Руси превратилось в ведущую культурно-экономическую силу на северо-востоке Европы. Судя по многочисленным находкам высококачественных изделий болгарских ремесленников в археологических памятниках, рынок, где они распространялись, охватывал территорию от Зауралья до Верхней Волги и от Южного до Приполярного Урала. Особенно широкий поток болгарских товаров шел по речным системам Камы, Вятки, Оки и особенно по главному торговому пути между Европой и Азией – реке Волге. Практически с 60-х годов X в. Волжская Болгария переняла ведущую роль в Восточной Европе от Хазарии, которая окончательно пала под ударами печенегов и походов Святослава.

На исторической арене волжские болгары выступают как тюркоязычный народ. Однако на начальном пути своего формирования такая ситуация не была однозначной. Племенной состав раннеболгарского объединения IX в. в большой массе включал в себя угров Прикамья и Урала (Казаков, 1992). Они переселились сюда вследствие событий, сопровождавших войну между печенегами и мадьярами. В последней трети IX – начале X в. угорское население преваляло в Западном Закамье, где впоследствии возникли столичные центры страны: Болгар, Сувар, Биляр (Казаков, 1997, с.35–36).

Широкие пространства Урало-Поволжья к северу от степи фактически до XIV–XV вв. оставалось заселенным угорскими племенами с непрочной оседлостью. На протяжении более 500 лет волжские болгары сохраняли с ними дружеские отношения. Миграционные волны уральских угров неоднократно накатывались на Волжскую Болгарию. Так, в конце X в. из районов Среднего Урала, занятых петрогромской культурой, спускаясь по Каме, в страну болгар пришли группы угров с круглодонной цилиндрической керамикой, украшенной гребенчато-шнуровым орнаментом (Казаков, 2000, с.62–63). Судя по многочисленным находкам такой керамики практически на всех поселениях домонгольской Болгарии, большие массы уг-

ров влились в состав ее населения. Как в стране болгар, так и в Прикамье и на Урале, памятники с такой посудой объединены в постпетрогромскую культуру (см. главу II, раздел «Постпетрогромская культура»). Языческие памятники постпетрогрома на Среднем Урале известны еще с 50-х годов XX в. (Берс, 1957, рис. 21–24). С конца X – XII в. памятники с постпетрогромской посудой отмечаются на широкой территории Урало-Поволжья (Усть-Кишертьский, Селянино-Озерский, Мрясимовский, Каранаевский и другие некрополи). В Восточном Закамье остатки временных поселений с постпетрогромской посудой отмечены на I Семиостровском, I Минняровском, VIII Меллятамакском и других селищах домонгольского периода.

Видимо, вследствие тесных этнокультурных контактов волжских болгар с их восточными соседями в конце X в. постпетрогромское население в массе мигрирует в Волжскую Болгарию. Свидетельства их проживания здесь отмечаются по массовым находкам постпетрогромской керамики и их гибридных образцов. В закрытых комплексах Измерского и других поселений они датируются с конца X в. Довольно большое количество постпетрогромской посуды выявлено в столичных центрах Волжской Болгарии: Болгаре, Суваре (Хлебникова, 1984, с.157, рис. 77, 1, 5, 9). В Биляре эта керамика встречена не только на территории городища (Хузин, 2000, с.387, рис. 33), но и в пригородных поселениях.

В золотоордынский период широкую территорию лесостепи Приуралья и Зауралья продолжает занимать угорское население с характерной для него лепной круглодонной посудой с гребенчато-шнуровым орнаментом. Памятники с такой посудой объединены в чияликскую культуру (Казаков, 1978, с.42–92), среди привозных изделий которой часто встречаются поделки болгарских ремесленников.

Таким образом, с самого начала своей истории волжские болгары были тесно связаны с угорским миром Волго-Уралья. Следует отметить, что определение отмеченных комплексов Волжской Болгарии в качестве угорских до сего времени вызывает дискуссии. Так, исходные культуры – ломоватовскую, полонскую – О.Н.Бадер, В.А.Оборин, Р.Д.Голдина и др. традиционно относили к пермским финнам: предкам пермяков и удмуртов; однако существовала и версия об их угорском происхождении (Ф.А. и А.Ф.Теплоуховы, А.В.Шмидт). Лишь в 1960–70-е годы, когда В.Ф.Генингом, А.Х.Халиковым, Е.А.Халиковой, Е.П.Казаковым и др. были широко изучены языческие некрополи ран-

ней Волжской Болгарии, последняя версия получила достаточное обоснование. По иному происходило взаимодействие волжских болгар с пермскими и поволжскими финнами. На первоначальном этапе, т.е. в IX – начале X в., волго-окские финны опасались пришедших на Волгу воинственных кочевников, отличающихся от них по языку, образу жизни, идеологии. В последней четверти X – XI в. бурно развивающееся ремесленное производство Волжской Болгарии настоятельно требовало реализации своей продукции, и ближайшим рынком сбыта стали земли волжских и камских финнов. С этого времени болгары установили с ними прочные торговые связи. В языческих могильниках финно-угров Поволжья и Приуралья встречается большое количество предметов одежды, украшений, бытовых вещей ранних болгар. Встречаются и среднеазиатские поделки, попавшие сюда через торговое посредничество болгарских купцов.

С усилением Северо-Восточной Руси происходит славянизация и христианизация поволжско-окских финнов. Нередко язычники уходили на восток, в том числе и в страну болгар, которые отличались достаточной веротерпимостью, обусловленной важностью для них сохранения торговых связей.

В золотоордынский период наблюдается массовая миграция мордвы на территорию Волжской Болгарии (Казаков, 1990, с.61–76). В то же время на землях болгар, особенно северных, впервые появляются памятники пермских финнов со специфичной лепной керамикой, сдвинутых со своей прежней территории славянским давлением.

Таким образом, если приуральские угры непосредственно и в массовом масштабе участвовали в формировании этнокультурного состава волжских болгар, то волжские и пермские финны попадали в их земли лишь в силу изменяющихся экономических и военно-политических событий. В немалой степени это было обусловлено взаимоотношениями между Волжской Болгарией и Русью.

* * *

Приложение 1 монографии является резюме раздела о взаимодействии волжских болгар с уграми на немецком языке.

В Приложении 2 представлены цветные иллюстрации. Номера рисунков обозначены римскими цифрами. Там, где цветные фотографии дублируют зарисовки вещей в черно-белых (основных) иллюстрациях, дается соответствующая ссылка (напр., см. рис. 6).

Глава I

ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ

1. Письменные источники

Данный вид источников включает в себя сведения восточных авторов, русских летописей и западноевропейских путешественников. Первые из них собраны и интерпретированы в отдельной работе (Заходер, 1967). По мнению автора этого труда, многие сведения о народах Севера попали в восточную литературу через волжских болгар. Так, в ней сообщается, что к северу от болгар лежит страна вису (ису), за ней йура и далее «страна мрака». Говорится, что путь в эти земли составляет по времени от одного до трех месяцев. Достаточно выразительна характеристика суровой природы в странах Севера, наличие полярной ночи и в то же время наличие здесь промысловых животных с ценным мехом. Такие сведения, несомненно, исходили от людей, хорошо знающих ситуацию.

В тексте Марвази достаточно полно освещается зимний путь на собаках и на лыжах болгарских купцов к народам Севера. При этом на далекое расстояние решались путешествовать только богатые купцы, у которых в составе каравана насчитывалось до сотни повозок. Судя по тому, что их нагружали «съестным, напитками и дровами» (Заходер, 1967, с.66), такие караваны достигали Приполярного Урала, на святилищах которого часто встречаются изделия болгарских ремесленников (см. ниже). В таких путешествиях особенно высоко, до 1000 динаров, ценилась собака-вожак, которая знала этот путь.

Полученные в последние десятилетия археологические материалы с большой долей вероятности позволяют связывать вису с жителями Верхнего Прикамья, оставивших памятники ломоватовской культуры (Пастушенко, 2001–2002, с.58), а йура с югрой – угорским народом Северного Урала. Судя по вышеприведенным источникам, зимний путь к ним шел по рекам или вдоль них. О том, что эти сведения попали в восточную литературу через болгар, свидетельствуют и записки Ибн-Фадлана, который сам побывал в их стране в 922 г. Он сообщает, что страна Вису расположена в трех месяцах пути от

земли болгар, что купцы привозят оттуда соболей и черных лисиц и что царь болгар вел с жителями Вису переписку (Ковалевский, 1956, с.135–138). Возможно, обмен письмами шел через осевших в северных землях купцов на арабском языке, поскольку руническое письмо распространяется в Волжской Болгарии, судя по археологическим данным, только в последней четверти X в.

О соседстве приуральских угров с волжскими болгарами говорит Рашид-ад-дин, сообщая о локализации завоеванных монголами народов в направлении с северо-востока на юго-запад. «Совместно с племянниками по брату, – указывает он, – они (Угедей-каан и Тулуй-хан – *Е.К.*) захватили область келаров (исследователи с полным основанием относят их к уграм – *Е.К.*), башкир, булар, дешт и кипчак, урусов, черкесов и асов» (Рашид-ад-дин, 1952, с.67, 68). Таким образом, восточные источники отмечают, что до золотоордынского времени угры Приуралья оставались восточными соседями волжских болгар.

Русские летописи достаточно много сообщают о мирном взаимодействии и военном противостоянии Руси и Волжской Болгарии. Как правило, это происходило и на землях волго-окских финнов, расположенных между этими государствами. Нередко, спасаясь от христианизации, финны находили убежище на землях волжских болгар. Так, сообщая о появлении западных мигрантов в Предкамье, казанский летописец говорит: «Наполни такими людьми землю ту еже ина черемиса, зовемая отяки, тое же глаголют ростовская чернь, забежавши та от крещения рускаго в болгарских жилищах...» (Сказание о царстве Казанском, 1959, с.27).

Сведения западноевропейских авторов более всего связаны с угорским миром и его взаимоотношениями с волжскими болгарами. Наиболее ранними из них являются сообщения доминиканских монахов Отто и Юлиана. Последний в поисках прародины венгров «Великой Венгрии» (*Magna Hungaria*) после долгого путешествия попал в большой город Волжской Болгарии, – скорее всего, в Биляр, который в это время был столицей страны. Здесь он встретил «венгерку», выданную замуж за жителя Волжской Болгарии из страны, которую Юлиан искал. Она указала ему путь к соплеменникам. И действительно, он нашел их через два дня пути, т.е. рядом с землей болгар, на берегах «большой реки Этиль». Большой интерес представляет описание Юлианом этого угорского населения с полуоседлым образом жизни. Эти «венгры» говорили на языке «совершенно венгерс-

ком», понимали Юлиана, а «он их». «Они имеют деревянные дома и селения, однако землю не возделывают, едят мясо конское, ... пьют лошадиное молоко и кровь. Богаты конями и оружием и весьма отважны в войнах» (Аннинский, 1940, с.81). Особенно важно, что эти сведения дошли до нас от человека, который, как и Ибн-Фадлан, сам побывал в стране волжских болгар.

Уникальные сведения средневековых авторов вместе с полученными в последние десятилетия археологическими данными, далеко продвинувшими вперед изучение культуры средневековых угров на востоке Европы, позволили локализовать последних на Каме, в низовьях р. Зай, и соотнести их культуру с постпетрогромской и чияликской (Казаков, 1993, с.43–44).

О проживающих к востоку от болгар уграх сообщают и другие западноевропейские источники середины XIII в. Ценные сведения дают сочинения Плано Карпини и Рубрука, которые сами побывали в Золотой Орде. Так, первый из них писал, что монголы «пришли в землю мордванов, которые суть язычники, и победили их войною. Продвинувшись отсюда против бюлеров, т.е. Великой Болгарии, они и ее совершенно разорили. Продвинувшись отсюда еще на север, против Баскарт, т.е. Великой Венгрии, они победили и их. Выйдя отсюда, они пошли дальше к северу и прибыли к Парроситам» (Плано Карпини, 1957, с.47, 48).

В свою очередь, Гильом де Рубрук отмечает: «Проехав 12 дней от Этилии, мы нашли большую реку, именуемую Ягак (река Урал, о переправе через нее сообщает и Ибн-Фадлан. – Е.К.); она течет с севера из земли паскатири и впадает в вышеупомянутое море. Язык паскатири и венгров один и тот же; это пастухи, не имеющие никакого города; страна их соприкасается с запада с Великой Булгарией... Из этой земли паскатири вышли гунны, впоследствии венгры... И вблизи паскатири живут Иллак, что значит то же, что Блак...» (Гильом де Рубрук, 1957, с.123).

Сообщения Карпини и Рубрука ценны, прежде всего, своей достоверностью. Оба они не только путешествовали по степям, вблизи земель, где проживали угры, но и получали сведения от людей, которые побывали в этих землях. Так, Гильом де Рубрук пишет: «То, что я сказал о земле паскатири, я знаю через братьев проповедников, которые ходили туда до прибытия татар и с того времени жители ее были покорены соседями булгарами и многие из них стали сарацинами» (Гильом де Рубрук, 1957, с.123).

В настоящее время «паскатиры» средневековых источников, безусловно, увязываются с чияликской культурой (см. ниже).

2. Археологические источники и принципы их изучения

Важнейшими достижениями исторической науки Урало-Поволжья в последние десятилетия стали исследования памятников финнов и угров, их хронологическая и этнокультурная интерпретация, освещение связей их носителей с волжскими болгарами. В середине XX в. лепную керамику, встречающуюся при раскопках болгарских поселений, соотносили с финно-уграми, которые якобы постоянно жили в этом районе. При этом плоскодонная посуда считалась городецкой, а лепная круглодонная керамика с гребенчато-шнуровым орнаментом генетически связанной с ананьинской (Смирнов, 1951, с.27).

Рассмотрим памятники, считающиеся в настоящее время угорскими. Среди них некрополь у с. Балымеры (раскопки П.А.Пономарева и Н.П.Лихачева в 1882 г.), где были обнаружены бронзовые накладки на ремень, которые А.А.Спицын интерпретировал как венгерские (1914, с.107–110); единичные находки из цветного металла и фрагменты лепной круглодонной керамики с гребенчато-шнуровым орнаментом из коллекций А.Ф.Лихачева, Л.О.Сиклера, Н.Ф.Высоцкого и др., из ГОМ РТ, ГИМ, Национального музея Финляндии.

В 1920–30-е годы на болгарских поселениях и городищах, изученных П.П.Ефименко, В.В.Гольмстен, А.П.Смирнов и др., встречались и фрагменты посуды со шнуровым орнаментом, которая рассматривалась как керамика постананьинского населения. Первый закрытый погребальный языческий комплекс с таким сосудом изучен Н.Я. Мерпертом в 1953 г. у с. Хрящевка Ставропольского р-на Самарской области (1954, с.126–129). В 1957, 1960-х годах А.Х.Халиков и В.Ф.Генинг провели широкие раскопки I Большетарханского могильника VIII–X вв. в Тетюшском р-не РТ. В коллекции керамики этого памятника встречены и круглодонные экземпляры с гребенчато-шнуровым и резным орнаментом, которые В.Ф.Генинг склонен был связывать с культурой угров Западной Сибири и Зауралья (Генинг, Халиков, 1964, с.139). С 1961 г. и в течение четверти века под руководством А.Х.Халикова, Е.П.Казакова, Е.А.Халиковой проводились широкие раскопки Танкеевского могильника в Сласском р-не РТ. За это время было изучено 1200 языческих захоронений IX–

X вв., многие из которых сопровождались богатыми вещевыми комплексами. Среди них сотни захоронений принадлежали поломоколомоватовскому населению, мигрировавшему на Волгу из Приуралья и Верхнего Прикамья. Инвентарь танкеевских погребений стал основой для исследования многих кардинальных проблем истории Северо-Восточной Европы в болгарский период, в том числе и вопроса об этнокультурной принадлежности пришлого урало-прикамского населения.

В 1969, 1970 гг. Е.А.Халиковой и Е.П.Казаковым было вскрыто 121 погребение на Тетюшском могильнике X – начала XI в. Здесь также встречены лепные круглодонные сосуды прикамского происхождения (Казаков, Халикова, 1981, с.21–35).

В 1974, 1975, 1978–1985 гг. Е.А. и А.Х.Халиковыми было изучено 150 захоронений Большетиганского могильника (Алексеевский р-н Татарстана), многие из которых сопровождались богатым инвентарем IX – начала X в. и лепными круглодонными сосудами кушнаренковской культуры, соотносимой с уграми (Chalikova, Chalikov, 1981). Посуда их обычно украшалась мелкогребенчатыми штампами. К памятникам этого круга относятся также два могильника в Самарской области. Хотя керамики в них не встречено, однако вещевой материал аналогичен комплексам кочевых угров второй половины VIII – IX в. Одни из этих некрополей расположен на 116 км железной дороги у Самары (Матвеева, 1976, с.33–39), второй – у разъезда Немчанки (Матвеева, 1977, с.52–56).

О проживании угров в IX в. на территории Ульяновского Поволжья свидетельствуют находки посуды на городище «Чертов городок» в Старомаинском р-не. При раскопках Ю.А.Семькина в 1993–94 гг. здесь встречено два сосуда, аналогичных неволинской керамике (1996, с.79, рис. 4, 3, 40). Комплексы находок, явно связанные с культурой кочевых угров, отмечаются и в других местах Ульяновского края, в том числе и на правобережье Волги.

Крупным событием стало также открытие В.Е.Казаковым в 1995 г. XII Измерского могильника, на котором изучено погребение и собран уникальный материал, имеющий аналогии в Большетиганском могильнике (Казаков, 2004, с.83–87).

Клад с включением угорских изделий найден в 2004 г. у пос. Новая Слобода Сенгилеевского р-на Ульяновской обл., на правобережье Волги (Вискалин, Уланов, 2005, с.43–47).

Отдельные находки поломско-ломоватовской керамики, украшенной шнуровым и фигурно-решетчатым орнаментом, отмечаются в памятниках Татарстана второй четверти X в., в частности, в Болгаре (раскопки Т.А.Хлебниковой и др.) и Малоиерусалимском селище (раскопки П.Н.Старостина в 1990–94 гг.). Все это может свидетельствовать о том, что урало-прикамское население участвовало в строительстве раннего Болгара, который в письменных источниках упоминается со второй половины X в. (Заходер, 1967, с.39).

Единичные обломки пережиточных форм такой керамики отмечены на Измерском селище (Казаков, 1989а, с.39, рис. 3).

Однако в целом следует отметить, что угорская круглодонная керамика, прекращает свое существование в основном, во второй-третьей четверти X в., и носители ее частично уходят в Верхнее Поволжье (см. ниже). На смену им из районов Среднего Урала в конце X в. в Волжскую Болгарию мигрируют новые группы угров. Они принесли из районов петрогромской культуры новую, специфичную по форме и орнаментации керамику. Эта так называемая постпетрогромская посуда была лепной круглодонной с высокой цилиндрической шейкой и скошенным внутрь венчиком. Шейка ее украшалась веревочными оттисками, а плечики – гребенчатыми штампами (Казаков, 1997, с.33–53). О массовости такого переселения свидетельствуют находки постпетрогромской керамики практически на всех домонгольских селищах и городищах волжских болгар. Остатки постпетрогромских поселений с тонким культурным слоем, свидетельствующим о непрочной оседлости, отмечаются на территории Приуралья и на востоке Татарстана (Казаков, 2004а, с.120–128).

В золотоордынский период, особенно в конце его, территория расселения средневековых восточноевропейских угров, ранее занимавших широкие пространства лесостепи в Приуралье и Прикамье, значительно сокращается. Часть из них была ассимилирована в основном тюркоязычным населением, другие оттеснены за Урал. В Волжской Болгарии в это время нет четко выраженных комплексов культуры угров, или мы еще не умеем их выделять. Лишь в керамике на многих поселениях фиксируются некоторые традиции гибридной постпетрогромской культуры.

В то же время близкими восточными соседями болгар оставались тюркизированные и принявшие ислам угры, отождествляемые с чияликской культурой (Казаков, 1978). В Восточном Закамье она пред-

ставлена широко раскопанными Такталачукским, I Азметьевским могильниками, а также Чияликским, Игимским и другими селищами с лепной круглодонной посудой, украшенной веревочно-гребенчатым орнаментом.

Древности финноязычного населения в Волжской Болгарии в большей мере выделяются не по керамике, а по специфическим культовым поделкам и украшениям из цветного металла. Своеобразна лишь круглодонная, низких пропорций посуда пермских финнов, украшенная редкими гусеничкообразными оттисками гребенки или резными линиями, а на позднем этапе имеющая баранковидную ручку (Руденко, 1999, с.86–102). Лепные же плоскодонные горшки волжских финнов мало отличаются от подобной посуды народов Восточной Европы эпохи средневековья.

Таким образом были выделены захоронения окских финнов на поздней языческой части Танкеевского могильника (Казаков, 1992, с.316–318), а в домонгольских памятниках волжских болгар выявлены комплексы верхневолжских финнов (Беговатов, Казаков, 1990, с.12–14).

Своеобразная круглодонная посуда пермских финнов отмечается на памятниках Заказанья более всего в золотоордынский и, особенно, в казанский периоды, когда местное и финно-пермское население находилось в едином политическом пространстве.

3. Историография

Сведения о финском и угорском компонентах в составе волжских болгар имеются уже в работах XVIII–XIX вв., подготовленных с использованием данных письменных источников, языка и этнографии. Поскольку сведения эти скудны, то выводы во многом имели гипотетический характер. Подводя итоги таким работам, В.Ф.Смолин отмечал, что Тунман (1774 г.) и Энгель (1792 г.) считали болгар финно-уграми, близкими гуннам и уграм; Х.Д.Френ (1826 г.) полагал, что при формировании болгар народы смешались (Смолин, 1921, с.5). Чешский исследователь П.Н.Шафарик в середине XIX в. писал, что болгары – народ «угорский или урало-чудской», смешавшийся с тюрками (1847, с.269). И в XX веке П.Д.Шестаков также писал о существовании на Волге союза славянских, тюркских и финно-угорских племен (1884, с.60–72). Анализ теорий о происхождении волжских болгар имеется также в работе П.В.Голубовского, вышедшей в 1888 г. Он отмечал, что Нейман, Иречек, Вамбери считали болгар

народом «чудского, т.е. финно-угорского происхождения» (1888, с.27–29). Сам автор полагал, что этот народ представляет собой «смесь чудского, тюркского и славянского элементов».

На основе данных языка Н.И.Ашмарин считал, что тюркоязычные болгары, смешавшиеся с финнами, обозначались в арабских источниках термином «сакалибы» (1902, с.28). Опираясь на данные языка, венгерские исследователи отмечали, что, будучи еще на востоке, венгры находились под культурным влиянием болгар (Combos, 1912).

Из вышеприведенного следует, что многие исследователи, несмотря на недостаточность имеющихся в то время данных, считали, что финно-угорский компонент был существенным в этногенезе, хотя такие выводы во многом имели интуитивно-гипотетическое обоснование.

Первые работы, использующие археологические материалы для решения проблем этногенеза болгар, появились в XIX в. (С.М.Шпилевский, П.А.Пономарев, А.Ф.Лихачев и др.). В выводах ученых, ввиду скудности исходных данных, преобладали автохтонные тенденции. Так, Ю.В.Готье считал, что страна болгар являла собой «сочетание господствующих тюрков и подчиненных финнов» (1930, с.184). В предвоенные и послевоенные годы исследователи продолжали придерживаться этой точки зрения. А.П.Смирнов полагал, что пришлые болгары смешались с местным прикамским населением (Смирнов, Мерперт, 1955, с.48–53).

Такие представления, основанные на материалах поселений, казались вполне обоснованными. И лишь широкие раскопки раннеболгарских языческих некрополей, предоставивших богатейший сравнительный материал, кардинально изменили их. Первой большой работой, где использовался этот материал, была книга «Ранние болгары на Волге». В ней авторы отрицали какой-либо значительный местный элемент в культуре болгар (Генинг, Халиков, 1964, с.153). В.Ф.Генинг считал, что лепная круглодонная посуда Больше-тарханского могильника оставлена уграми западносибирского происхождения (Генинг, Халиков, 1964, с.139). В то же время подобную керамику из Танкеевского могильника он соотносил с удмуртами (Там же, с.142). В этом проявилась противоречивость его взглядов, так как до ознакомления с раннебулгарскими древностями автор считал некрополи поломской культуры на Чепце исключительно удмуртскими (Генинг, 1962).

Доказательства угорской принадлежности лепной круглодонной посуды Танкеевского могильника были приведены в дипломной работе Е.П.Казакова, защищенной в 1963 г. в КГУ. В статье 1967 г. этого же автора утверждалось, что угорский компонент, выявленный в раннеболгарских могильниках (Танкеевском, Хрящевском и других), находит аналогии в древностях бассейнов Чепцы, Верхней Камы и в Башкирии (Казаков, 1967, с.75–78). Угорская принадлежность памятников отмеченных районов, откуда население и пришло в Волжскую Болгарию, подтверждалась не только наличием в них лепной круглодонной керамики и специфических женских предметов костюма, но и культовыми изделиями, в том числе погребальными масками, находящими параллели в этнографии обских угров (Казаков, 1968, с.230–239). С этими выводами в статье 1970 г. в определенной мере соглашалась Е.А.Халикова. Она полагала, что в составе населения Верхнего Прикамья был «пришлый для Западного Приуралья» компонент, который проник и на Волгу. Автор отмечала: «Трудно в настоящее время категорически говорить об этносе этого компонента, но нефинская принадлежность его для нас очевидна» (1970, с.301).

В 1970 г. появилась первая статья, посвященная изучению, в основном по археологическим материалам, взаимоотношений волжских болгар языческого периода с волжскими финнами. В ней также говорилось «об иной, отличной от финской, этнокультурной основе» болгар (Казаков, 1970, с.260).

В кандидатской работе Е.П.Казакова (1972 г.), выполненной на материалах Танкеевского могильника, намечены два района, с которыми связаны истоки оставившего его пришлого населения: 1) болгаро-салтовский, или юго-восточный и 2) прикамско-приуральский. В прикамско-приуральском районе выделены ломоватовско-раннеродановские, ломовско-раннечепецкие и башкирские комплексы, носителями которых могли быть также угорские и тюрко-угорские группы населения (Казаков, 1972а, с.15–17).

В том же году в совместной работе А.П.Смирнова и В.Ф.Каховского утверждалось, что болгарская народность образовалась «в результате ассимиляции, племен городецкой культуры, проникших в левобережье Волги в III–IV вв., с местным населением пьяноборской культуры» (1972, с.94). Авторы считали, что основу населения Волжской Болгарии «составили булгарские и суварские племена и местное финно-угорское население (буртасы, мари, удмурты и др.)»

(Там же, с.108).

В 1977 г. в Будапеште вышла монография о Танкеевском могильнике, в которой авторы – Е.А.Халикова и Е.П.Казаков – опубликовали материалы раскопок 1961–68 гг. (Khalikova, Kazakov, 1977, p.21–221). Основные же выводы в ней остались те же, что и в упомянутой выше диссертационной работе Е.П.Казакова.

В следующем году вышла книга А.Х.Халикова, посвященная происхождению татар Поволжья и Приуралья. В ней отмечалось, что основное население ранней Волжской Болгарии было близко тюркоязычным соседям: кипчакам, гузам, печенегам, башкирам, буртасам. Автор писал о «генетическом родстве булгар и буртас и происхождении их от кимаков-куман» (1978, с.59–61).

В 70–80-е годы XX в. достаточно успешно исследовались кушнареновский (первоначально считавшийся башкирским) компонент в составе ранних болгар, а также его мажарские параллели (Казаков, 1973, с.130–131). В 1972 г. Е.А.Халиковой и Е.П.Казаковым рассмотрены венгерские аналогии танкеевским материалам (Халикова, 1972, с.145–160; Казаков, 1972, с.161–175).

Важнейший материал для характеристики кушнареновского компонента дали раскопки Большетиганского могильника. Е.А.Халикова утверждала, что он, как и другие кушнареновские памятники Прикамья и Урала, непосредственно принадлежал древним венграм (1976, с.141–156). Эта же точка зрения высказана в монографии о Большетиганском могильнике (Chalikova, Chalikov, 1981).

В статьях Е.П.Казакова отмечалось, что кушнареновская культура оставлена населением, тесно связанным с уграми западносибирской лесостепи. Были разработаны типология и хронология кушнареновских древностей. При этом автор выделил четыре этапа их существования, на каждом из которых локализация памятников этой культуры менялась за счет распространения в западном направлении: 1) собственно кушнареновский – вторая пол. VI – первая пол. VII в.; 2) манякский – вторая пол. VII – первая пол. VIII в.; 3) хусаиновский – вторая пол. VIII–IX в.; 4) танкеевский – конец IX – первая четверть X в. (Казаков, 1981, с.115–135; 1981а, с.136–140; 1987, с.10–30 и др.).

Публикация новых материалов по угорской проблематике вызвала интерес у зарубежных, в частности, венгерских исследователей. Так, И.Фодор отмечал, что в памятниках Венгрии обнаружены многочисленные аналогии болгарским и угорским изделиям; и это, по

его мнению, свидетельствует о тесном взаимодействии болгар с уграми (Fodor, 1982, s.183–292).

В 1984 г. вышла монография Т.А.Хлебниковой, посвященная анализу керамики Волжской Болгарии. Она разделила лепную круглодонную посуду на ряд групп, утверждая, что развитие раннеболгарских комплексов продолжается в домонгольское время. Данный вывод вызывает возражение, так как постпетрогромская посуда оставлена новыми группами угорских мигрантов, не связанными с ломовско-ломоватовским населением. В работе явно преобладало представление о непрерывности развития керамических комплексов в стране болгар.

Во второй половине 1980–90-х гг. продолжалась разработка проблем взаимодействия волжских болгар с угорским и финноязычным населением как в раннеболгарский, так и в домонгольский периоды (Казаков, 1985, с.24–37; 1992б, с.42–50).

В 1989–1990 гг. вышли два сборника с материалами конференции, приуроченной к 100-летию со дня рождения Н.Ф.Калинина, в которых рассматривались и проблемы взаимоотношения болгар с финно-угорским миром. Так, в статье В.Ф.Генинга утверждалось, что пришлые болгары, возглавляемые котрагами, оказались в окружении «древнетюркского (именьковского) населения, а танкеевские финно-угорские группы выводили сюда феодалы «во время набегов на чепецкие, верхнекамские и башкирские земли» (1989, с.13). А.Х.Халиков считал, что из-за похода Марвана в 735–736 гг. на Среднюю Волгу из Хазарии ушли болгары-барсилы, которые вытеснили именьевское население (автор считает возможным относить их к сембам Прибалтики). Появление памятников типа Танкеевки А.Х.Халиков связывал с переселением из Прикамья в Среднее Поволжье «протоболгарских племен эсегель (ису, вису)» (1989, с.21). В своей работе В.А.Иванов утверждал, что кушнареновское население не принимало заметного участия в формировании этноса и культуры волжских болгар из-за конфронтации (1990, с.112–115). Во второй статье А.Х.Халиков писал, что пришлые болгары вместе с ломоватовско-ломовским населением разгромили мадьяр и «что прикамско-приуральское население, родственное в своей основе протоболгарам... и называющееся старым племенем (см. болгарские эсегель, или искиэль), довольно быстро вошло в контакт с болгарами барсилами и ... началось формирование населения Волжской Булгарии» (1990, с.11).

Указанные работы свидетельствуют, что даже крупнейшие исследователи мало использовали уникальные материалы по истории волжских болгар, известные еще с конца 60-х годов XX в., и намеченные ими широкие исторические и географические рамки жизни народов средневековья во многом основывались на тех же гипотетических методических (автохтонных) принципах, что и ранее.

Е.П.Казаков в статье, опубликованной в одном из упомянутых сборников, писал о том, что пришлые болгары вступили в контакт с также пришлым урало-прикамским населением. Свидетельством тому, как считает автор, широкое распространение в стране групп гибридной керамики, сочетающей собственно болгарские и урало-прикамские признаки (лепные кувшины, горшки с уплощенным дном и т.д.) (Казаков, 1989, с.126).

В 1992 г. вышла книга Е.П.Казакова, в которой подведены итоги исследований по выявлению финно-угорского компонента, его структуры, типологии, датировки, а также взаимодействию с болгарами в раннеболгарский период. На материалах памятников этого времени достаточно обоснованно доказано, что урало-прикамский компонент является пришлым для Среднего Поволжья, и что он является угорским.

В последующие годы продолжалось углубленное изучение угорской проблематики. В обобщающей статье 1997 г. отмечено, что миграция приуральских угров на Волгу произошла вследствие конфронтации мадьяр и печенегов во второй трети IX в. (Казаков, 1997, с.35). Начавшееся с этого времени тесное взаимодействие болгар с населением Приуралья продолжалось в домонгольский и золотоордынский периоды (Там же, с.37–45). В конце X в. в Волжскую Болгарию из районов Среднего Урала проникает новая мощная волна угорских переселенцев. На широких пространствах лесостепи Урало-Поволжья они оставили многочисленные памятники постпетрогромской культуры домонгольского периода (Казаков, 2004а, с.120–128). Характерная лепная круглодонная постпетрогромская посуда с гребенчато-шнуровым орнаментом встречается практически на всех домонгольских памятниках Волжской Болгарии. Подобную керамику исследователи отмечают в памятниках чияликской культуры, сменившей в золотоордынский период в Волго-Уралье постпетрогромскую (Казаков, 2003а, с.79–87).

Обратное влияние волжских болгар на угорское население Прикамья в различных проявлениях достаточно широко освещено в монографии А.М.Белавина (2000).

О взаимодействии волжских болгар с населением полумской культуры писали в своих монографиях удмуртские исследователи (Иванов, 1998; Голдина, 1999). Авторы считают полумские племена преимущественно пермоязычными. Они утверждают также, что появление их на Волге вызвано насильственным переселением в результате походов болгарских феодалов. Как указывалось, такой точки зрения придерживался В.Ф.Генинг, который в работе 1989 г. отметил, что «феодалы» совершали набеги «на чепецкие, верхнекамские и башкирские земли».

В последние годы появились новые работы по вопросам взаимодействия волжских болгар с поволжскими финнами (Казаков, 2000а, с.15–17; 2003, с.8–42 и др.)

Во второй половине домонгольского и в золотоордынский период взаимодействие финно-угров и болгар усиливается. Это, в частности, прослеживается в погребальной обрядности (Руденко, 2001, с.129–131). О контактах волжских болгар с уграми и пермскими финнами в это время в Предкамье свидетельствуют материалы, полученные в последние годы А.З.Нигамаевым (2005).

В 2002 г. в журнале «Finno-Ugrica» вышла статья Е.П.Казакова, в которой сделан обзор опубликованных в 1995–2000 гг. центрами финно-угорской археологии Урало-Поволжья работ по раннему железному веку и средневековью (2002а, с.114–122). Автор отмечает появление работ, в которых признается большое значение миграций в процессе взаимодействия финноязычных, угорских, сарматских, тюркских народов на изучаемой территории. Миграции обычно происходили вследствие глобальных военно-политических событий на пространствах Евразии (образование Первого Тюркского каганата в середине VI в., переселение болгар и угров на Волгу в IX в. и т.д.).

Глава II

ВОЛЖСКИЕ БОЛГАРЫ И УГРЫ

1. Археологические доказательства языческой культуры угров

Отнесение археологического комплекса к тому или иному этносу всегда представляет проблему. Существует много работ, где даже уходящие в глубокую древность археологические материалы «смело» связываются с тем или иным народом, но, как правило, выводы их, по меньшей мере, дискуссионны. Существуют и труды, в которых отрицается специфика традиционной культуры народов, связь между духовным миром и его материальным воплощением. В данном случае отражается ущербная для науки идея, что материальные, в том числе археологические, данные не имеют этнического содержания. Носителем этноса, якобы, является самосознание человека. Но даже современные народы сохраняют культурное своеобразие, и с большей безусловностью это проявлялось в древности.

Определение археологических комплексов и памятников в качестве угорских базируется на ретроспективном методе. Письменные источники X–XIII вв. позволяют не только считать некоторые культуры угорскими, но и локализовать их. Удивительная хронологическая преемственность основных элементов культуры у народов этой языковой семьи позволяет экстраполировать их в глубокую древность вплоть до раннего железного века.

Материальная культура отражала глубокие и сложные идеологические представления угров, существовавшие в языческих формах в течение многих столетий. Изучению их семантики во многом способствуют богатейшие этнографические материалы обских угров.

Рассмотрим основные элементы культуры угров.

Всплеск активности угров с непрочной оседлостью и кочевых относится к середине VI в. События периода образования Первого Тюркского каганата вызвали массовую миграцию населения, в основном, с востока на запад. К западу от Урала, на широком пространстве от тайги до степи появляются культуры: ванвиздинская, полон-

ская, ломоватовская, неволинская (рис. 1), кушнаренковская с характерными угорскими чертами (Казаков, 1987а, с.67–75).

Уграм леса и лесостепи Уральского региона присуща лепная круглодонная с примесью толченого талька или раковины в тесте керамика, украшенная веревочно-гребенчатым или решетчато-штампованным орнаментом. Для кочевых угов лесостепи и степи характерна лепная круглодонная посуда с примесью песка в тесте и гребенчато-резной орнаментацией (кушнаренковская культура). Керамика с гребенчато-шнуровым орнаментом на Среднем Урале известна с эпохи раннего железа. В эпоху Тюркских каганатов она получает широкое распространение в Прикамье (поломско-ломоватовские памятники). Во второй половине IX в. из-за угрозы нападений печенегов, разгромивших до этого мадьяр, поломско-ломоватовское население в массе переселяется в Западное Закамье – будущую центральную часть Волжской Болгарии. Вместе с продвинувшимися сюда кушнаренковским и неволинским населением они оставили могильники с явно угорскими элементами культуры (Танкеевский, Больше-тиганский, XII Измерский) (рис. 2; 3, I). В Приуралье же к середине IX в. кушнаренковские, неволинские, южнополомские и южноломоватовские памятники исчезают полностью.

Формирующееся государство волжских болгар становится центром притяжения угорского населения Урала и Прикамья. Так, в конце X в. из районов Среднего Урала в Волжскую Болгарию проникает новая волна угов с характерной для постпетрогромской культуры лепной круглодонной посудой, украшенной шнуровым и гребенчатым орнаментом (Казаков, 1996, с.447–449). Такая керамика или ее гибридные образцы весь домонгольский период присутствуют в памятниках Волжской Болгарии, составляя здесь от 1,5 до 7–10% керамического материала (рис.3, II).

Об угорской принадлежности отмеченной гребенчато-шнуровой керамики убедительно свидетельствуют материалы чияликской культуры, которая в XIII–XIV вв. занимала широкую территорию лесостепи от границ Волжской Болгарии до Зауралья (Казаков, 2003а, рис. 7, 9–8). Наряду с поселениями с тонким культурным слоем исследовано около 400 захоронений (Такталачукский, Азметьевский, Дербешкинский и другие могильники). Погребения в них совершены уже по мусульманскому обряду, однако во многих случаях сохранились и языческие элементы. В могилы младенцев, еще не прошедших обряд по-

священия в мусульманство, продолжали ставить лепные круглодонные сосуды с веревочно-гребенчатым орнаментом (рис.3, III).

Такая же – традиционная для угров – посуда отмечается в юдинских и макушинских памятниках лесного Зауралья – в Пылаевском, Макушинском и других могильниках XI–XIII вв. (Кутаков, Старков, 1997, с.130–147). Аналогичные сосуды известны в памятниках Башкирии этого же времени: Кушулевском могильнике и др. (рис. 4, 2).

Таким образом, огромная территория лесостепной и лесной зоны к западу и востоку от Среднего Урала и сама его площадь в золотоордынское время была занята родственными группами угров (рис. 3, III). В середине XIII в. Плано Карпини и Рубрук сопоставляют эту территорию непосредственно со страной Паскатири, или Великой Венгрией. Отмечается, что «язык паскатири и венгров один и тот же; это пастухи, не имеющие никакого города; страна их соприкасается с запада с Великой Булгарией» (Путешествие в восточные страны..., 1957, с.47, 48, 123).

Как показывают материалы (Казаков, 1978, с.49–82), в золотоордынский период идет тюркизация и мусульманизация населения «страны паскатири». Сам этноним Паскарт-Баскарт является трансформацией этнонима кочевых угров «бажджарт-бажджирт», известного, по данным восточных авторов, еще с X в. Впоследствии, после ассимиляции остатков угорского населения, этот термин выступает как этноним тюркоязычных башкир (как, например, на Дунае, где славяне, ассимилировав болгар, восприняли их этноним).

Следы культуры угров продолжают сохраняться в культуре иштяков. А чияликские могильники в низовьях Белой (Такталачукский, Азметьевский, Дербешкинский, Кушулевский), видимо, можно соотносить с предками тюркизированного угорского племени энэй, которые жили здесь до XVIII в. (Кузеев, 1974).

Другим диагностирующим показателем языческой культуры угров являются погребальные маски (рис. 5; 6). Этот элемент погребальной обрядности фиксируется у многих народов: в неолитических погребениях Болгарии, захоронениях эпохи бронзы Северного Причерноморья, античных некрополях этого же региона, могильниках Алтая и Северо-Западного Китая и т.д. Однако у угров он имеет специфику, отражающую глубокие и сложные идеологические представления о реинкарнации души. Одной из важных черт процесса превращения является *is hog*, или «душа-тень». После смерти чело-

века она становится *jol gamte*, или «могильной душой», представляемой в виде покойника, встающего (чаще всего ночью) из могилы (Чернецов, 1954, с.117–119). Он мог быть опасен, и поэтому лицо его закрывалось каким-либо материалом. Однако он (по верованиям) – существо деятельное (тем более, в потустороннем мире) и должен иметь такие важнейшие атрибуты как глаза, рот, что и отмечалось на лицевом покрытии. Поэтому все маски угров состоят из двух частей: лицевого покрытия (иногда голову завертывали в какую-либо ткань) и нашитых на него металлических личин с прорезью для глаз и рта. Нередко рот и глаза отмечались и другим способом: путем нашивки металлических пластин и т.д. Так поступают обские угры, которые обертывают голову умершего шкурой оленя мехом внутрь, а на место глаз и рта нашивают пуговицы. Серебряные маски-наглазники, нашитые на китайский шелк, которым были покрыты лица погребенных, отмечены в трех ломоватовских захоронениях Деменковского могильника (Генинг, 1964, с.101). Появление таких тканей в Волго-Уралье относится к середине VI в. н.э. – времени появления Первого Тюркского каганата.

Самые ранние лицевые покрытия к западу от Урала зафиксированы в комплексах ванвиздинской культуры второй половины VI – VII в., оставленных переселенцами из Зауралья. С этого времени и до IX в. они широко встречаются в памятниках ломоватовской, неволинской и кушнаренковской культур. Часто лицо погребенного было закрыто шелковой китайской материей. Металлические накладки отличаются большим разнообразием и представляют и целые личины, и различные наглазники и наротники (Казаков, 1968, с.230–239).

Во второй половине IX в., как уже отмечалось, из-за опасности печенежских нападений приуральские угры переселяются в Волжскую Болгарию. Они принесли с собой и вышеотмеченный обряд, который получил здесь свое классическое развитие. В Танкеевском могильнике, где преобладал пришлый верхнекамский компонент, встречено 45 погребений с масками, и это несмотря на то, что редкие погребения не ограблены. Голову здесь обматывали шелком (рис.6, 2), а на лицевую часть нашивали серебряную личину с прорезью для глаз и рта (рис. 6). На одном из экземпляров, выполненных в басманной технике, имеется изображение бровей и усов (рис. 6, 3). Детали масок (серебряные нашивные пластины), намечающие черты лица погребенных обнаружены и в Большетиганском могильнике.

Такой метод отмечания глаз и рта был более характерен для кочевых угров, представленных кушнаренковской культурой, к которой и относятся могильники у сел Большие Тиганы и Измери. Подобным же образом отмечали глаза и рот близкие по культуре к кушнаренковскому населению мадьяры, которые в конце IX в. переселились в Паннонию. Правда, лицо умершего они иногда покрывали кожей, а вместо серебряных пластин могли применять бронзовые накладки (Диенеш, 1963, с.112).

Оставшееся на Верхней Каме в районе ломоватовской культуры угорское население до ассимиляции и вытеснения его пермяками и позднее русскими сохраняло этот элемент обрядности. Так, три серебряные личины отмечены в погребениях второй половины X – первой трети XI в. Рождественского могильника (рис. 5, 1, 2). Детали лица на них намечены прорезями и чернением (Крыласова и др., 1997, с.122).

Поздние погребальные маски отмечаются в некрополях чияликской культуры (страны «паскатир», или «Великой Венгрии»). Они встречены в погребениях Усть-Кишертьского, Пылаевского, Кушулевского, Такталачукского и Азметьевского могильников. Лица погребенных здесь покрывали кожей, а глаза и рот отмечали нашивкой или накладыванием пластин из серебра или белой бронзы. Пластины имели округлую форму и иногда приклепанное ушко. Нередко применялись рубленые части таких пластин.

Таким образом, культурная, хронологическая, географическая специфика комплексов с погребальными масками, их непосредственная связь с идеологическими представлениями обских угров, известными по этнографическим данным, не позволяют сомневаться, что они маркируют языческую культуру угров. Помимо венгерских, в настоящее время известно свыше 100 погребений с такими масками из 17 могильников VI–XIV вв. Урало-Поволжья и Зауралья. Локализация их на территории Евразии соответствует ареалам угорских племен (рис. 5, А) и близких к ним народов (Казаков, 1992, с.250–251).

Этот специфичный элемент погребальной обрядности в угорскую среду, возможно, проник от населения Саяно-Алтая и Северо-Западного Китая. Подобные погребальные лицевые покрытия отмечены в захоронениях могильника Астана в Турфанском оазисе Синьцзян-Уйгурского автономного округа Китая. Как и у угров, маски представляли собой шелковое лицевое покрытие и металлические

наглазники (Лубо-Лесниченко, 1984, с.113–117). Датируются они IV–VIII вв. н.э., т.е. гуннским и тюркским периодами. Не исключено, однако, что подобный элемент обрядности существовал здесь и в более глубокой древности, что подтверждается находками погребальных масок в могильниках глазковской и таштыкской культур. Для эпохи средневековья погребальные маски, в том числе золотые личины, отмечены в Фергане, на Тянь-Шане. Бронзовые и серебряные личины у киданей существовали до XI в. н.э. (Ивлиев, 1990, с.42–63), а у предков киданей известны тканевые покрытия лиц умерших с нашитыми бляшками.

В основном с этими же регионами распространения угорских масок совпадает локализация памятников кочевых угров, в могилы которых клали шкуру животного вместе с головой и конечностями. В отличие от тюрков, которые располагали (вытягивали) набитую соломой и оседланную шкуру лошади (куклу) вдоль погребенного, угры, располагали ее кучей («в сложенном» виде) в ногах умершего, по возможности придав ей вид отдыхающего животного (рис. 6). Здесь в торцовой части могилы сооружали небольшую, иногда с подбоем, камеру, куда и помещали комплекс.

Наиболее ранние памятники с таким элементом погребальной обрядности, известные еще в гуннское время, так же как и могильники с масками, появились к западу от Урала в середине VI в. н.э. Три таких комплекса отмечены в Кушнаренковском (рис. 7, 1) и три в Коминтерновском II могильниках, относимых к турбаслинско-именьковской (позднесарматской?) общности. В последнем из некрополей встречен и поминальный (надмогильный) вариант этого комплекса (Казаков, 1998, с.115, рис. 3А).

В VII–VIII вв. положенная в указанном порядке шкура лошади повсеместно фиксируется в могильниках угорских культур: кушнаренковской, неволинской, ломоватовской (в южном варианте). Однако в своей классической форме этот элемент представлен в памятниках Волжской Болгарии. Причем его использовали не только угры (Большетиганский, Танкеевский могильники), но и, в качестве заимствования, собственно болгары (в районах салтовской культуры, откуда болгары пришли, такой обрядности не было). Болгары на Волге, видимо, восприняли этот элемент от поздних сармат (буртас?), через земли которых они мигрировали на север.

В языческих могильниках Волжской Болгарии IX–X вв. отмечено 157 погребальных и 46 поминальных комплексов коня (рис. 8–9). В первом варианте преимущественно в небольшой камере кости четырех ног клались вместе копытами к голове умершего человека. На них в уздечке располагалась голова лошади, направленная резцовой частью также к голове погребенного (рис. 7, 4–6). Совершенно так же располагали обские угры шкуру медведя, укладывая голову животного на лапы в позе «отдыха», о чем свидетельствуют как средневековые бронзовые плакетки, так и этнографические материалы (см. ниже). Таким же образом совершались и поминальные комплексы, но располагались они в небольших ямах около могил, а голова лошади была без уздечки (рис. 8). В Танкеевке оба вида комплексов связаны с погребениями мужчин-воинов (рис. 9).

В конце IX в. данный вариант погребальной обрядности отмечен в мадьярских могильниках Паннонии (рис. 7, 2), где, по данным Ч.Балинта (1972, с.176–184), зафиксированы сотни его проявлений.

Картографирование памятников с этим элементом обрядности показывает, что концентрация их совпадает, в основном, с районами проживания кочевых угров и, во многом, с регионами распространения погребальных масок (рис. 10).

Шкура животного с оставленными с ней головой и ногами символизировала суть самого коня со всеми его внешними атрибутами (как и маска отражала важнейшие атрибуты деятельного существа – глаза, рот). Почитание шкуры лошади, как уже отмечалось, известно и в этнографии обских угров (Казаков, 1984, с.108). Во многом оно сходно с почитанием шкуры медведя. В обоих случаях шкуры считалисьместищем душ этих животных и при ритуальном использовании располагались так, чтобы имитировалась поза отдыхающего существа. Иллюстрируют это, в частности, бронзовые шаманские плакетки с изображением лежащего головой на передних лапах медведя, так же укладывали ритуальные останки угры на медвежьем празднике.

Отражением многогранных и сложных космологических представлений в рамках урало-сибирского шаманизма являются разнообразные культовые подвески, встреченные во многих памятниках рассматриваемой территории (рис. 11А, 15–17 и др.). К западу от Урала они, как правило, считаются угорскими, так как для финноязычных народов нехарактерны. Преобладают плоскостные бронзовые плакетки с изображением медведя, лося, зайца; представителей

«нижнего мира»: змей, ящеров; «верхнего мира»: разнообразных птиц. Медведь, как прародитель племени, иногда представлен с браслетами на лапах и гривной на шее. Личины на груди животных или птиц, видимо, символизируют души. Подвески, изображающие «небесного всадника» – Мир-сусне-хума – в виде человека, сидящего на представителе «нижнего мира» – змее (рис. 11А, 14), в X в. получили широкое распространение у далеких западных соседей угров по Волжскому торговому пути.

Одним из массовых культовых изделий угров являются поделки со щитком, изображающим две конские головки на длинных шеях. В древностях ломоватовской культуры они представлены женскими оберегами – нагрудными шумящими подвесками (Голдина, 1985, с.222, табл. XIV, 9-14), которые, во многом через Волжскую Болгарию, получили распространение в разных областях Восточной Европы (Голубева, 1966, с.91–95).

Волжские болгары наладили производство так называемых коньковых кресал, в оформлении которых сказалось влияние коньковых подвесок. Правда, конские головки на их щитках обращены не в разные стороны, как у шумящих подвесок, а направлены мордами друг к другу (Голубева, 1965, с.115–132). Такая конструкция являлась наиболее прочной и удобной при высекании огня. В этих поделках явно отражается связь образа лошади с культом огня. Из страны болгар кресала по Волжскому и Камскому торговым путям широко распространились в Марийском Поволжье и других районах. Появились также кресала, бронзовые рукояти которых были украшены фигурками двух всадников, крылатых драконов и т.д.

Кресала с рукоятями в виде головок коня, всадников и фигуры лошади, датирующиеся концом IX – первой половиной X в., обнаружены в Танкеевском могильнике (рис. 11). Изготавливались они угорским населением, участвовавшим в этногенезе волжских болгар. Учитывая, что на данном некрополе вскрыта лишь пятая часть из предполагаемых захоронений и что более 90% их ограблены, можно предполагать здесь сотни таких изделий. Свидетельством местного производства могут служить также находки заготовок и следы литейных мастерских. (Казаков, 1992, с.142, 143).

Таким образом, можно утверждать, что Волжская Болгария в указанное время являлась центром изготовления подобных кресал, откуда они широко расходились в соседние регионы. Несомненно, из

страны болгар в Марийское Поволжье попали изделия, сюжеты которых отражают черты постсасанидского искусства: крылатые собаки-сенмурвы, крылатые драконы (Финно-угры и балты ..., 1987, с.302, табл. LIV, 2, 5, 6, 9).

Своеобразным украшением угров являются коньковые подвески, нижняя часть которых оформлена в виде трех кружков, имеющих в свою очередь гроздевидные напуски в виде трех соединенных полушарий (рис. 11). Выпуклая центральная часть кружков окружена пояском, причем пояски крайних кружков имеют рифление. Такие подделки найдены в некрополях ломоватовской культуры (Голдина, 1985, с.222, табл. XIV, 17). В IX в. угорские переселенцы принесли их в Среднее Поволжье. Одна из них обнаружена в женском погребении 2 Большеитиганского могильника (Chalikova, Chalikov, 1981, s.100, taf. II, 3). Три таких же украшения встречены в Новослободском кладе в Ульяновской области (Вискалин, Уланов, 2005, с.46, рис. 1, 1–3), где найдены и характерные для поломской культуры бронзовые литые наконечники ремней с орнаментом из имитаций треугольников зерни на внешней поверхности (Там же, 2005, с.47, рис. 2, 4–5).

В этом комплексе наблюдается своеобразное сочетание угорских и поволжско-финских (в основном, женских) изделий. Не исключено, что какая-то группа кочевых угров в раннеболгарский период на правобережье Волги контактировала с мордвой. Угорские вещи обнаружены даже на Золотаревском поселении Пензенского края (Белорыбкин, 2001, с.38, 42, 50).

Характерные черты искусства уральских угров проявляются даже в утилитарных литых изделиях. В этой технике сделаны крупные бронзовые пряжки с изображением на щитке двух зайцев, обращенных спиной друг к другу (Викторова, 1973, с.161, табл. XIII, 10). Подобная пряжка встречена в Измерском селище (рис. 12, 1). На щитке отмечен и веревочный узор, часто сопровождавший культовые подделки угров.

Характер и сюжеты культового литья перенесены даже на костяные изделия угров. Так, на костяной пластине для защиты руки при стрельбе из лука из Национального музея РТ изображена сложная композиция из головы зайца и трех хищных птиц, вероятно, связанная с «шаманскими» представлениями (рис. 12, 2).

Среди изделий, несомненно, связанных с миром уральских угров, можно назвать заимствованные у поздних сармат кольцевидные

изделия с утолщениями по ободу, которые угры стали украшать гроздевидными напусками из трех соединенных полушарий. Такие предметы отмечены в Перейминском могильнике на Урале (Чернецов, 1957, с.168, табл. XIII, 12, 13), в ломоватовской культуре (Голдина, 1985, с.227, табл. XIX, 4, 12). Наиболее поздние подвески с утолщениями встречены в Танкеевке (рис. 11А, 8, 10).

Такие комплексы свидетельствуют, что угры, войдя в состав населения ранней Волжской Болгарии, сохранили навыки изготовления культовых изделий и, видимо, свои мировоззренческие представления. Возможно, этому способствовала их близость языческой культуре болгар. В ремесленном производстве ранних болгар изготовление подобных поделок приобрело массовость и новые формы.

Анализ всего богатейшего материала угров еще предстоит. В настоящее время не сделан даже типологический расклад, не говоря уже о каких-либо глубоких исследованиях по его семантике. Судя по находкам в ананьинских могильниках Волго-Камья (Старший Ахмыловский, Тетюшский, Луговской, Зуевский и др.) ритуальных предметов (фигурок идолов, летящих птиц и др.), можно предполагать, что отраженные в плакетках представления в определенной мере сформировались уже в раннем железном веке (Казakov, 1988, с.81–82). В это время определились и этнографические особенности угорских и поволжско-финских культур, прослеживаемые по данным археологии.

Большое число подобных изделий встречается на святилищах, столь характерных для культуры угорских народов. Святилища Западной Сибири достаточно полно описаны в этнографической литературе. Значительно хуже изучены они к западу от Урала, где известны по археологическим данным. Одним из них является Чумойтло, предназначенное для обслуживания культа промысловой магии (Голдина, 1987, с.84–106). Оно расположено в 80 км к северу от Елабужского городища, недалеко от г. Можга на левобережье Валы. В центре святилища располагался жертвенник с расположенными вокруг столбовыми ямами и мощным слоем золы с включением кальцинированных костей и угля. Среди сохранившихся костей преобладали кости диких животных, в основном, северного оленя и лося в числе 129 особей. На памятнике встречены железные (70 экз.) и костяные (7 экз.) наконечники стрел, железные ножи. Керамика представлена круговой болгарской, а также лепной круглодонной угорской постпетрогромской с веревочно-гребенчатым орнаментом и финно-пер-

мской (см. ниже), что свидетельствует о проживании здесь угров и пермских финнов, видимо, находившихся под влиянием болгар.

Угорские святилища Урала нередко находились в пещерах. Их культовый характер определяется самим набором костей животных: медведя, лошади, северного оленя, лося, пушных зверей. Судя по тому, что *in situ* обычно оставались лишь черепа и кости конечностей, можно предполагать, что в жертву, возможно, приносили шкуры животных с оставленными в ней головой и ногами (Чаиркин, 2004, с.443). В пещерных и скальных святилищах нередко находят керамику угорских культур (Чаиркин, 2004, с.444), представители которых позднее мигрировали в Среднее Поволжье (см. ниже).

На святилищах клали и фигурки идолов. Так, В.Шишонко сообщает: «...зыряне утверждают, что идолы эти не зырянские, а вогулические, и даже не божества их, а жертвы из меди, вылитые для приношения идолами...» (1981, с.5).

Археологическим подтверждением святилищ являются клады восточного серебра. Они также сосредоточены в основном в районах обитания угров: в Прикамье, на Среднем Урале, в Зауралье. Наиболее многочисленные угорские группы в VII–IX вв. обитали к западу от Урала. К этому времени и относится большинство кладов восточного серебра в Прикамье. В X–XIII вв. угры оттесняются к востоку, и следом меняется локализация кладов (рис.13–14).

Серебро для угров являлось сакральным металлом, «атрибутом изображения божеств». На каждом святилище, как свидетельствуют этнографические источники, должно было быть не менее 4 серебряных блюд, на которые мог приземляться «небесный всадник» – «Мирсусне-хум». В культовой практике серебро, белый металл, имело приоритет как у лесных охотников и рыболовов, так и у кочевников-мадьяр. Да и в целом у угров наблюдается стойкая приверженность следованию традициям.

Подводя итоги, следует отметить, что важнейшие элементы языческой культуры, несомненно, являются этнопоказательным признаком, и в первую очередь, для угорских народов. Это, прежде всего, погребальные маски, своеобразное применение в ритуальных целях шкуры животного, комплекс культовых изделий, святилища и др. отражают глубокие, выработанные в течение длительного исторического периода идеологические представления. О преимущественно угорской принадлежности их свидетельствуют как археологичес-

кие, так и этнографические и письменные источники.

Сложение традиционных элементов культуры угров, видимо, можно относить, по крайней мере, к раннему железному веку, что, в частности, иллюстрирует массовый керамический материал. Так, шнуровая посуда бытует в Урало-Поволжье с VIII в. до н.э. до XIV в. н.э.

Соотносимая с пермскими финнами круглодонная, низких пропорций, без орнамента или слабо орнаментированная керамика в Прикамье бытует в тех же хронологических рамках. Появившись в Нижнем Прикамье вместе с пришедшим из Западной Сибири маклашеевским населением в IX в. до н.э., через ананьинские (в нижнекамском варианте), пьяноборские, азелинские комплексы она непосредственно восходит к посуде «одо-илемов», чепецкой культуре удмуртов и керамике перми вычегодской (Казаков, 1994, с.60–62).

Сложнее выявить начало формирования керамического комплекса поволжских финнов. Несомненно, однако, что для мордвы, мещеры, муромы, мери и др. характерны лепные плоскодонные, редко орнаментированные горшки. По крайней мере, со второй половины VI в. н.э. (а учитывая материалы андреевско-писеральского типа начала I тыс. н.э.) и до XIV в. н.э. такая посуда доминирует в Волго-Окском регионе. Таким образом, широко применяемое определение того или иного явления как «финно-угорского» не может являться корректным, т.к. уже в раннем железном веке четко отделялись не только угорские, но и финноязычные этнокультурные подразделения.

2. Кушнаренковская культура

Как уже отмечалось, события периода образования Первого Тюркского каганата вызвали массовую миграцию угров, которые во второй половине VI в. заняли широкие пространства Приуралья. Не менее важным событием, определившим дальнейшее продвижение угров к западу, была мадяро-печенежская конфронтация, вызванная «борьбой за веру» в Хазарии во второй трети IX в. В результате ее на Волге среди болгарских появились угорские памятники, в том числе относящиеся к кушнаренковской культуре.

Появлению представителей угорских культур на Средней Волге предшествовали миграции сюда болгаро-салтовского населения в конце VIII – IX в. Это было кочевое тюркоязычное население, первоначально, видимо, обитавшее к югу от буртас в Волго-Донских степях. Отход их на север (возможно, вследствие событий хазаро-арабской

конфронтации) шел по правому берегу Волги. Об этом свидетельствуют типично болгарские могильники у Волгограда, Саратова (Усть-Курдюмский могильник), Ульяновска (Автозаводский могильник), в Татарстанском Предволжье (I, II Большеетарханские некрополи) и др.

На Среднюю Волгу болгары принесли типично салтовский набор инвентаря, в том числе заимствованную у алан Подонья круговую посуду с бомбовидным туловом и характерные для тюркских кочевников лепные плоскодонные горшки. В то же время в культуре пришлого населения были элементы (глубокие могилы сложных конструкций, черепа и костей ног коня в ногах погребенных и др.), которые, возможно, были заимствованы у буртас во время миграции болгар на север. Такие элементы присущи и кушнаренкову.

Материалы этой культуры в ранней Волжской Болгарии подробно рассмотрены в монографии автора (Казаков, 1992). Кушнаренковские комплексы легко выделяются благодаря своеобразному инвентарю, прежде всего керамике, которая представлена в Танкеевском, Большеетиганском, Тетюшском и XII Измерском могильниках. Памятники кушнаренковской общности в VI–IX вв. занимали широкую, преимущественно лесостепную территорию между Уралом и Волгой. Свое название они получили по могильнику, обнаруженному у райцентра Кушнаренково и изученному в 1955–1959 гг. А.П.Шокуровым и В.Ф.Генингом (Генинг, 1977, с.90–135). В настоящее время в отмеченном регионе выявлено более 150 кушнаренковских (рис. 15) и близких им караякуповских памятников. Богатые комплексы из могильников с территории Башкортостана опубликованы в монографиях Н.А.Мажитова (1977, 1981).

Все исследователи согласны, что кушнаренковское население является пришлым для Урало-Поволжья. Оно занималось скотоводством и вело преимущественно кочевой образ жизни. На территории Нижнего Прикамья изучен ряд кушнаренковских памятников предболгарского времени (Казаков, 1981, с.115–135). Селища здесь, как правило, располагались в долинах рек, на дюнах или на краях пологих надпойменных террас, обычно у старичных озер. Чаще всего они имели небольшие размеры в 600–800 м². На всех из них выявлен культурный слой в 10–25 см, состоящий из гумусированного песка с включениями керамики и костей животных. На некоторых поселениях зафиксированы кострища открытого типа в виде округлых в плане линз сильно гумусированного песка толщиной в 5–12 см с

включением углей, обожженного дерева и обломков керамики.

Пока трудно судить о наличии у кушнаренковского населения исследуемого региона городищ. На тех городищах, где встречена кушнаренковская посуда, она чаще всего составляет меньшинство среди посуды других, обычно более ранних культур, или представлена вообще единичными экземплярами (городище Такталачук). Заметное количество обломков такой керамики зафиксировано только в северных районах региона на территории Удмуртии. Возможно, на этих городищах какое-то время и проживало кушнаренковское население.

На восьми могильниках кушнаренковской общности Нижнего Прикамья вскрыто около двухсот захоронений. Могильники в восточных районах Татарии более ранние (VII–VIII вв.), они заметно отличались от некрополей Западного Закамья. Два из этих могильников (Иманлейский, IV Меллятамакский) располагались на дюнных возвышениях, а один (Такталачукский) – на ровной площадке коренной террасы. Для этих памятников характерно разреженное (на 300–400 м² и более площади встречается одна могила) расположение захоронений и небольшая глубина ям (40–80 см). Скорее всего, погребения находились под небольшими, позднее распаханными курганами. Погребенные лежали вытянуто на спине, головой в направлении севера или северо-запада. Черепа их несут следы искусственной деформации.

Захоронения сопровождалась сосудами, предметами конского снаряжения, вооружением (сложносоставные луки, стрелы), изделиями поясного набора, разнообразными украшениями. В могилах IV Меллятамакского могильника зафиксированы остатки жертвенной пищи в виде ноги лошади.

Могильники кушнаренковского населения Западного Закамья, в IX – начала X в. входившего уже в состав ранней Волжской Болгарии, характеризуются рядом особенностей. Так, в Танкеевском и Тетюшском некрополях захоронения, помимо керамики, содержали уже изделия различных этнических групп, и только Большетиганский и XII Измерский могильники можно считать исключительно кушнаренковскими. Погребенные в Большетиганском некрополе расположены неровными рядами, ориентированы головой на запад и сопровождалась сосудами, предметами вооружения (саблями, луками, стрелами), конского снаряжения, разнообразными украшениями. На лицевой части черепов во многих захоронениях зафиксиро-

ваны серебряные детали погребальных лицевых покрытий (рис. 20).

Характерной чертой обряда является также наличие костей животных, в том числе жертвенных комплексов из черепа и костей ног лошади, уложенных в ногах умерших (Chalikova, Chalikov, 1981).

Кушнаренковская керамика, не имеющая истоков в комплексах предшествующих местных культур, вся лепная круглодонная или с уплощенным дном, горшковидной, иногда кринкообразной формы с примесью мелкоотмученного песка или, в поздних памятниках, с незначительной органической примесью в тесте. Поверхность гладкая или залощенная. Цвет сосудов варьирует от серо-черного до светло-коричневого. Ровная тонкостенность, за исключением обычно заостренных венчиков, сохраняется по всей форме сосудов. Изящность формы и технологии изделий еще более подчеркивается изяществом и совершенством орнамента покрывавшего, как правило, шейку и верхнюю часть тулова. Обычно узор состоял из поясов горизонтальных резных линий (в 3–9, редко более рядов), разделенных поясами оттисков гребенки или штампов в виде подтреугольников («гусеничек»), а также перекрещивающимися резными линиями. Снизу орнаментальная зона иногда завершалась поясом парных перекрещивающихся или зигзагообразных резных линий. У некоторых экземпляров резными линиями орнаментировано и дно. Следует отметить, что в поздних памятниках орнамент вырождается в простые ямки.

Предметы конского снаряжения представлены удилами с Г- или S-образными псалиями, соединительными кольцами уздечки, подпружными пряжками. В погребении 28 Большеитиганского могильника встречены стремяна арочной и грушевидной форм.

Почти в каждом мужском захоронении встречаются костяные обкладки луков, наконечники стрел или крючки от колчанов. Характерной находкой являются ножи, а также детали огнива. Из Большеитиганского могильника известно 9 сабель, часть которых имеет богато украшенную рукоять. Два сабельных клинка встречены также в XII Измерском могильнике.

Предметы одежды и украшения представлены остатками налобных венчиков, височными и нагрудными подвесками, ожерельями, гривнами, браслетами, перстнями, поясными наборами (пряжками, накладками, наконечниками ремней).

Культовые изделия в виде остатков погребальных масок, просверленных костей животных, бронзовых подвесок известны преимуще-

ственно в поздних кушнаренковских памятниках.

Вопросам хронологии кушнаренковских древностей Нижнего Прикамья, с учетом материала подобных комплексов Южного Урала, посвящен ряд статей. В основном они базировались на анализе такого массового материала, как керамика, которая, благодаря своей специфичности, сложности орнаментации, чутко отражала хронологические изменения (Казаков, 1981а, с.136–140). В результате были выделены этапы: раннекушнаренковский (вторая половина VI – VII в., рис. 16), манякский (VIII в., рис. 17), хусаиновский или хусаиновско-большетиганский (конец VIII – IX в., рис. 18) и танкеевский (конец IX – первая половина X в., рис. 17, 1–3). На каждом этапе происходило существенное изменение не только вещевого материала, но и погребального обряда, что могло свидетельствовать о приходе в Нижнее Поволжье новых, хотя и родственных этнических групп (Казаков, 1987, с.29).

На предболгарском этапе Нижнее Прикамье было занято памятниками именьковской культуры. На именьковских памятниках Западного Закамья (Щербетьском островном селище и других) фиксируются единичные фрагменты кушнаренковской посуды, украшенные характерными «гусеничками» (Старостин, 1967, табл. 26, 4). Подобные сосуды известны, как отмечалось, в поздних погребениях Бирского могильника, которые датируются, скорее всего, VI–VII вв. (Мажитов, 1968, с.148, табл. 26; Казаков, 1987, с.19).

Можно полагать, что эти находки синхронны именьковским древностям, которые, судя по полученным в последние годы новым богатым материалам (могильник у пос. Коминтерн и другие памятники Западного Закамья), датируются второй половиной VI – VII в. В конце этого периода именьковские памятники исчезают, и в восточных районах Татарии появляются кушнаренковские могильники, существующие преимущественно уже на следующем, манякском этапе.

Этот хронологический этап получил название по наиболее широко исследованному в Башкирии Манякскому могильнику (Мажитов, 1981, с.5–17), датированному преимущественно VIII в. В Нижнем Прикамье к данному времени относятся материалы ряда поселений, а в восточных районах Татарстана – также Такталачукского, Иманлейского и IV Меллятамакского могильников (Казаков, 1981, с.117–126).

Как уже отмечалось, неглубокие, редко располагавшиеся, видимо, подкурганные могилы указанных памятников содержали костя-

ки, ориентированные головой на север. Черепа их имели искусственную деформацию.

Хотя строгая линейность в орнаментации кринкообразной керамики манякского этапа сохраняется, однако «гусенички» стабилизируются, превращаясь иногда в простые подковы или лунницы. Нередко и их ряды заменяются резными перекрещивающимися линиями. Низ орнаментального пояса часто обрамлен зигзагообразными резными линиями (рис. 17, 6, 8).

Остальной инвентарь данных могильников: детали сложносоставного лука гуннского типа, наконечники стрел, удила с Г-образными псалиями, специфичные поделки поясного набора в геральдическом стиле и прочее – позволяют относить их к концу VII – VIII в.

На следующем, хусаиновском, или хусаиновско-большетиганском, этапе существенно меняется весь облик кушнаренковских памятников. Керамика становится приземистой с шаровидным или бомбовидным туловом. Резко выражен переход от цилиндрической горловины к тулову. В тесте, кроме песка, появляются органические примеси. В орнаментации посуды в это время преобладают резные линии, насечки или гребенчатые оттиски (рис. 18, 7–31).

Погребенные, ориентированные головой на запад, нередко сопровождаются комплексами из черепа и костей ног лошади. В качестве заупокойной пищи продолжали класть определенную часть ноги лошади (рис. 20).

Мужские захоронения сопровождалась легкими луками, стрелами, саблями, предметами огнива. Своеобразен и этнически специфичен набор женских украшений. Мужские, женские и детские погребения сопровождалась богатыми поясными наборами, в орнаментации которых прослеживается сильное влияние сасанидского искусства (Chalikova, Chalikov, 1981; Казаков, 1992, с.58–77).

Вещевой и нумизматический материал позволяет датировать основную часть хусаиновских древностей концом VIII – IX в. Так, в Большетиганском могильнике встречены монеты 590–628, 709–710, 717–718, 742–743, 745–746, 760–761, 787–788 годов, а в погребении 65 найдена монета и 900 г. (Халиков, 1984, с.127).

Наиболее поздние кушнаренковские захоронения Нижнего Прикамья отмечены в Танкеевском могильнике. Датируются они последней третью IX – первой половиной X в. Обряд кушнаренковских захоронений близок обряду предыдущего этапа. Однако их могиль-

ные ямы были менее широкие и имели большую глубину. Тесто сосудов становится более рыхлым, строгая линейность орнамента нередко нарушается. Пояски из резных и гребенчатых линий выполнены небрежно, иногда заходят друг на друга (рис. 17, 2–4). В ряде случаев орнамент превращается в небрежно выполненные ямки или насечки (Казаков, 1981, с.128–130).

Таким образом, на всех четырех хронологических этапах существования кушнаренковских памятников в Нижнем Прикамье: раннекушнаренковском (вторая половина VI – VII в.), манякском (VIII в.), хусаиновском (конец VIII – IX в.), танкеевском (последняя треть – первая половина X в.) в обряде и вещевом инвентаре фиксируются заметные различия, наиболее ярко проявившиеся в керамических комплексах.

Полученные материалы позволяют говорить, прежде всего, о кочевнических традициях в хозяйстве кушнаренковского населения. Об этом можно судить по отсутствию котлованов и следов жилищ, тонкому культурному слою поселений, имеющих, возможно, сезонный характер. Сравнительно малое число керамических находок на некоторых городищах северной периферии кушнаренковской общности также, видимо, свидетельствует о временном посещении этих памятников. Поскольку городища, вероятно, функционировали еще до появления здесь кушнаренковских групп, можно предполагать в ряде случаев их вторичное использование последними в роли временных стоянок, удобных наблюдательных пунктов и т.д. Многочисленные местонахождения фрагментов кушнаренковской посуды на территории Восточного Закамья также могут свидетельствовать о непрочной оседлости кушнаренковских групп.

Сама локализация кушнаренковских поселений на дюнах свидетельствует о стремлении использовать долины рек, богатые луговыми травами, дичью, промысловыми животными, рыбой, зарослями плодово-ягодных кустарников и деревьев. Здесь с глубокой древности благоприятные условия для жизни находили скотоводы, охотники, рыболовы и собиратели.

Судя по материалам могильников, особенно на поздних этапах, кушнаренковское общество, видимо, находилось на заключительной стадии военной демократии. Об этом свидетельствуют выделяющиеся богатством инвентаря (серебряные изделия, предметы вооружения) захоронения. Подтверждается это и тем, что часть кушнаренковского населения вошла в состав населения формирующегося го-

сударства волжских болгар.

Идеологические представления кушнаренковского этнического массива можно проиллюстрировать на примере использования погребальных лицевых покрытий, шкуры лошади с уложенными в нее головой и ногами, определенной части туши лошади в виде заупокойной пищи и т.д. Все эти культовые проявления (включая и кенотафы), характерные нагрудные и поясные подвески женских погребений находят близкие аналогии в среде различных групп западносибирского населения, придерживающегося шаманских представлений.

Рассматривая вопросы происхождения кушнаренковского населения и его взаимодействия с другими этническими группами, можно отметить, что исследователи в своем большинстве признают зауральские и западно-сибирские истоки этого этноса (В.Ф.Генинг, В.А.Могильников и др.). Несомненна родственность кушнаренковских древностей культурам огромной территории лесных и лесостепных районов Западной Сибири со штампованно-гребенчатой посудой, существующих с глубокой древности до позднего средневековья (Финно-угры и балты ..., 1987, с.183–235). За исключением Н.А.-Мажитова, склонявшегося к тому, что кушнаренковские памятники являются тюркскими, большинство авторов считают их самодийскими, тюрко-угорскими и даже мадьярскими (Чернецов, 1957, с.180; Chalikova, Chalikov, 1981).

К западу от Урала раннекушнаренковские комплексы первоначально присутствуют как компоненты в культурах Башкортостана – бахмутинской, турбаслинской (Бирский, Кушнаренковский и другие могильники). Территория Нижнего Прикамья в это время (вторая половина VI – VII в.), как указывалось, была занята именьковскими племенами.

В VII в. именьковские памятники исчезают. В Восточном Закамье и Южной Удмуртии в это время появляются кушнаренковские памятники, в том числе Такталачукский, Иманлейский, IV Меллятамский могильники.

В болгарскую эпоху в Нижнее Прикамье проникают новые волны западносибирских кочевников, оставивших памятники хусаиновского этапа. Они принесли с собой новые, хотя и родственные кушнаренковским, элементы культуры. В их числе более приземистая, украшенная гребенчатыми оттисками и ямками посуда, находящая аналогии в средневековых памятниках приишимской лесостепи Зауралья. Свое-

образный кушнаренковский могильник хусаиновского этапа изучен у с. Чишма Актанышского района Татарстана (Казаков, 1975, с.259–264). Для него и других близких памятников характерна керамика невысоких пропорций с гребенчато-резной и ямочной орнаментацией, серебряные изделия со «вздутой» поверхностью, в числе которых тройники для жесткого крепления ремней уздечки, накладки с полушарно-овальными выступами по верхней части, перстни со щитком, имеющим 4 захвата. Женские комплексы представлены височными подвесками с широким ажурным щитком, ожерельями с листовидными разделителями и нагрудными подвесками с арочными и коньковыми щитками, которые традиционно считаются верхнекамскими, хотя попали они туда, вероятно, от кушнаренковского населения (рис. 25–26).

Аналогичные чишминским погребальные комплексы отмечены в бекешевских комплексах Южного Урала (Мажитов, 1981, с.56–68), в XII Измерском (рис. 24, 4) и Большеитиганском могильниках (погр. 51 и др.).

Почти каждый некрополь хусаиновского этапа отличается своеобразием инвентаря, что свидетельствует о сохранении родоплеменных подразделений в обществе. Этому способствовали широкие пространства урало-поволжской лесостепи, где в мирное время свободно проживало сравнительно немногочисленное кушнаренковское кочевое население.

Однако во второй трети IX в. положение изменилось. В Хазарии, которой, во многом, может быть, и номинально, подчинялись народы Приуралья, началась «борьба за веру» между исламом и иудаизмом. Борющиеся «партии» стремились привлечь на свою сторону кочевников. Результатом этого стала конфронтация между печенегами и мадьярами. Последние по культуре были близки к кушнаренковскому населению, но кочевали к югу от них в степной части (см. ниже).

После того, как печенеги разбили мадьяр, они стали нападать на родственные им угорские племена леса и лесостепи. Об ожесточенности борьбы, возможно, свидетельствует материал того же Чишминского могильника. Здесь расчищено погребение погибшего в бою мужчины. Кости груди, правая рука ниже локтя, кисть левой руки, а также нижняя челюсть отсутствовали, верхняя часть черепа срезана саблей, а у бедренной кости правой ноги, острием к ней, находился костяной наконечник стрелы. Останки этого человека сородичи похоронили в соответствии с обрядом в анатомическом порядке, голо-

вой на запад, в сопровождении шкуры коня с положенными в нее головой и ногами и погребальным инвентарем (рис. 25, II).

Не имея возможности сопротивляться нападениям печенегов, группы кушнаренковского населения уходят на Волгу, видимо, заключив союз с болгарами. Об этом свидетельствует расположение их памятников. Территория пришельцев полудугой охватывает южный угол, разделяющий долины Камы и Волги (рис. 27). Здесь находятся XII Измерский и Большетиганский могильники. В Ульяновском Поволжье она примыкает к Волге. А с юга ее ограничивают памятники степных угров, которым в Самарском Поволжье принадлежали Немчанский могильник (рис. 28) и некрополь на 116 км. К сожалению, в них отсутствует керамика. Эти памятники датируются несколько более ранним временем, и не исключено, что оставившее их население было более тесно связано с мадярами.

Возможно также, что часть кушнаренковского населения ушла на север, на территорию ломоватовской культуры. Об этом свидетельствуют некоторые богатые погребальные комплексы Большетиганского могильника (рис. 19), до деталей аналогичные комплексам женских погребений Редикорского и других некрополей ломоватовской культуры.

В составе раннеболгарского объединения кушнаренковские группы вступили во взаимодействие как с болгаро-салтовским тюркоязычным населением, так и с пришлым верхнекамским угорским населением, представленным пеломско-ломоватовскими и неволинскими комплексами. Так, в детском захоронении 44 Большетиганского могильника стоял болгаро-салтовский круговой одноручный кувшин (рис. 18, 33).

Самая поздняя кушнаренковская керамика, относящаяся к заключительному этапу своего существования, как указывалось, отмечена, в основном, в детских могилах Танкеевского могильника. Во многом она несет признаки вырождения. В фактуре ее, кроме песка, присутствуют органические примеси, тулово шаровидное или бомбовидное. Бывшая прежде строгая линейность нередко нарушается. Пояса из резных линий наносились небрежно, с заходом один на другой, резные зигзаги в нижней части орнаментальной зоны становятся волнистыми. Иногда орнамент вырождается в простые ямки или насечки (погр. 86, 370, 445, 463, 503, 512–513 и др.). Данная посуда часто сопровождает детские захоронения, для которых характерна традици-

онная лепная бытовая керамика. Один из таких поздних сосудов встречен в детском погребении 196 Тетюшского могильника.

В погребении 944 Танкеевского могильника расчищен, видимо, самый западный и наиболее поздний экземпляр караякуповской керамики. Он представлен лепным круглодонным с примесью раковин в тесте сосудом, украшенным характерными «жемчужинами» и резными короткими линиями (рис. 19, 1). Такую же примесь и близкую орнаментацию имеет лепной круглодонный одноручный кувшин из этого захоронения (рис. 19, 2). Такие сосуды, повторяющие формы круговой салтовской керамики, в большом количестве (10% всего керамического материала, 16% лепной керамики, 40 экз. данного могильника) стали изготавливаться угорским населением, испытывающим на Волге ассимиляционное воздействие тюркоязычных болгар.

Учитывая, что левобережье Волги в пределах Татарстана в языческий период было заселено также угорскими группами с гребенчато-шнуровой посудой: ломовско-ломоватовскими (см. ниже), то, по аналогии с мадьярской эпопеей, можно полагать, что во второй трети IX в. здесь также произошло одно из «завоеваний Родины», и на рубеже IX–X вв. Западное Закамье площадью около 14 тыс. км² представляло собой своеобразную «Волжскую Венгрию», о чем, возможно, говорится в сообщении Ибн Русте: «Между землей печенегов и землей болгарских эсегель лежит первый из краев мадьярских» (Заходер, 1967, с.48). По сведениям Ибн-Фадлана, еще в конце первой четверти X в. в степной части Урало-Поволжья кочевали «аль-Башгирд» (Ковалевский, 1939, с.66). Хотя этот этноним нередко переносят на башкир, но на них он перешел намного позднее, а до XIV в. в различной транскрипции (башгирд, бажджирд, бажджарды, паскарт, паскатиры и др., см. ниже) применялся по отношению к уграм. Правда, образ жизни кочевых угров, их идеология в системе западносибирского шаманизма, длительное совместное проживание в одних и тех же государственных образованиях и прочее настолько сближало их с кочевыми тюркоязычными народами, что письменные источники называют их «худшими из тюрков» (Ибн-Фадлан, 922 г.) или турками (К.Багрянородный, середина X в.).

Достаточно длительные контакты волжские болгары поддерживали непосредственно с мадьярами. Этнокультурные основы этого народа сформировались в постгуннское время в лесостепной и степной части Западной Сибири (Курганская обл., юг Тюменской обл. России;

Кустанайская, Северо-Казахстанская обл. Казахстана). Перед конфронтацией с печенегами мадьяры кочевали в степях Урало-Поволжья к югу от кушнаренковской территории. Об этом свидетельствуют материалы раскопок Палимовского, Ромашкинского, а также, возможно, Немчанского некрополей и могильника «116 километр» в Оренбургской и Самарской областях (Казаков, 2002, с.53–59).

Дальнейшее движение мадьяр на Запад и их остановки в Леведии и Ателькузу известны по письменным источникам. В настоящее время это подтверждается и археологическими материалами. Так, явно мадьярскими являются, как упоминалось, серебряные (серебро – сакральный металл в культовой языческой практике угров), украшенные орнаментом с постсасанидскими традициями изделия, имеющие по краю характерный рельефный орнамент из чередующихся округлых и вытянутых звеньев. Такие изделия мадьяры принесли в Урало-Поволжье из Западной Сибири, и они нередко встречаются в кушнаренковских погребениях Ишимбаевского, Танкеевского, Большетиганского могильников (рис. 21). В последнем некрополе они идут в комплексе со специфичными постсасанидскими элементами: изображением растений с ягодами, крылатых коней, крылатых собак – сенмурвов и т.д. (Chalikova, Chalikov, 1981, s.103, taf. V, 6–9). В конце IX в. мадьяры принесли такие изделия в Паннонию, однако перед этим при движении на запад у них было еще две остановки. Таким образом, насчитывается по меньшей мере пять районов обитания мадьяр, считая и их прародину в Западной Сибири.

Следующая остановка мадьяр при их движении на запад, по мнению большинства исследователей, была в Подонье. Здесь указанные комплексы фиксируются по уже упомянутым изделиям с бордюром из вытянуто-овальных и полушарных или кружковых выступов по краю (рис. 29). Такие поделки хусаиновского этапа встречены в Воробьевском погребении южнее Воронежа, Супрутском кладе, могильниках мордвы и т.д. (Казаков, 2002, с.53–59). Об этом этапе жизни протовенгров сообщает Константин Багрянородный. По имени наиболее знатного воеводы протовенгров данная территория названа Леведией. Только здесь представители племен, у каждого из которых до этого был свой воевода, по предложению хазарского кагана «подняли на щит» и сделали общим вождем Арпада. С этого времени мадьяры выступают как единый народ, единая политическая сила. Случилось это, скорее всего, где-то в 60-е годы IX в.

Предпоследняя остановка мадьяр, т.н. Ателькузу, находилась на правобережье Днепра, в основном, в Днепропетровской и Кировоградской областях Украины. Здесь они проживали почти до конца IX в. Следы их пребывания фиксируются по небольшим могильникам у сел Субботицы, Менведовки, находкам в бывшем Елизаветском уезде. И одним из новых доказательств этого являются венгерские захоронения конца IX в., обнаруженные на юге Полтавской области Украины (Супруненко и др., 1999, с.24–27). Как и в Большетиганском могильнике, в них встречены серебряные изделия с характерным бордюром (рис. 29, 9–13, 15, 16; 30), погребальные лицевые покрытия, комплексы из черепа и костей ног лошади (Бокий, Плетнева, 1988, с.99–115). Этот период жизни мадьяр отражен также в письменных источниках. В частности, аль-Балхи (первая треть X в.) сообщает, что одно из племен бажджардов численностью в 2 тыс. человек живет в густых лесах близ болгар, на границе с гузами-куманами. Другие же бажджарды граничат с печенегами и являются близкими соседями румийцев, т.е. Византии (Хвольсон, 1868, с.105). О территории этих западных бажджардов сообщается: «Земля их обширна: одной окраиной своей прилегает она к Румскому морю (Черное море), в которое впадают две реки; одна из них (видимо, Днепр) больше Джейгуна (Аму-Дарьи), между этими-то двумя реками (Днепр – Серет) и находится местопребывание Мадьяр» (Хвольсон, 1868, с.24).

В мадьярских памятниках Ателькузу сохраняется своеобразие культурных комплексов, прослеживаемое еще в Урало-Поволжье и свидетельствующее, видимо, о родоплеменном делении общества. Так, бекешевская (см. выше) группа, первоначально обитавшая в Южном Зауралье (Мажитов, 1981, с.56–68), в период конфронтации мадьяр с печенегами (вторая треть IX в.) находилась уже в бассейне Белой (Казаков, 1975, с.259–264). В Ателькузу металл этой группы достаточно явственно представлен в Субботицком могильнике (Бокий, Плетнева, 1988, с.100, рис. 1, 5–10).

Известное по письменным источникам деление мадьяр на семь племен, таким образом, получает определенное подтверждение в археологическом материале. Возможно, каждое из этих подразделений имело свою ремесленную базу, хотя, конечно, в процессе миграции происходило взаимодействие производственных традиций. Основную массу принесенной мадьярами в Паннонию художественной металлопластики составляют литые или штампованные, иногда

с гравировкой, изделия. Наиболее богатые образцы их, имеющие характерный бордюр, отмечены в Большетиганском, а более стандартные, бронзовые или медные, в Танкеевском могильниках (Казаков, 2000–2001, с.7–24).

Таким образом, как археологические, так и письменные источники свидетельствуют о трех регионах проживания мадьяр (рис. 29) при их движении на запад в IX в. В ходе этой миграции шли процессы политической консолидации, которые способствовали сравнительно скорому созданию Венгерского государства в Европе.

Во время этой эпопеи мадьяры сохранили все основные элементы языческой культуры своих предков и принесли их в Паннонию. Во многих могильниках X в. этого региона фиксируются черты, характерные и для кушнаренковских некрополей IX в. Урало-Поволжья.

Данные материалы свидетельствуют о длительных контактах волжских болгар с мадьярами. В состав тех и других входили родственные как тюркские, так и угорские группы. Процессу консолидации тех и других способствовала война с печенегами, которая имела большие последствия для Европы, приведя в конечном итоге к образованию таких государств, как Волжская Болгария и Венгрия, и падению Хазарии. Связи продолжались и позднее, несмотря на разделяющее их расстояние в 2,5 тыс. км. Об этом свидетельствует прибытие в Венгрию около 970 г. из Волжской Болгарии мусульманских переселенцев под руководством Билла и Боксу. Несколько позже сюда переселилась новая группа под руководством Хесена. Все они были встречены дружелюбно и основали город Пешт на левом берегу Дуная (Казаков, 1992а, с.186–188).

Возможно, вместе с ними пришли и ремесленники, благодаря чему, например, даже в конце X – начале XI в. в культуре Венгрии и Волжской Болгарии сохраняется удивительное сходство металлопластики, в частности, накладок поясного набора, и оформления поясных сумочек и т.д. (см. ниже).

Таким образом, взаимодействие волжских болгар и венгров неоднократно включало и прямое обоюдное вхождение в состав основного населения родственных этнических групп. В связи с этим можно отметить, что исследователи насчитывают в венгерском языке около 200 слов волжско-болгарского языка чувашского типа.

Традиции тесных контактов оставшихся в Урало-Поволжье потомков мадьяр с волжскими болгарами сохраняются до XIII в. Попавшие

сюда венгерские миссионеры отмечали их присутствие как в самой Волжской Болгарии (замужняя «венгерка», проживающая в Биляре), так и в близком (два дня пути от стольного города, на левом берегу Камы в районе Нижнекамска) соседстве с ней (см. ниже). В период монгольского нашествия оставшиеся на востоке «венгры» разделили тяжелую участь волжских болгар, сражаясь и погибая вместе с ними.

3. Поломская, ломоватовская и неволинская культуры

Исходным регионом этих угорских культур являлся Средний Урал с прилегающими районами. Перед переселением на Волгу носители их обитали в Предуралье: поломская культура – в бассейне Чепцы, ломоватовская – на Верхней Каме, а неволинская культура – в основном, в бассейне Сылвы. Однако, вероятно, вследствие мадьяро-печенежской войны, во второй трети IX в. неволинские памятники, как и кушнаренокские, исчезают. Лишь небольшая часть сылвенского населения, видимо, сумела добраться до Среднего Поволжья. Об этом свидетельствуют отдельные находки лепных круглодонных сосудов невысоких пропорций с резным орнаментом в виде горизонтальной елочки (рис. 31, 1, 3) в Большетарханском и Танкеевском могильниках.

Неволинские памятники локализовались в сылвенской лесостепи, географически более близкой к кушнареновскому региону. Большинство исследователей связывает их с уграми (Голдина, Водолаго, 1990, с.5). Археологические материалы свидетельствуют об устойчивых чертах кочевничества: курганный обряд, культ коня, сосуды с ушками и т.д. (Голдина, Водолаго, 1990, с.146, 147, 154, табл. XLIX; L; LVII, 2, 3 и др.).

Судя по керамике, основу неволинского населения составляло угризированное постсарматское население, переселившееся в указанный район из Зауралья. Ему принадлежат кольцевидные или колесовидные подвески с выступами, лепные круглодонные сосуды с резной орнаментацией. В то же время среди посуды нередко присутствуют и аналогичные ломоватовским экземпляры со шнуровой орнаментацией.

Видимо, близкое расположение неволинских памятников к кушнареновской территории явилось причиной тому, что они прежде других верхнекамских племен подверглись нападениям печенегов. Ранее другая часть неволинского населения ушла на Волгу и даже

переправилась через нее. Культура его представлена в Большеетарханском могильнике специфической керамикой, коллективными погребениями, а также погребениями с восточной или северо-восточной ориентировкой. Такие элементы, обычные для неволинских некрополей, совершенно не характерны для болгаро-салтовских захоронений, которые преобладают в данном памятнике. Следует также отметить, что уже далеко зашли процессы ассимиляции пришлого верхнекамского населения. Так, лепные круглодонные сосуды встречаются только в могилах детей 4–5 лет (Генинг, Халиков, 1964, с.28), появляются также гибридные формы керамики.

Ломоватовские и полумские комплексы близки между собой, и исследователи склоняются к тому, что они входят в одну культурную общность (Иванов, Обыденнова, 2002, с.166). Практически неотличима их лепная круглодонная посуда, если она не орнаментирована или слабо орнаментирована. То же можно сказать о погребальном инвентаре. Исключение составляют лишь погребальные маски, которые характерны как раз для ломоватовской и неволинской культур. В целом вышеуказанные древности можно рассматривать как полумско-ломоватовские. Они входят в общность культур Большого Урала с гребенчато-шнуровой посудой, существующих с эпохи раннего железа до XIV в. В позднем средневековье шнуровая посуда непосредственно связывается с предками манси.

В Среднее Поволжье полумско-ломоватовское население вынуждено было мигрировать из-за печенежских нападений. Свидетельством такого переселения является Игимский могильник, принадлежавший укывшемуся за обширными болотными пространствами урочища Кулегаш небольшому коллективу. Из четырех захоронений два принадлежали мужчинам-воинам, сопровождавшимся полумско-ломоватовской посудой (рис. 32) и большим количеством оружия (луки, стрелы, топоры, копья, сабля).

В памятниках раннеболгарского объединения полумско-ломоватовская керамика отмечена в Большеетарханском, Тетюшском, Танкеевском могильниках, Хрящевском погребении, а также на Болгарском городище, Малоиерусалимском селище и др. (рис. 33). На правом берегу Волги встречен лишь один сосуд со шнуровым орнаментом (погр. 61 Большеетарханского могильника). По форме и орнаментации он близок петрогромской керамике Среднего Урала и, видимо, появился на Волге в результате переселения сюда неволинско-

го населения. Подобная керамика из Тетюшского могильника по времени более поздняя. Она украшена лишь короткими насечками и во многом является результатом ассимиляционных процессов со стороны болгаро-салтовского населения (см. ниже).

Единственным на левобережье Волги является ломоватовский сосуд, украшенный кружками и веревочным орнаментом, из известного погребения у с. Хрящевка (Мерперт, 1954, с.126–129). Остальные памятники с такой посудой занимают левобережье Волги в пределах Спасского р-на Татарстана. Видимо, здесь в основной своей массе и осело ломовско-ломоватовское население (Казаков, 2003б, с.94), которое, несомненно, участвовало и в сооружении будущей столицы страны – Болгара – в 40-е годы X в.

Наиболее полно ломовско-ломоватовский компонент выявлен в Танкеевском могильнике. Он представлен коньковыми кресалами (9 экз.), шумящими подвесками с коньковыми, арочными, подтреугольными щитками (9 экз.), разнообразными пронизками и мелкими привесками, погребальными масками (40 экз.), костяными ложечками, стрелами из кости и т.д. (Казаков, 1992, с.176–184). Из 200 экз. лепных круглодонных сосудов урало-прикамского происхождения с восстановленной формой более 90% являются ломовско-ломоватовскими. Отделить их друг от друга, как отмечалось, трудно, однако группа ломовской посуды со специфичным решетчато-шнуровым орнаментом выделяется хорошо (см. рис. 33, 18, 26). И в Танкеевском могильнике с этой посудой выявлено 26 погребений второй половины IX – первой половины X в. (погр. 24, 31, 68, 95, 103, 106, 113, 159, 163, 165, 166, 390, 396, 460, 507, 512–513, 570, 635, 649, 686, 767, 777, 822, 950, 983, 1031). Несколько развалов сосудов встречено на участках между могилами (уч. Б/7 раскопа XII; уч. Г/2, А 1/6 раскопа XIII; уч. Е/2 раскопа XXVI и др.). А всего в могильнике выявлено 33 сосуда с таким орнаментом. Кроме того, имеются экземпляры, где подобные оттиски только имитируются.

Большинство захоронений с этой керамикой по обряду и инвентарю до деталей близки ломовским погребениям на Чепце, которых также связывают с уграми (Семенов, 1980, с.67). Все образцы из погребений Танкеевки лепные с примесью раковины в тесте с округлым или несколько уплощенным дном. За исключением одного экземпляра, имеющего цилиндрическую горловину и наибольший диаметр тулова в нижней его части (рис. 33, 25), все остальные – с

блоковидными шейками и наибольшим диаметром тулова в нижней его части (16 экз.) или посередине (9 экз.). По технике орнаментации выделяются решетчатый штамп и веревочные оттиски. Оттиски веревочки, всегда идущие со штампом, выявлены на 9 сосудах.

Решетчато-штампованный орнамент представлен тремя формами: треугольниками (18 экз.), ромбами (6 экз., рис. 2, 1) и кружками (2 экз., рис. 33, 26). В сочетании друг с другом встречены только круг и треугольник (погр. 159).

Композиционно штампы располагаются в один или два ряда по нижней кромке веревочного орнамента, если он есть. Наиболее часто в два ряда наносились треугольные штампы (6 экз.). При этом в погр. 165, 507, 512–513, 822, 983 вершины штампов каждого ряда были направлены друг к другу так, чтобы между рядами создавалась зигзагообразная неорнаментированная линия, как и на кушнаренковских сосудах (рис. 33, 14).

Из 26 захоронений одно (погр. 983) мужское, 6 – женских, 13 – детских, остальные неопределенные. Таким образом, поломская посуда ставилась преимущественно в детские захоронения. Эта картина отражала сложную социальную и этнокультурную ситуацию, в которой оказалось поломское население в составе раннеболгарского объединения. При изучении инвентаря многих погребений удалось установить, что керамический материал в могильниках раннеболгарского объединения служил показателем не только этнокультурной, но также половозрастной и социальной принадлежности. Так, наиболее богатые по инвентарю мужские, да и женские, явно прикамские захоронения сопровождалась болгаро-салтовскими одноручными круговыми кувшинами или подражающими им по форме лепными сосудами. Погребения же взрослых с более бедным инвентарем, а также детские сопровождалась традиционной для этой группы населения керамикой.

В некоторых случаях удается проследить связь между орнаментом и половозрастной принадлежностью погребенных. Так, посуда, украшенная ромбами, более характерна для захоронений мальчиков, треугольниками – для девочек и девушек, круглым штампом – для взрослых женщин.

Следует отметить, что по форме, тесту, композиции и технике орнамента эта керамика обнаруживает большое сходство с многочисленными ломоватовскими сосудах из Танкеевского же могильника,

украшенными веревочно-гребенчатым орнаментом. Иногда в одном погребении находятся ломовский и ломоватовский сосуды. Наиболее многочисленны (свыше тридцати) здесь общие для отмеченных культур сосуды, украшенные оттисками в виде ряда «подковок», располагавшихся ниже пояса веревочных оттисков (рис. 2, 2). Происхождение ломовской решетчато-штампованной посуды В.Ф.Генинг связывал с угро-самодийским населением (1967, с.175). В.А. Семенов также считает, что распространению этой посуды послужило переселение в Прикамье угорского населения. Не отрицая ее угро-самодийских истоков, он относит распространение ее в бассейне Чепцы ко второй половине VI – первой половине VII в. (1982, с.52–53). С подобными положениями согласна и М.Г.Иванова (1999, с.224).

Решетчатые штампы в виде ромбов, треугольников, розеток, хорошо известные в этнографии обских угров и других сибирских народов (Иванов С.В., 1963), несомненно, заимствованы у носителей западносибирской штампованно-гребенчатой посуды. Такая керамика на широкой территории бытует в Западной Сибири с эпохи бронзы до позднего средневековья. В ряде случаев сохраняется даже композиционное сходство, когда два ряда треугольных штампов располагаются так, чтобы между ними сохранилась зигзагообразная неорнаментированная полоса (Чернецов, 1957, с.153, табл. VI, 4).

Однако, поскольку штамп обычно идет в сочетании со шнуром, формирование такой посуды могло иметь место только в зоне контактов западносибирских со штампованно-гребенчатой и среднеуральских с веревочно-гребенчатой керамикой культур, возможно, в пограничных районах к западу от реки Тобол (ныне территории Свердловской, Курганской и Тюменской областей).

Появление керамики со штампованно-веревочной орнаментацией на Чепце, конечно, не могло происходить без участия ее носителей. Лепная круглодонная со специфическим орнаментом посуда сохраняет этнокультурное своеобразие на раннем этапе, локализуясь на сравнительно небольшой территории в бассейне Чепцы в могильниках с устойчивым погребальным обрядом и специфическим комплексом сопровождающего инвентаря (костяные ложечки, гладилки, своеобразные культовые поделки и украшения и т.д.). Такой же комплекс изделий принесли и к волжским болгарам (Казаков, 1992, с.135, рис. 49, 7–10 и др.).

Правда, в отличие от западносибирской керамики со штампованной орнаментацией, ломовская имеет большую примесь раковины в

тесте, огрубленный орнамент, несколько иную технику нанесения орнамента. Видимо этнические группы, переселившиеся в бассейн Чепцы, взаимодействуя с окружающим, прежде всего пермским населением, создали своеобразную поломскую культуру. Даже в составе населения ранней Волжской Болгарии, судя по материалу Танкеевского могильника, эта посуда свидетельствовала о родо-племенной, а также половозрастной принадлежности погребенных.

Очень скоро поломско-ломоватовское население подвергается ассимиляции со стороны болгар. Об этом свидетельствует появление в поломско-ломоватовских комплексах элементов салтовской культуры. В одних и тех же захоронениях встречаются характерные прикамские круглодонные сосуды, женские украшения, погребальные маски и круговые кувшины, серьги с напускными бусами и т.д. (рис. 35). В наиболее богатых вещами прикамских погребениях появляются лепные одноручные кувшины (рис. 36). По форме (широкая горловина со сливом, пологая ручка, бомбовидная ручка и т.д.) они явно подражают болгаро-салтовским образцам (рис. 37). Однако технология изготовления, примесь раковины в тесте, округлое или уплощенное дно, наличие веревочной орнаментации на некоторых экземплярах (рис. 38) свидетельствуют об изготовлении их поломско-ломоватовским, урало-прикамским по происхождению населением.

В X–XI вв. керамика со штампованно-веревочной орнаментацией встречается уже на более широкой территории Волго-Камского междуречья. Она зафиксирована в памятниках типа Омутницкого могильника, относящегося, в основном, к раннему этапу чепецкой культуры, в бассейнах Чепцы и Вятки (Семенов, 1985, с.92–118). Подобная посуда появляется в памятниках Марийского Поволжья X–XI вв. (Архипов, 1984, с.158, рис. 24, 8). Отдельные образцы штампованно-веревочной посуды X–XI вв. фиксируются в бассейне Пижмы, а также далеко на западе, в частности, в памятниках бассейна Шексны (Макаров, 1982, с.130, см. ниже). Единичные фрагменты аналогичной посуды со стилизованными оттисками решетчатого штампа обнаружены на Измерском селище (рис. 39).

По всем показателям отмеченная посуда генетически, несомненно, связана с поломской посудой VIII–IX вв. Однако, по мнению В.Ф.Геннинга, поломская культура прекращает свое существование в середине IX в. М.Г.Иванова полагает границы поломской культуры в пределах V – начала IX в., а сменившей ее чепецкой – конца IX – XV в.

(1999, с.212). Непонятно только, куда же относится основная часть IX в., к переходному этапу? По нашему мнению, верхней границей полома является X в., ибо в памятниках этого времени еще сохраняются все основные черты этой культуры. А смена ее, как и смена ломоватовской культуры на родановскую на Верхней Каме, была связана с кардинальными изменениями в жизни населения Северо-Восточной Европы, в том числе и усилением к XI в. Волжской Болгарии (см. ниже).

Однако если принять точку зрения указанных авторов, то рассматриваемую керамику из памятников X–XI вв. Волго-Камья, вероятно, можно определить в качестве постполомской. Она отличается от собственно поломской обеднением орнаментации, увеличением отношения высоты тулова к его диаметру и иногда наличием экземпляров, имеющих черты, общие с плоскодонной поволжско-финской керамикой.

Памятники с постполомской посудой как в Удмуртии, так и в Марийском Поволжье, сохраняют ряд сходных черт в обряде (ориентация погребенных от юго-западной до северо-восточной, культ огня, частичное захоронение костяков, кенотафы, клады и т.д.), присущих финноязычному населению. Вещевой материал наряду с новыми типами бронзовых украшений нередко включает изделия болгарского ремесленного производства.

Наряду с постполомскими эти памятники в преобладающей степени содержат общую для поволжских финнов славяноидную посуду (памятники Марийского Поволжья) или неорнаментированную круглодонную посуду пермских финнов, близкую керамике перми вычегодской (памятники чепецкой культуры).

Таким образом, памятники с постполомской керамикой, сменяющей поломскую, существуют, по крайней мере, до XI в. С юга территория распространения памятников с постполомской посудой по всему правобережью Камы граничила с районами обитания населения постпетрогромской культуры (см. ниже).

4. Постпетрогромская культура

Одним из примечательных достижений в сфере археологии и истории средневековых угров Урало-Поволжья в последних десятилетиях XX в. стало открытие и изучение памятников постпетрогромской и чияликской культур (Казаков, 1987а, с.67–75). Лепная круглодонная керамика их, украшенная гребенчато-шнуровым орнаментом, очень похожа на посуду полома и ломоватова. Однако она имеет в

фактуре, форме и орнаментации свои особенности, существовала в другое время и была распространена на широких лесостепных пространствах Урало-Поволжья. Носители этой керамики вели полукочевой образ жизни.

Если в раннеболгарский период, как отмечалось, на формирование этноса и культуры волжских болгар оказало влияние полоумско-ломоватовское население, то в домонгольский период – постпетрогромское. Памятники этой культуры легко выделяются благодаря специфичной керамике. Вся она круглодонная с раздутым туловом и резким переходом его к шейке. В тесте – толченая раковина или тальк (на Урале). Примечательна цилиндрическая горловина высотой около 3 см, составляющая четверть или треть всей высоты сосуда. Как правило, горловина имеет скошенный внутрь венчик, украшенный гребенчатыми оттисками. Шейка орнаментирована горизонтальными оттисками веревочки, а верхняя часть тулова – отпечатками гребенки в виде зигзага, елочки (рис. 40). Указанную посуду можно отнести к первой группе постпетрогромского керамического комплекса.

Такая посуда в большом количестве появляется в памятниках Волжской Болгарии в конце X в. Хотя она отмечается на территории всей страны, однако ее наибольшая концентрация наблюдается в низовьях Камы (торгово-ремесленный пункт Измери и др.), в верховьях рек Була и Кубня (правобережье Волги), на Самарской Луке (Муромский городок). Несмотря на сильнейшую конкуренцию со стороны болгарской круговой посуды, постпетрогромская посуда на отдельных памятниках составляет от 1,5 до 7% всего керамического материала.

Примерно такой же процент составляет гибридная посуда (вторая группа), которая по форме и орнаментальным композициям аналогична постпетрогромской (рис. 41). Однако под влиянием болгарской круговой керамики в тесте ее вместо раковинной отмечается песчаная примесь, а оттиски веревочки и гребенки заменяются резными линиями. Появляются и образцы, изготовленные с помощью круга (рис. 41, 2, 5). Гибридная керамика разделена на несколько групп, исследования которых фактически еще не велись. Со временем формируются и группы круговой болгарской керамики (джукетаусская и др.), в которых лишь частично отражены постпетрогромские традиции.

Изучение групп вышеуказанной посуды Волжской Болгарии началось более 30 лет назад. Предполагалось, что первоначальная группа с гребенчато-шнуровой керамикой домонгольского времени про-

исходит из районов Башкирии и стала исходной для формирования некоторых типов посуды, переходных к круговым сосудам волжских болгар (Казаков, 1971, с.122–128). Т.А.Хлебникова отнесла постпетрогромскую посуду к VII группе керамики волжских болгар, связав ее с неволинской, а гибридную – к VIII группе, считая ее производной от кушнаренковской. Она утверждала, что эти две группы имели разные истоки. Исследовательница полагала также, что они появились на основе развития неволинских, кушнаренковских и других комплексов круглодонной посуды, известной по языческим комплексам волжских болгар IX – начала X в. (Хлебникова, 1984, с.106–116). Однако несомненно, что ее истоки лежат в кругу уральских культур с керамикой, имеющей гребенчато-шнуровую орнаментацию.

Автор придерживается мнения (высказанного им еще в статье 1989 г.), что носители постпетрогромской посуды лишь в конце X в. пришли в страну болгар из районов петрогромской культуры Среднего Урала, что в домонгольский период они занимали огромную территорию в Урало-Поволжье (Казаков, 1989, с.122–133). В языческих могильниках болгар IX – первой половины X в. ее нет. Она отмечается только в слоях поселений болгар конца X в.

К этому времени сформировалась т.н. общebolгарская культура, существовавшая весь домонгольский период. По многим элементам она существенно отличалась от культуры болгар раннеболгарского периода. Об оседлости, занятии земледелием, ремеслом, торговлей оставившего ее населения свидетельствуют материалы раскопок многочисленных селищ и городов, где ранняя часть абсолютного большинства слоев датируется последней третью X в. Практически все могильники при них являются мусульманскими. Истоки круговой посуды находят уже не в салтово-аланском круге, а в постантичной керамике Причерноморья (Казаков, 1997, с.37).

Существует также точка зрения, предполагающая, что катализатором формирования общebolгарской культуры стало переселение на Среднюю Волгу в 60-е годы X в. (годы падения Хазарии под ударами печенегов и Святослава) новой волны болгар из районов, где проживали потомки «черных болгар» Батбая. Здесь болгары еще со времени «Великой Болгарии» были знакомы с постантичной культурой и впоследствии приняли мусульманство. Движение их на север из Азово-Прикубанского района, скорее всего, шло через южные земли мордвы, в частности, через Пензенский край.

Поиски истоков постпетрогромской посуды сильно затруднены слабой изученностью средневековых памятников Урала. В полной мере это относится к древностям петрогромской культуры в целом. До сих пор неопубликованы и материалы раскопок О.Н.Бадера, Н.П.Кипарисовой, А.И.Рассадович на жертвенных местах горного Урала (Синяя Гора, Голый Камень) в середине прошлого века. Лишь общая характеристика культуры дана в работе В.А.Могильникова, который датировал ее X–XIII вв. (Могильников, 1987, с.177–179). До нашего времени нет карты петрогромских памятников, отсутствуют публикации широко раскопанных реперных памятников, неубедительна их датировка. В то же время уральские исследователи (В.Д.Викторова, В.М.Морозов и др.) достаточно четко выделяют собственно петрогромские черты культуры, связывая их с древнеугорским этносом (Морозов, 2004, с.110–114).

Анализ неопубликованных материалов и отчетов в ИА РАН позволяет выделить, по крайней мере, две группы петрогромских древностей. Одна из них локализуется в северной горно-лесной зоне Урала, вторая, более южная, граничит с лесостепью – в частности, в Сылвенском регионе. Первая широко представлена керамикой с упомянутых святилищ. Для нее характерны такие признаки, как украшенный резным орнаментом, скошенный внутрь, иногда очень широкий (до 2 см) венчик-карниз; высокая, орнаментированная веревочкой, иногда с включением поясков резных крейов или лунниц, шейка; верхняя часть тулова с отпечатками гребенки (часто в виде парного зигзага).

Южный вариант петрогромской культуры представлен не только поселениями, но и некрополями. Один из них, Аяцкий, был исследован в 50-е годы XX в. Е.М.Берс. Он содержал характерные сосуды с высокой цилиндрической шейкой, украшенной веревочным орнаментом. Верхняя часть тулова имела оттиски гребенки, иногда в виде зигзага (Берс, 1957, рис. 21; 24). Металлические изделия этого могильника: пряжки, накладки, подвески – позволяют отнести его ко второй половине VI – VII в. Не исключено, что появление таких памятников на данной территории было связано с зауральскими миграциями населения, вызванными глобальными политическими событиями Евразии в связи с образованием Первого Тюркского каганата. Именно в это время в Приуралье появляются ванвиздинская, кушнаренковская, турбаслинская культуры. В культурах со шнуровой посудой (ломоватовской, ломской), как уже отмечалось, появляются изделия в геральдическом

стиле, погребальные маски, посуда с решетчатым штампом и т.д. Видимо, в это время часть петрогромского населения проникает в Сылвенский регион (Пастушенко, 2004, с.115–116).

Продвижение угорского населения на запад в конце X в. шло, скорее всего, из областей южного петрограма, где обитали племена с непрочной оседлостью. Не исключено также, что оно было вызвано военно-политическими событиями в одном из претендующих на первую роль в Южной Сибири тюркских государств, сменяющих друг друга. Древности, наследующие петрогромские традиции, были выделены в самостоятельную постпетрогромскую культуру, сотни памятников которой располагались в домонгольский период на обширной территории к западу от Урала (рис. 43). (Казаков, 2004а, с.120–128).

За пределами Волжской Болгарии часть памятников с комплексами постпетрогромской керамики локализуется на территории Восточного Предкамья (Удмуртского Предкамья). Она встречена на городище Каменный Лог (Ашихмина, 1977, с.160–161, рис. 7), Благодарском I городище, Быргындинском IV поселении, Елабужском городище (Кавеев, 1984, с.25, рис. 3, 8, 9), святилище Чумойтло (Голдина, 1987, с.100, рис. 9, 1–11, 14, 17).

Отдельные находки такой посуды отмечают далеко на севере, в комплексах XI в. бассейна Чепцы (рис. 42). Они найдены на городище Видьякар, Иднакар (Иванова, 1999, с.225), Тольенском, Качкашурском могильниках (Иванов А.Г., 1991, с.167, рис. 16, 7, 9). К югу от Камы находки постпетрогромской керамики выявлены на Миняровском I, Семиостровском I и Меллятамакском VII селищах (Казаков, 1987а, с.71, рис. 2, 6–9). Обломки подобной посуды найдены в Башкортостане (городище Уфа II), в Оренбургской и даже в Кировской областях (Трефц, 1985, с.131, рис. 5, 5).

В это время Волжская Болгария, переживающая свой расцвет, в активные торговые отношения втягивает и население, проживающее на Чепце. В вышеуказанных могильниках отмечается множество изделий болгарских ремесленников. Большинство из них представлено металлическими деталями поясных наборов (рис. 42А).

В формировании постпетрогромской культуры важную, если не основную, роль играли поздние угорязычные кочевники Приуралья. Во всяком случае, керамика из их подкурганных (в ряде случаев) погребений конца X – XII в. до деталей близка к постпетрогромской. Захоронения с такой посудой, сопровождаемые характерным инвен-

тарем воина-всадника, встречены в Усть-Кишертьском, Селянино-Озерном, Мрясимовском, Каранаевском и других могильниках Бельско-Сылвенского междуречья (Мажитов, 1977, с.238–239, табл. XXVIII, 8, 10, 14; Водолаго и др., 1989, с.49, рис. 1, 1, 2). Следы временных стоянок, оставленных этим населением в Восточном Закамье (Семиостровское I, Минняровское I, Меллятамакское VIII селища), подтверждают его кочевой образ жизни (Казаков, 1987, с.25–26).

Истоки культуры постпетрогромских групп, как отмечалось, можно проследить в южных памятниках Среднего Урала (рис. 43). Так, керамика, подобная постпетрогромской, зафиксирована в погребениях 3, 5 и других Аятского могильника, датированных второй половиной VI – VII в. (Берс, 1957, рис. 21; 24).

Южноудмуртскую или предкамскую постпетрогромскую группу по ряду особенностей (концентрация керамики на постоянных поселениях и городищах, большое число памятников, наличие Камского речного пути и т.д.) можно рассматривать как отдельную область.

Несомненно, постпетрогромская культура в Прикамье оставлена уральскими переселенцами, тесно связанными с волжскими болгарами. На постпетрогромских памятниках (святилище Чумайтло, Елабужское городище) неизменно встречается круговая болгарская посуда, а также обломки слабо орнаментированной круглодонной посуды пермских финнов (предков удмуртов). Таким образом, если в данном регионе могло быть административно-политическое объединение, то оно находилось под протекторатом болгар с центром в Елабужском городище, которое в XI в. являлось опорным пунктом болгар у северо-восточных границ их территории. На городище под властью болгарского наместника проживало постпетрогромское угорское население, а также пермоязычные финны (Казаков, 2000, с.65).

Особый интерес представляет уже упоминавшееся выше жертвенное место Чумойтло (Голдина, 1987, с.84–106). На нем выявлены остатки культовых сооружений, кострища, многочисленные следы жертвоприношений в виде обожженных и необожженных костей животных, железных (70 экз.) и костяных (7 экз.) наконечников стрел, ножей, обломков керамики и т.д. Среди необожженного костного материала преобладают остатки диких животных (85%), особенно многочисленны северный олень и лось (66,8%).

Р.Д.Голдина датирует памятник XI–XII вв. и вполне обоснованно считает, что он использовался для отправления охотничьих культов

(1987, с.89). Из датирующихся вещей святилища можно отметить бронзовые сердцевидную и круглую с орнаментом из «подковок» накладки (Голдина, 1987, с.95, рис. 6, 2, 3), имеющие многочисленные аналогии на болгарских поселениях конца X – первой половины XI в.

Среди керамики памятника имеются фрагменты лепной и круглой болгарской посуды, слабо орнаментированная круглодонная посуда пермского (праудмуртского) населения и 8 постпетрогромских горшков (Голдина, 1987, с.100, рис. 9, 1–10, 14, 17).

Р.Д.Голдина считает Чумойтло остатком каулы – местом семейных и родовых молений удмуртов (1987, с.88). Нельзя, однако, не отметить сходство этого объекта со святилищами угров, где обычны кострища; превалируют используемые в качестве охотничьей магии наконечники стрел. На мансийских святилищах, например, в жертву лесным духам приносили лося и в то же время избегали жертвовать мясо домашних животных, опасаясь гнева лесного духа (Гемуев, Сагалаев, 1986, с.151, 184).

В целом собственно постпетрогромские памятники следует связывать с угорскими группами эпохи средневековья. В связи с этим можно привести сообщение Плано Карпини, относящееся к середине XIII в. Он писал, что монгольское войско после победы над мордвой вышло «против бюлеров, то есть Великой Булгарии... и ее совершенно разорили. Продвинувшись отсюда еще на север, против Баскарт, то есть Великой Венгрии, они победили и их. Выйдя отсюда, они пошли дальше к северу и прибыли к Паросситам» (Плано Карпини, 1957, с.47–48).

Поскольку страна Баскарт идентифицируется с территорией, занятой чияликской культурой (Казаков, 2003а, с.79–87), то к северу от нее должна была располагаться область «паросситов». Локализовать ее частично можно в Удмуртском Предкамье, т.е. в районе концентрации постпетрогромских памятников.

Не исключено, что этот этноним связан с народом пор, оставившим многочисленные следы в топонимике Удмуртии (см. Поршур, Поркар, Поргурт – река, городище, селение поров). Т.И.Тепляшина сопоставляет этот этноним с мансийской фратрией пор (Тепляшина, 1967, с.261–264). С названиями мансийской фратрии она соотносит топонимы Пурга – Порга (отметим, что станция Малая Пурга находится в 40 км к востоку от святилища Чумойтло), Можга (город с таким названием расположен в 6 км к западу от святилища Чумойтло) и др.

М.Г.Атаманов среди географических названий Восточного Предкамья находит целый ряд угорских параллелей (рис. 44). В их числе населенный пункт Сосмак Можгинского р-на (от «сос – шош» – мансийского, «ручей, вытекающий из болота»); Уня, приток Валы, где расположено святилище Чумойтло (от мансийского уня, «запруда в реке») и т.д. (Атаманов, 1987, с.135–138).

О проживании поров, предков манси (вогулов) на территории Удмуртии свидетельствуют и народные предания о борьбе с порами, о наличии у удмуртов служанок – девок-поров (Атаманов, 1997, с.47, 131–132 и др.). По мнению Т.И.Тепляшиной, этноним «пор», как обозначение чуждого народа, удмурты стали применять позднее к марийцам (1967, с.264).

Судьбу постпетрогромского населения в составе Волжской Болгарии, как указывалось выше, можно проследить по многочисленным комплексам гибридной керамики, объединяющей черты круговой болгарской и постпетрогромской лепной круглодонной посуды. Последняя полностью сохраняет форму (скос венчика, цилиндрическую горловину, раздутое тулово, круглодонность), композицию орнамента, но примесь раковины заменяется примесью песка, а шнуровые и гребенчатые оттиски – резными линиями (Казаков, 1989, с.130, рис. 3, 6–8). Таким образом, это население сохраняло, однако, в районе Прикамья своеобразие в культуре: круглодонную гибридную посуду и т.д. Постпетрогромские элементы можно проследить в т.н. «джукетаусской» и других группах керамики.

В то же время с XI по XIII в. в Волжской Болгарии вместе с отмеченной гибридной посудой (иногда в одном жилищном объекте) неизменно бытует типично постпетрогромская керамика, что вряд ли было бы возможным при полной ассимиляции ее носителей. Видимо, за пределами собственной территории болгар, скорее всего, в центральном или восточном Прикамье даже в XII–XIII вв. продолжала существовать общность, откуда продолжалось проникновение постпетрогромского населения в пределы Волжской Болгарии.

Исторические следы постпетрогромского населения к северу от Камы, возможно, следует искать среди этнонимов XVI–XVII вв.: «черемиса», «чуваша арская», «ясачная чуваша» и проч. В конечном итоге остатки постпетрогромского населения были ассимилированы казанскими татарами и удмуртами.

Сложнее определить исторические судьбы постпетрогромских этнических групп на остальной территории. Известно, что в золотоордынский период все их обширные районы к югу от Камы и до Урала были заняты родственными чияликскими племенами (Казаков, 1978, с.87–88), новыми угорскими пришельцами из Зауралья (см. ниже).

5. Чияликская культура

Как уже отмечалось выше, из уральского региона на просторы волго-уральской лесостепи и в Среднее Поволжье неоднократно проникали волны угорского населения. Во многом это было обусловлено тесными контактами волжских болгар с приуральским населением. В раннеболгарский языческий период формирование нового народа в Среднем Поволжье происходило обычно при активном участии больших масс уральских угров. Инфильтрация последних в состав волжских болгар, как отмечалось, продолжалась и в домонгольский период.

Для археологии и истории Восточной Европы важным этапом является открытие в конце 60–70-х годов XX в. чияликской культуры. Она была оставлена теми же приуральскими уграми, сохранившими ряд основных элементов языческой культуры, в том числе лепную круглодонную керамику с гребенчато-шнуровой орнаментацией. В то же время чияликское население, в конечном итоге тюркизированное и принявшее ислам, стало существенным компонентом в этногенезе современного тюркоязычного населения Урало-Поволжья – казанских татар и башкир. Чияликская культура получила название по поселению, изученному в 1969 г. у д. Чиялик (Чиялек) Актамышского района Татарстана на правом берегу реки Сюнь, левого притока Камы (Казаков, 1978, с.42–43). В последующие годы в низовьях рек Ик и Белая исследован еще ряд поселений и могильников этой культуры. Небольшие по площади поселения (Чияликское, Игимское, VI Меллятамакское и др.) с культурным слоем в 20–40 см располагались на возвышениях в долинах рек или по краю надпойменной террасы. В культурном слое встречены кости животных, обломки круглодонной посуды с гребенчато-шнуровой орнаментацией, фрагменты песчаниковых камней, отдельные изделия золотоордынского времени. Выявлены неглубокие ямы от хозяйственных сооружений, кострища. На VI Меллятамакском селище расчищены остатки наземного культового сооружения с каменной вымосткой

(Казаков, 1985а, с.150), какие встречаются на святилищах угров (Чайркин, 2004, с.443).

Население, видимо, обитало в наземных жилищах. Osteологический материал представлен, в основном, костями лошади и крупного рогатого скота. О непрочной оседлости населения позволяет говорить сравнительно небольшой культурный слой и расположение памятников у богатых пастбищами речных долин.

На чияликских могильниках Такталачукском, I Азметьевском, Дербешкинском, расположенных в низовьях Белой, изучено около 500 захоронений. Большинство из них совершено по мусульманскому обряду. Погребенные в неглубоких ямах (свыше 50% могил имели глубину до 35–40 см) лежали вытянуто, в соответствии с кыблой, головой на запад, слегка повернуто на правый бок с тем, чтобы лицо было обращено на юг, в сторону Мекки (рис. 45). Отмечены гробовища, а также культ огня в виде кострищ и угольков в засыпях могил, что не характерно для мусульманской обрядности. Другим отступлением от нее явилось наличие во многих захоронениях инвентаря: височных подвесок, бус, перстней, монет ханов Узбека и Джанибека (рис. 46). Дети младших возрастов, видимо, еще не прошедшие посвящения в мусульманство, погребались по языческому обряду. Они лежали вытянуто на спине и сопровождались сосудами, а иногда костями животных. Керамика из этих погребений лепная, круглодонная с примесью песка в тесте. Блоковидная шейка украшена оттисками веревочки, а тулово – гребенкой или резными линиями. На некоторых экземплярах имеется имитация ушков (рис. 47).

Такая форма, композиция и техника орнамента характерны для всех средневековых угорских культур с гребенчато-шнуровой посудой. Другим доказательством принадлежности чиялика к угорским культурам являются погребальные маски. Судя по остаткам, они состояли из кожного лицевого покрытия с нашитой на месте рта серебряной пластиной.

Аналогичный вышеуказанным могильник изучен у с. Кушулева, также в низовьях Белой на территории Башкирии. Здесь взрослые тоже погребены по мусульманскому обряду, а дети – по языческому. Отмечены находки керамики, женских однобусинных височных подвесок из серебра и остатки погребальных масок с серебряными нашивками (Erdelui, 1958; Мажитов, 1977).

Исследователь чияликских памятников Г.Н.Гарустович на широ-

кой территории от Восточного Закамья до Урала отмечает более трех десятков выявленных некрополей этой культуры, в которых изучено более 800 погребений (наиболее широко изучены, как отмечалось, некрополи в Актанышском и Муслимовском р-нах Татарстана), а также свыше 20 чияликских селищ (Гарустович, 1992, с.121–122). Выделяются зимники и летники полукочевников, стационарные и переносные (юрты, чумы, шалаши) постройки, подсобные сооружения (погребя, ямы). На летниках обнаружены кострища, иногда обложенные камнями; зимние жилища отапливались чувалами. Гарустович считает, что черты поселенческих памятников находят параллели в этнографии башкир, и отмечает важнейший вклад населения чияликской культуры в этногенез башкир (Гарустович, 1998).

В состав чияликской культуры этот исследователь включил и постпетрогромскую, датированную домонгольским временем, назвав ее мрясимовской или раннечияликской. Однако, признавая в целом родственность чиялика и постпетрогрома, следует все же подчеркнуть, что они оставлены различными племенными объединениями угров. Это подтверждается разной хронологией (домонгольский и золотоордынский периоды) этих культур, а также различием форм и глиняного теста. Так, постпетрогромская посуда цилиндрошейная и имеет примесь раковины или талька в тесте, а чияликская керамика блокошейная, и в ее тесто обычно добавляли песок.

Аналогии чияликским древностям находят в макушинских памятниках Зауралья, хотя язычество в них представлено в большей мере (Могильников, 1987, с.176–177). Так, умерших, ориентированных головой в западном направлении, хоронили в срубках в неглубоких могилах, над которыми иногда сооружали небольшие (диаметр 3–8, высота 0,3–0,5 м) курганы. В обряде отмечаются также культы огня и коня. Последний символически представлен черепом и костями ног, что отражает обычай кочевых угров (мадьяр и др.) сопровождать умерших шкурой лошади с оставленными при ней головой и ногами. В соответствии с языческим обрядом при погребенных находились предметы одежды, труда и быта: пряжки, ножи, кресала, топоры и т.д. Большую близость к чияликской обнаруживает макушинская керамика, которая, судя по коллекции керамики из захоронений Макушинского могильника, изученных В.Д.Викторовой, вся круглодонная и в тесте имеет примесь песка. Как и в чиялике, поверхность заглажена, цвет – от серо-коричневого до черного. Орнамент

представлен веревочными оттисками по шейке и гребенчатыми или также веревочными «подковками» по верхней части тулова. Как и в чиялике, встречаются сосуды без орнамента.

Рассмотренные материалы позволяют с полным правом локализовать памятники чияликской культуры на широкой, в основном – лесостепной, территории от р. Ик в Восточном Закамье до низовий левобережной части Тобола (рис. 49). По мнению большинства исследователей, она оставлена уральскими уграми, основой хозяйства которых было скотоводство.

Разные точки зрения существуют по вопросу о происхождении этой культуры. Несомненное сходство, особенно в керамическом материале, наблюдается между чияликским и постпетрогромским (второго этапа) комплексами. Если постпетрогромская посуда первого этапа (конец X – XI в., первая половина домонгольского периода) четко отличается от чияликской цилиндричностью, то керамика второй половины домонгольского времени (XII – первая треть XIII в.) такого отличия уже не имеет. Не исключено, однако, что основой для сложения чияликской культуры стали скотоводческие группы населения, вынужденные вследствие изменения экономических, политических и других условий уйти из предгорий Среднего Урала на сопредельные территории. Один из таких районов мог располагаться на р. Пышме, в юго-восточной части ареала юдинской культуры. Здесь изучен Пылаевский могильник XI–XII вв., наиболее близкий языческим комплексам чиялика, в частности, некоторым погребениям Кушулевского могильника. Костяки, ориентированные преимущественно головой в северо-западном направлении, лежали в неглубоких могилах и сопровождались вещевым материалом (Кутаков, Старков, 1997). В одном из захоронений встречен комплекс из черепа и костей ног лошади, в двух – остатки погребальных масок, от которых сохранились бронзовые пластины, уложенные на месте глаз и рта. По форме, орнаменту и его композиции наиболее близкой к чияликской является погребальная керамика в виде небольших круглодонных сосудиков с гребенчато-шнуровой орнаментацией (рис. 37). Скорее всего, сменив постпетрогромское население, этнические группы с культурой типа Пылаевского могильника в золотоордынский период заняли широкие пространства лесостепи к западу от Урала (рис. 48). В Зауралье продолжателем культуры этого населения является макушинская группа. Таким образом, если исходными районами постпетрогрома являются южные рай-

оны петрогромской культуры, то чиялик представляет собой скотоводов Зауралья (рис. 49).

И постпетрогромское, и чияликское население всегда имело тесные отношения с волжскими болгарами. Так, на Меллятамакском и других селищах Восточного Закамья вместе встречаются чияликская шнуровая и болгарская круговая посуда. В чияликских некрополях постоянно находят изделия болгарских ремесленников. Так, только в одном Такталачукском могильнике встречено 9 болгарских однобусинных височных подвесок из серебра и бронзы, украшенных сканью (рис. 46).

О контактах с болгарами свидетельствуют и письменные источники. В поисках *Magnu Hungaria*, т.е. Великой Венгрии, в канун монгольского нашествия венгерский монах Юлиан в качестве слуги одного мусульманского купца прибыл в Волжскую Булгарию. В большом городе, «из которого выходит ... 50 тыс. бойцов» (скорее всего, это был политический и торговый центр страны – Биляр) он встретил, как отмечалось, «венгерскую женщину», выданную замуж за жителя Болгарии из страны, куда стремился Юлиан (Аннинский, 1940, с.82). Руководствуясь ее сведениями, через «две дневки» «близ большой реки Этиль» Юлиан нашел соплеменников-язычников. Эта встреча, видимо, состоялась на левобережье Камы где-то в низовьях р. Зай, у современного Нижнекамска, т.к. для местных жителей продолжением Волги (Этиль) были Кама и Белая (Ак Итиль).

Путешественник отметил, что хорошо понимает жителей, поскольку язык их «совершенно венгерский». Он сообщает также, что они имеют селения и дома, но землю не возделывают, «едят мясо конское, ... пьют лошадиное молоко и кровь. Богаты конями и оружием и весьма отважны в войнах». Точно так же можно было бы описать быт постпетрогромско-чияликского угорского населения, преимущественно скотоводческого с кочевническими традициями.

Плано Карпини в середине XIII в. называл территорию распространения чияликской культуры страной Баскарт, или Великой Венгрией (Плано Карпини, 1957, с.47, 48). В сообщении Рубрука этого же времени отмечалось, что язык паскатир и венгров один и тот же. Он также пишет, что «из этой земли паскатир вышли гунны, впоследствии венгры...» (Гильом де Рубрук, 1957, с.123).

Материалы памятников чияликской культуры представляют уникальные данные о времени и характере принятия угорским населением Приуралья мусульманства. Многообразие погребальной обряд-

ности этого региона свидетельствует, что становление монотеизма в регионе происходило в борьбе мусульманских сект между собой, а также с миром язычников. Этому могло способствовать то, что сюда ислам мог проникать как с запада, со стороны Волжской Болгарии, так и с юго-востока, из Средней Азии. Рубрук, в частности, сообщал: «То, что я сказал о земле паскатир, я знаю через братьев проповедников, которые ходили туда до прибытия татар и с того времени жители ее были покорены соседями булгарами и сарацинами, и многие из них стали Сарацинами» (Гильом де Рубрук, 1957, с.74).

Таким образом, становится очевидным, что одновременно с мусульманизацией происходила тюркизация приуральских угров. Ко второй половине XIV в. значительная часть «Великой Венгрии», видимо, была занята сдвинувшимися к северу вследствие монгольского завоевания поздними тюркоязычными, в основном, кипчакскими кочевниками, близкими по образу жизни кочевым уграм. Об этом свидетельствует погребальный инвентарь Байряка-Тамакского могильника (Бавлинский район Татарстана) XIV в., оставленного кипчаками (Казаков, 1978, с.93–96).

В это же время в восточные районы Татарстана все более активно переселяются спасающиеся от набегов волжские булгары, которые, судя по материалам Бикбулловского и Меллятамакского селищ, проживали совместно с чияликским населением (Казаков, 1978, с.34–39). Лишь в отдельных северных прикамских районах сохранились группы населения с заметными элементами культуры приуральских угров. В дальнейшем они были полностью тюркизированы, войдя в состав башкир и казанских татар, хотя и в настоящее время у иштыков – тюркизированных угров – сохраняются элементы древней культуры угров (налобные повязки-хараусы, пластинчатые варганы и т.д.).

Перспективной представляется попытка выявить следы угорского населения в тюркоязычных родоплеменных подразделениях. Так, крупнейшие из раскопанных чияликских могильников – Такталачукский, I Азметьевский, Дербешкинский – скорее всего, оставлены предками племени эней. Во всяком случае, энейцы, этноним которых находит аналогии в перечне названий венгерских племен, в XVII–XIX вв. занимали обширную территорию в низовьях Ика и Белой, где в XIV в. располагались и чияликские некрополи (Кузеев, 1974, с.338–341, карта 13). Локализация деревень в этом регионе также свидетельствует о преемственности населения. По шежере (родос-

ловным), наиболее ранние деревни (Казаков, 1978, с.90) основаны еще в XIV в., т.е. синхронны указанным археологическим памятникам. Практически все названия современных деревень встречаются в письменных источниках середины XVIII в. (Материалы по истории..., с.79–80 и др.) в Энейской и Гирейской волостях.

В целом можно отметить, что чияликское население вошло существенной субстратной частью в состав ряда этнокультурных тюркоязычных подразделений Среднего Урала и сопредельных территорий. Места расположения этнокультурных групп с угорскими этнонимами (эней, юрми, гаина, кесе и др.) XIX в. (Кузеев, 1974, с.525, карта 15) локализуются в пределах обширной чияликской территории.

Таким образом, новые, полученные сравнительно недавно археологические данные на востоке Татарстана и на сопредельных территориях позволили выделить признаки языческой культуры приуральских угров, проследить процессы их мусульманизации и тюркизации, а также начать работу по выявлению элементов их культуры у современного тюркоязычного населения региона. Эти материалы свидетельствуют о заметной роли угорского (или болгаро-угорского) компонента в формировании ряда современных тюркоязычных этнокультурных групп Урала и Прикамья.

6. О роли угров в формировании этноса и культуры волжских болгар

В 1996 г. венгры отмечали 1100-летие «обретения Родины». В 996 г. на степных просторах Паннонии, практически в центре Европы, появилась очередная кочевая орда (после гуннов и авар), переселившаяся из далеких евразийских степей. Это были мадьяры, в состав которых входило семь племен во главе с Арпадом. В основном, в них преобладали угры, однако имелись и тюркские подразделения.

Образ жизни, одежда, языческие верования новых пришельцев были необычны для европейцев. Долгое время они не могли понять и военную тактику мадьяр. В течение нескольких десятилетий небольшие маневренные конные отряды последних совершали набеги на большинство стран Западной и Центральной Европы. От хорошо вооруженных, в странной одежде, на низкорослых, но крепких лошадях мадьярских воинов неоднократно спасались жители Германии, Франции, Испании и других стран. Лишь со временем мадьяры осели на землю, приняли христианство, восприняли многое от сосе-

дей и вошли в состав народов с европейской культурой.

Проблема происхождения мадьяр, их появления в Европе, определенной экзотики их истории уже более 200 лет с большей или меньшей активностью изучается европейскими исследователями. Источниками для них первоначально стали письменные сведения и данные языковедов. Для нас наиболее актуальными являются вопросы взаимодействия мадьяр с народами Восточной Европы. Одной из поздних концепций в этом отношении является т.н. «башкиро-мадьярская проблема», введенная в историческую науку в середине 50-х гг. башкирскими авторами Р.Г.Кузеевым и Т.М.Гариповым (Гарипов, Кузеев, 1962, с.331–343). Для решения этой проблемы, которую, как мы увидим ниже, было бы правильнее назвать тюрко-угорской, исследователи привлекли немногочисленные, к сожалению, письменные источники, а также ряд историографических материалов. Акцент был сделан на сообщении Юлиана о его поездке в Волжскую Болгарию в 1235 г. (канун монгольского нашествия). Авторы рассматривают точку зрения венгерского исследователя Переньи, который считает, что Юлиан вообще не переходил Волгу, а оставался на побережье этой реки, где находилась и «Magna Hungaria».

«Башкиро-мадьярской» проблему назвали из-за уже давно замеченного историками сходства этнотермина «башкир» и угорского «баджарт, бажчжирд», а также сообщений Плано Карпини и Рубрика о том, что к востоку от Великой Болгарии (т.е. на территории Башкортостана) находится Великая Венгрия («Magna Hungaria»).

Большое значение факта переселения мадьяр в Европу для исторической науки и особенно для истории Венгрии, как отмечалось, вызывало в течение столетий неослабевающий интерес к нему. Отсутствие достаточного количества материалов для решения возникающих при этом вопросов заставляло исследователей скрупулезно анализировать любые материалы, в том числе и лишь относительно связанные с темой.

Одной из последних таких обзорных работ, является статья Б.С.Ильясова (2003, с.125–134), посвященная исследованиям с XVIII в. и до первой мировой войны. Отмечая сложность проблемы, автор заявляет, что в последующем «историкам предстоит привлечь для решения различных аспектов новые источники, прежде всего археологические» (Там же, 2003, с.133).

В отдельной статье рассмотрены труды 50–60-х годов XX в. (Э.Мольнара, Э.Мофа, Д.Синера, Б.А.Серебренникова и др.) по вопросу башкиро-венгерских связей (Немет, 1971, с.249–262). Автор полагает, что надо опираться на гипотезу о венгерской прародине в Башкирии и что оставшиеся там венгры в золотоордынский период были ассимилированы башкирами. В Башкирии же Юлиан якобы встретил своих соплеменников (Там же, с.262).

Наиболее ранние концепции поисков мадьярской «прародины» рассматриваются также в одной достаточно объемной недавней статье (Зимони, 2000, с.5–42). Ее автор, опираясь на те же письменные источники и их интерпретацию, отмечает, что *Magna Hungaria* Юлиана является не более чем «теоретической конструкцией» (Зимони, 2000, с.210). Довольно подробно в работе рассматриваются т.н. «башкиро-венгерские» связи, к существованию которых автор относится скептически, полагая, что башкир, как народ, можно отмечать с IX или первой четверти X в. (Там же, с.21–24), а потому теория о башкирском и венгерском родстве является недоказанной (Там же, с.35). Что касается связей волжских болгар и венгров, то И.Зимони считает возможным их проживание рядом с «венграми» в пределах Хазарского каганата (Там же, с.33). В заключении автор предполагает, что именно «завоевание родины печенегами» стало поворотным пунктом как в жизни венгров, так и в истории тюрков, принимавших участие в этногенезе волжских болгар.

Таким образом, мы видим, что даже современные исследования по указанным проблемам возвращаются все в том же круге письменных источников и их интерпретации. Новое видение тюрко-угорских взаимоотношений в эпоху средневековья, как отмечалось, стало возможным после получения большого археологического материала, важнейший из которого выявлен исследователями Татарстана.

Для решения многих вопросов тюрко-угорского взаимодействия на востоке Европы важными стали объемные материалы, полученные в 60–80-е годы XX в. В.Ф.Генингом, А.Х.Халиковым, Е.А.Халиковой, Е.П.Казаковым и др. при раскопках Танкеевского, Тетюшского, Большетиганского и близких к ним некрополей. В них выявлены неопровержимые доказательства массовой миграции угров Прикамья и Урала в Среднее Поволжье. Они позволили наполнить конкретным материалом содержательную часть вышеуказанных письменных и других источников.

Уже в 1967 г. был поставлен вопрос о вхождении угорских племен в состав населения ранней Волжской Болгарии (Казаков, 1967, с.75–78). На сессии по этногенезу башкир в 1969 г. в Уфе рассматривалась и проблема вычленения археологической культуры мадьяр на востоке Европы. В выступлении Р.Г.Кузеева отмечалось, что археологические «исследования в ... Башкирии и Волго-Яицком междуречье... должны привести к выделению такой культуры. В этом я присоединяюсь к выступлению Е.П.Казакова» (Выступления в прениях..., 1971, с.343). В последующие годы проблеме взаимодействия угров, в том числе и мадьяр (Иванов В.А., 1999 и др.), был посвящен ряд статей и монографий археологов.

Судя по ним, удивительна эпопея миграции мадьяр. Как народ они сформировались из родственных племен, в степях «края озер» Тобольско-Иртышского междуречья (The Ancient Hungaries ..., 1996). В VII в. началось их движение на запад. До второй трети IX в. они кочевали в степях Урала и Поволжья. После поражения от печенегов, двигаясь на запад, за несколько десятилетий они прошли путь в 2,5 тыс. км. По пути угорские кочевники совершили остановки в Леvedии (Северное Подонье) и Ателькузу (междуречье Днепра и Днестра) (рис. 27). Об этом свидетельствуют археологические материалы (Казаков, 2002, с.53–59) и письменные источники (Ибн Русте, Гардизи, Константин Багрянородный и др.).

Чем же первоначально было вызвано такое передвижение? Скорее всего, тем же, что и «великое переселение народов» в гуннскую эпоху (IV–V вв. н.э.), т.е. в наибольшей степени военно-политической ситуацией. И основополагающей причиной миграции мадьяр была постоянная конфронтация с печенегами, которые методично выбивали их из Приуралья, Леvedии и Ателькузу. Подводя итоги, отметим, что эта конфронтация имела большое значение для средневековой истории Европы. В результате ее в X в. появились два новых государства: Волжская Болгария и Венгрия. Нападения печенегов вместе с походом Святослава в значительной мере способствовали падению Хазарии.

С глубокой древности кочевые племена Урала и Прикамья уходили зимовать в низовья Аму-Дарьи и Приаралье. В разные эпохи среди них были индоиранские, тюркские и угорские кочевники. Многие племенные объединения угров, как отмечалось, постоянно занимали обширные территории Среднего и частично Южного Урала. В

гуннскую и тюркскую эпохи к ним с востока нередко проникали кочевые угры. Особенно массовым было переселение в период становления Первого Тюркского каганата в середине VI в. н.э. Возникновение за короткое время огромной евразийской державы вызвало массовую миграцию племен с востока на запад. Достаточно вспомнить историю авар, которые бежали из Центральной Азии, преследуемые тюркютами, и в конечном итоге осели в Паннонии (практически этот же путь через 350 лет повторили и мадьяры). В 558 году в Приаралье тюрки (тюркюты) после ожесточенной борьбы сломили сопротивление племен огоров, вар и хионитов, и им пришлось уйти на Урал и в Прикамье – в места своих летних кочевий. Среди них было много кочевых угров, которые присоединились к постоянно проживающему здесь угорскому населению. В конце VII – VIII в. угорские пришельцы заняли широкую территорию Волго-Уралья, вытеснив именьковские и турбаслинские племена (этническая принадлежность последних является дискуссионной, так как исследователи причисляют их то к индоиранцам (Казаков, 1998, с.97–150), то к славянам, а то даже и к балтам). В лесной зоне угры оставили, как отмечалось выше, ломовскую, ломоватовскую и неволинскую культуры, лесостепь освоили племена кушнаренковской культуры, а в степях обитали мадьяры (рис. 3, Л). При этом в лесостепной зоне угры вели кочевой образ жизни. И все они имели много общего в материальной и духовной культуре: лепную круглодонную посуду с гребенчатой, резной и шнуровой орнаментацией, разнообразные культовые изделия, специфические украшения. При захоронениях применялись погребальные маски, определенным образом в могилу клалась шкура лошади. Все эти племена входили в состав населения Хазарского каганата, власть которого распространялась до Приуралья и Верхнего Прикамья. В Среднем Поволжье, т.е. на западе, соседями угров были болгарские племена, которые во второй половине VIII в. откочевали сюда в поисках богатых летних пастбищ из южных районов Хазарии, двигаясь на север вдоль правого берега Волги (об этом свидетельствуют, как указывалось, типично болгарские некрополи: Усть-Курдюмский у Саратова, Автозаводский в Ульяновске, Большетарханский в Татарстане) Они принесли с собой с юга характерные элементы салтовской культуры, в том числе резко отличную от угорской круговую керамику (рис. 37), которая широко представлена в могильниках Кайбельском, II Уренском, Большетар-

ханском, Автозаводском и др.

Находясь в пределах одного государства, угры и тюркоязычные болгары поддерживали связи друг с другом. Так, салтовская круговая посуда встречена даже на Верхней Каме – в памятниках неволинской и ломоватовской культур.

Во второй трети IX в. в Хазарии развернулась «борьба за веру» между сторонниками мусульманства и иудаизма. Правящая верхушка разделилась на две ожесточенно сражающиеся партии, которые призывали на помощь к себе то мадьяр, то кочевавших к юго-востоку от них печенегов. Все это приводило к ослаблению центральной власти в стране, особенно в отдаленных районах, которыми являлись Прикамье и Приуралье.

Во второй же трети IX в. печенеги разбили мадьяр и заставили их уйти на запад, заняв их территорию в степях и, в свою очередь, значительно затруднив связь волжских болгар с югом Хазарии. Отсюда печенеги, видимо, совершали походы против угров более северных районов. Последние без поддержки мадьяр не могли оказать печенегам серьезного сопротивления и вынуждены были бежать – на север и в другие районы.

Кушнаренковские, неволинские и южные ломоватовские и полемские памятники исчезают (рис. 3, Л). Носители их переселяются в Волжскую Болгарию, в основном, в ее северо-восточные районы, где появляются Большетиганский, XII Измерский (кушнаренковская культура), Танкеевский (поломско-ломоватовская культура) и другие могильники (изучено свыше 1300 погребений).

В этих памятниках отмечаются наряду с болгаро-салтовскими характерные черты языческой культуры угров: круглодонная посуда со штампо-гребенчатой и веревочной орнаментацией (свыше 200 экз.), погребальные маски (свыше 50 экз.), жертвенные комплексы из шкуры лошади (только в Танкеевке более 200 комплексов), специфические культовые изделия, связанные с урало-сибирским шаманизмом и т.д. Встречается также много серебряных изделий с постсасанидским декором. На рубеже IX–X вв. будущая центральная часть Волжской Болгарии – Западное Закамье – во многом представляла собой местную «Венгрию». В первой половине X в. Ибн-Фадлан, Аль-Балхи и другие авторы отмечают в регионе племени угров, в том числе бажджард – бажджирт. Они активно взаимодействуют с болгарями, создавая яркую и своеобразную языческую культуру волжских болгар.

Элементы языческой культуры угров в конце IX в. мадьяры принесли в Паннонию. По данным венгерских археологов (И.Эрдели, И.Фодора и др.), в некрополях периода «обретения Родины» выявлены погребальные маски, жертвенные комплексы из шкуры лошади (около 400, по данным Ч.Балинта), культовые поделки и пр. Характерно наличие большого числа серебряных изделий с постсасанидскими элементами, традиции которых, видимо, были восприняты мадьярами еще во время сезонных кочевок между Приаральем и Южным Уралом где-то в VIII–IX вв.

В последней четверти X в. в Волжскую Болгарию из районов Среднего Урала приходит, как отмечалось, новая волна угров с постпетрогромской культурой. По материалам Поволжья, появление ее в памятниках волжских болгар относится к концу X в. Это подтверждается и нумизматическим материалом из языческих постпетрогромских могильников Башкортостана: подражание монете 954–961 гг. из погр. 5 кургана 4 Мрясимовского могильника; монете конца X в. из погр. I кургана 7 Каранаевского могильника (Мажитов, 1981, с.105–154).

О сохранении подразделений угров в стране болгар может свидетельствовать и одна из русских летописей. В ней сообщалось, что в 1220 г. во время штурма города Ошель (Суюндюковское городище?) в Ульяновской области) против русских войск выступил «угорский князь» со многими воинами.

Специфическая постпетрогромская круглодонная посуда со шнуровой орнаментацией или ее гибридные варианты сохраняются весь домонгольский период почти на всех болгарских поселениях, составляя от 1,5 до 3–7% всей керамики. Вместе с ней встречаются бронзовые литые изделия с изображением животных и птиц, выполненных в традициях уральских угров (рис. 12). Скорее всего, уграми по происхождению являлись известные по письменным источникам группы из Волжской Болгарии, которые в 70-е годы X в. под руководством Бикла и Бокшу, а также Хесена, переселились в Венгрию, основав город Пешт.

В этот период наблюдается удивительное сходство ремесленных изделий волжских болгар и мадьяр. Прежде всего, это проявляется в разнообразных накладках, пряжках, наконечниках ремней для пояса, поясных сумочек (рис. 50). Многие из них явно изготовлены болгарскими мастерами, возможно, переселившимися в Венгрию.

Весь домонгольский период угры Приуралья оставались восточными соседями волжских болгар. Нередко они прямо входили в со-

став населения Волжской Болгарии. Так, уже отмечалось, что в канун монгольского нашествия Юлиан встретил «венгерку» в Биляре, а потом побывал в поселениях угров, у которых язык «совершенно венгерский», на левом берегу Камы, вероятно, в низовьях р. Зай.

В золотоордынский период волжские болгары традиционно поддерживали тесные связи со страной Баскарт – Паскарт (от бажджарт), или «Великой Венгрией». По сведениям Плано Карпини и Рубрука, она располагалась к востоку от Волжской Болгарии и была населена уграми, неимеющими прочной оседлости.

Археологические материалы позволяют связывать эту страну с чияликской культурой, занимавшей широкую территорию от Восточного Закамья до Зауралья, где известна макушинская группа памятников. В низовьях Белой, как указывалось, в настоящее время изучены Такталачукский, Азметьевский, Дербешкинский, Кушулевский и другие могильники чияликской культуры. Вскрыто около 500, в основном, мусульманских погребений XIV в. Во многих из них, однако, сохранились, как указывалось, черты языческой культуры угров: круглодонная керамика со шнуровой орнаментацией, погребальные маски, монеты ханов Узбека и Джанибека и т.д. С полным основанием это население можно связать с предками тюркизированного угорского племени эней. В дальнейшем угорское население этого региона вошло в состав казанских татар и башкир.

О стране «паскатири» напоминает город Паскарти, находящийся, судя по карте Метиасса Кузйда 1600 г., на территории Башкортостана. До сего времени на территории Татарстана сохраняется угорская топонимика: Варыш, Иж, Курья, Тетюш и многие другие.

По мнению лингвистов, с угорским языком связаны топонимы с окончанием на -ым, -им (Тепляшина, 1967, с.261–264; Атаманов, 1988, с.96). Действительно, названия с такими окончаниями часто встречаются на зауральской прародине угров: селения Юргамыш, Куртамыш и др.; реки Юргамыш и др. Скорее всего, слова «ыш», «иж» обозначают, как и мансийское слово «я», реку, протоку или водный бассейн (Атаманов, 1988, с.77–79, 95–97). Не исключено, что название Тетюши произошло от венгерского (мадьярского?) слова tetu – вошь, насекомое. На территории этого города расположено II Тетюшское городище, которое до сих пор называется «Вшивая горка».

Исследований по выявлению угорских компонентов в культуре казанских татар практически пока не велись, можно указать лишь на

мадьярское имя на надгробном памятнике 1311 г. Чистопольского кладбища (Хакимзянов, 1986, с.176).

Большое число названий с угорскими окончаниями, распространенных в Удмуртии, Татарстане, Ульяновской и других областях, свидетельствуют о проживании средневековых угров на широкой территории Волго-Камья.

Подводя итоги, можно отметить ряд моментов, которые являются новыми для освещения археологии и истории народов Поволжья, Приуралья и Урала. Так, становится фактом, что роль угров в средневековой истории этого региона была значительнее, чем полагали ранее. На археологическом материале выявлены специфика, локализация и хронология культурных общностей угров, намечены пути их трансформации в общности современного тюркоязычного и финноязычного населения. И, что очень важно, в значительной мере это подтверждается этнографическими и топонимическими данными.

Так, с угорскими истоками связаны такие воршудно-родовые группы удмуртов, как пурга (порга) и эгра (югра). Относящееся к ним население довольно плотно располагается в бассейне Чепцы и Южной Удмуртии (рис. 37), т.е. там, где локализуются памятники с постпетрогромской посудой (рис. 30). В этих же районах распространены поселения, название которых оканчивается на -ым (Атаманов, 2001, с.93–94). В преданиях, записанных в верховьях Чепцы, имеются сведения об ассимиляции остатков угорского населения удмуртами, когда на последних работали слуги-поры (Там же, 2001, с.94).

С чияликскими памятниками низовий Белой, как отмечалось, вероятнее всего, связаны башкирские подразделения племени эней, истоки названия которого исследователи находят в мадьярской среде. Переселившиеся в Паннонию племена мадьярского союза имели названия Неки, Мегеры, Куртугермат, Тариана, Генах, Кари, Каси. У болгар, с которыми соседствовали на востоке, они заимствовали сотни слов тюркского происхождения. Среди них слова, обозначающие части тела, элементы хозяйственно-культурного типа, названия частей жилища, инструментов и ремесла, одежды и украшений, названия некоторых животных и рыб, понятия социальной жизни и морали, явлений идеологического характера и многое другое (Шушарин, 1997, с.207–210). О контактах с тюрками говорит и использование мадьярами рунического письма, и существование в Венгрии тюркокаваров (Там же, 1997, с.216–218).

Глава III

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВОЛЖСКИХ БОЛГАР С ПОВОЛЖСКИМИ И ПЕРМСКИМИ ФИННАМИ

Тесно взаимодействовали волжские болгары и с волжскими и пермскими финнами, которые, однако, в отличие от угров не были органической частью этногенеза болгар на Волге. Но обширный рынок финно-язычных соседей во многом способствовал бурному развитию ремесла и торговли Волжской Болгарии, становлению ее в качестве одного из самых экономически развитых государств Восточной Европы.

Вопросы взаимодействия с той или иной локальной группой финноязычного населения предлагается рассматривать по периодам истории волжских болгар: раннеболгарскому, домонгольскому и золотоордынскому. Основой археологического исследования проблем является анализ комплексов болгарской культуры в финноязычных регионах и финских элементов в стране болгар. В соответствии с локальными подразделениями финнов рассматриваются вопросы взаимодействия болгар с мещерой и муромой (бассейн Оки), мордвой (Окско-Сурское междуречье), мари (Марийское Поволжье), мерей и весью (Верхневолжский регион), удмуртами и коми (Камско-Вятский и Печерско-Вычегодский регионы).

При разработке этих, в целом еще слабо изученных вопросов приходилось акцентировать внимание не на керамике, как при исследовании угорского компонента, а на изделиях из цветного и благородных металлов (предметах культа и украшениях женского костюма). Это, прежде всего, относится к поволжским соседям болгар, которым присуща лепная плоскодонная, иногда лишь слабо украшенная и малоинформативная, горшковидная посуда.

Истоки плоскодонной посуды в определенной мере можно проследить по материалам памятников мордвы, где такая керамика вместе с характерными мордовскими изделиями из металла (украшениями женского костюма и т.д.) бытует в этом регионе, по крайней мере,

с VI в. н.э. Подобная посуда на этой территории встречается и в памятниках первых веков н.э. типа Андреевского кургана (Степанов, 1980), явно оставленных пришлым населением. Однако связать эту керамику с посудой VI в. мешает отсутствие хорошо изученных памятников бурного гуннского времени (IV–V вв. н.э.).

Более выразительна посуда пермских финнов. Как и угорская, она в основном лепная круглодонная, часто с примесью толченой раковины в тесте, однако имеет низкие пропорции, невысокую блоковидную шейку и редкую орнаментацию плечиков гребенкой и ямками.

Соотнесение круглодонной посуды низких пропорций без орнамента или с редким орнаментом с пермскими финнами хорошо иллюстрируется на материале памятников первых веков II тыс. н.э. перми вычегодской и чепецкой культур. В конце I тыс. н.э. предки удмуртов оставили памятники с такой посудой как на Нижней, так и на Средней Вятке. В Волго-Вятском междуречье выделяется целая группа городищ с подобной посудой, т.н. «одо-илемов».

Круглодонная посуда непосредственно связана с азелинской, а через нее и с пьяноборской керамикой. Вполне возможна также ее связь с некоторыми группами ананьинской (постмаклашеевской) посуды эпохи раннего железа. Для них также характерны круглодонность, низкие пропорции, слабая профилировка, редкий и простой орнамент. Памятники с такой посудой оставлены пришлым для Прикамья группами населения. Некоторые существенные элементы их культуры эпохи раннего железа (каменные надгробные стелы и др.) обнаруживают отдаленные южные и восточные истоки. В этом отношении они продолжают традиции предшествующей маклашеевской круглодонной керамики, имеющей параллели в памятниках Западной Сибири (поздние памятники ирменской культуры).

В эпоху средневековья Прикамье являлось ареной взаимодействия коренного финно-пермского и пришлого угорского населения. Носители северного (концовского) варианта азелинской культуры в это время непосредственно контактировали с анклавом угров в бассейне Чепцы. Так, ранние захоронения известного Варнинского могильника сопровождались лепной круглодонной керамикой с примесью песка в тесте и шумящими бронзовыми подвесками постазелинского типа. Лишь со второй половины VI в. н.э. здесь появляется масса угорских изделий – керамика, культовые изделия, костяные поделки и т.д. (Семенов, 1980, с.5–135), ставших характерными и для полоумской культуры.

Подобная контактная зона отмечена и для северо-западного (зюздинского) варианта ломоватовской культуры Верхнего Прикамья. Помимо явно угорских элементов культуры (круглодонная лепная керамика с веревочно-гребенчатым орнаментом, культовые поделки и т.д.), здесь отмечается и влияние финно-пермского населения (захоронения с трупосожжением и др.).

Таким образом, Прикамье являлось зоной активного взаимодействия пермских финнов и приуральских угров, что хорошо прослеживается по керамическим комплексам. В ананьинскую эпоху продвинувшиеся к Волге группы угров, видимо, были вскоре ассимилированы пермским населением. Во всяком случае, в пьяноборских и азелинских памятниках последних веков до нашей эры и в первой половине I тыс. н.э. полностью господствует круглодонная посуда пермских финнов. Однако в середине VI в. н.э. население со шнуровой посудой из Предуралья проникает на Чепцу, где вместе с позднеазелинским населением участвует в формировании поломской культуры. В конце I – начале II тыс. н.э. во многих памятниках бассейна Вятки (святилище Чумайтло, Еманаевское городище и др.) вместе встречаются пермско-финская, шнуровая угорская, а также гибридная (объединяющая черты пермской и угорской) посуда. Но уже в XII в. н.э., судя по чепецким памятникам, в регионе сохраняется только пермская керамика, к которой изредка примешивается плоскодонная посуда поволжских финнов, а позднее и славяноидные горшки. Шнуровая же керамика до XIV в. сохраняется только в Закамье и Приуралье в памятниках чияликской культуры.

1. Волжские болгары и окские финны

Благодаря своеобразию и удивительно стойкому сохранению в течение многих столетий этнографических особенностей костюма, прежде всего женского, комплексы волго-окских финнов хорошо выделяются в памятниках волжских болгар. Территориально истоки их можно локализовать на правобережье Марийского Поволжья, где обитали предки марийцев, в Волго-Окско-Сурском междуречье, где располагались мордва, мещера, мурома, и в Верхнем Поволжье, где проживала мера. В начале болгарской эпохи волжские финны, видимо, опасались появившихся на Средней Волге воинственных кочевников, отличавшихся от них образом жизни, языком, идеологическими представлениями. В VIII–IX вв. памятники коренного населе-

ния отсутствуют на правобережье Марийского Поволжья, а мордовские локализуются вдали от болгар, в Окско-Сурском междуречье (Казаков, 1992б, с.43). Наиболее ранние следы присутствия волжских финнов в стране болгар отмечены в Большетиганском могильнике кушнаренковской культуры. Здесь в могиле 42 конца IX в. расчищено женское погребение (рис. 51) с баночным сосудом с уплощенным дном. Головной убор был украшен лентой из четырех рядов ремешков, обвитых бронзовыми пронизками в стиле «полукейра». Обоймы, скрепляющие ленту и щиток ее пряжки, изготовлены из листовой бронзы и, так же, как у мордвы, по краям украшались точечным орнаментом. Несколько единичных пермских вещей обнаружено в Танкеевском могильнике (Казаков, 1970, с.253–260). Однако в целом их в памятниках болгар было в это время немного.

Первое появление окских финнов в стране болгар отмечается в третьей четверти X в. (Казаков, 1994а, с.112). На поздней языческой части Танкеевского могильника среди погребений болгар встречены мещерские (мужское, детское и женское) захоронения. По обряду и инвентарю они резко отличаются от болгарских. Детское захоронение 1044 датируется по находке серебряного дирхема Наср бен-Ахмеда 924–925 гг. (рис. 52). Богатым набором вещей сопровождалось женское погребение 1101 (рис. 53). Украшения костюма из этого захоронения находят аналогии в реконструируемой женской одежде Шатрищенского (Кравченко, 1974, с.111 и след.) и других рязанско-окских могильниках (рис. 54), а также в инвентаре женского захоронения 2 Муромского могильника, которое датируется по обнаруженным там монетам временем от 933 до 954 гг. (Розенфельд, 1978, с.180–184).

Наличие в Танкеевке захоронений, связанных с летописной мещерой, свидетельствует, что уже в языческий период болгары доброжелательно отнеслись к финноязычным переселенцам, разрешая совершать захоронения с соблюдением соответствующей для пришельцев обрядности на своем могильнике. О проживании окских финнов на территории болгар в это время может свидетельствовать и аналогичная танкеевской серповидная гривна с привесками из Новослободского клада.

Мещерские комплексы из Танкеевки, представляющие самые восточные языческие захоронения окских финнов, несомненно, свидетельствуют о проникновении их (по Оке и Волге или напрямую через мордовские земли) в Среднее Поволжье. Возможно, это было

связано со славянским воздействием. Известно, что уже в XI в. земли мещеры и муромы вошли в состав русских княжеств, хотя этноним «мещера» в различных вариациях нередко использовался для определения различных групп средневекового населения Волго-Окско-Сурского междуречья (Орлов, 1992). Этот регион являлся контактной зоной для финноязычного, славянского и тюркоязычного населения, а также зоной конфронтации Руси, Волжской Болгарии и кочевников степи. Все они силой оружия и идеологического воздействия стремились расширить свое влияние, что усиливало миграционные и ассимиляционные процессы.

Подобно муроме и мещере, к исчезнувшим народам этого региона относятся и буртасы, этнокультурная принадлежность которых также является дискуссионной. Еще Н.Ф.Калинин связывал древности буртас с именьковской культурой. В настоящее время получены новые материалы, подтверждающие связи буртас с турбаслинско-именьковскими комплексами поздних сармат (Казаков, 1998, с.97–150), остатки которых в домонгольский период были ассимилированы тюркоязычным населением и мордвой.

В 60-е годы X в. из кубано-нижнедонских районов Хазарии, гибнущей под ударами печенегов и Святослава, в Среднее Поволжье переселяются, как отмечалось, новые группы болгар. Это было мусульманизированное население с богатыми традициями земледелия, ремесла и торговли. С ним связаны появившиеся в культуре болгар салтовские элементы. В числе их постантичная керамика (горшки, кувшины, корчаги, светильники и т.д.), прогрессивные типы железных земледельческих орудий (лемеха, резак, косы, серпы), разнообразный ремесленный инвентарь, поясные наборы и др. (рис. 56).

Появление вятичей в Окском регионе также датируется этим временем. Они принесли туда развитые элементы салтово-маяцкой культуры, которые во многом аналогичны болгарским (горшковидная керамика с рифлением, кузнечные орудия и т.д.), поскольку общим истоком обе общности имели круг салтовских древностей юго-востока Европы.

Пришлое население явилось катализатором завершающих процессов превращения Волжской Болгарии в мусульманское государство с развитым земледелием, скотоводством, ремеслом и торговлей (рис. 57). Вместе с товарами шел при посредничестве болгар широкий поток серебра, которое частично оседало и в бассейне Оки. Так, в крупнейшем Муромском кладе находилось свыше 11 тыс. монет и

более 5 кг их обломков. Борковский клад содержал около 500 монет. Монеты часто клали и в погребения. Так, более десятка серебряных дирхемов и их подражаний встречено в Максимовском могильнике близ Муром (Равдина, 1988, с.82–83). Все это явно свидетельствует об успешности торговли и богатстве местных купцов.

Следует отметить, что такой активной деятельности болгар способствовал заключенный по их инициативе в 1006 г. договор с Русью, по которому князь Владимир разрешил болгарским купцам торговать в городах по Волге и Оке. Однако в конце XI в. усиливающаяся Северо-Восточная Русь вступает в конфронтацию с Волжской Болгарией. Инициаторами этого, видимо, в немалой степени были торговые люди русских городов, в том числе Муром, хорошо представлявшие, какую выгоду получают болгарские купцы благодаря ножницам цен на некоторые виды товаров на внешнем и внутреннем рынках. В 1088 г. на Волге и Оке были избиты и ограблены болгарские купцы. Поскольку обращенная к князю Олегу жалоба не имела успеха, болгары пришли с войском, взяли Муром, сожгли окрестные села. О взятии Мурома в 1088 г. свидетельствуют слои пожара (Бейлекчи, 2005, с.151). Однако в дальнейшем перевес оказался на стороне Руси, и болгары потеряли торговое первенство на Волге и Оке. С этого времени усиливается славянизация и христианизация мерянского населения на Верхней Волге (см. ниже).

2. Волжские болгары и мордва

Считается, что мордва является одним из наиболее ранних этносов, известных в семье поволжских финнов. С ней связывают этноним «морденс», известный по сведениям Иордана VI в. Занимая изрезанную речными долинами и оврагами лесистую территорию площадью 800х400 км, протянувшуюся между Волгой и Окой, местное население в эпоху средневековья, несмотря на наличие сильных соседей на востоке, юге и западе, во многом сохраняло свою независимость. Способствовал этому и уровень социально-экономического развития общества. Отсутствие централизации, столичных центров не позволяло врагам, разом захватив их, установить контроль над всей территорией. А небольшие родоплеменные группы, упрятав женщин и детей в небольших городищах – «твердых», – затерянных в непроходимых овражно-лесистых пространствах, могли вести бесконечную партизанскую войну против пришельцев.

На всех этапах истории, в силу своей географической близости, волжские болгары находились в контакте с мордовскими этническими группами. При этом на каждом этапе эти связи также имели свою специфику, обусловленную, в первую очередь, социально-экономическими изменениями в самом болгарском обществе и политическими изменениями в регионе.

В раннеболгарский кочевнический, языческий и догосударственный период второй половины VIII – первой четверти X в. связи волжских болгар с мордвой, как отмечалось, были незначительны. Хотя в раннеболгарских и мордовских памятниках имеется немало одинаковых изделий, преимущественно предметов конского снаряжения, вооружения, поясной гарнитуры мужчин-воинов, но объясняется это, скорее всего, тесным контактом мордвы с салтово-маяцким культурным миром, частью которого были и волжские болгары.

Находки же этнически своеобразных мордовских изделий – женских украшений, керамики и т.д. – в раннеболгарских памятниках единичны. Так, в Большетарханском могильнике встречено несколько подвесок с характерными для мордвы трубчатыми и трапециевидными щитками, имеющими конические и удлиненно-подтреугольные привески (Генинг, Халиков, 1964, табл. XVI, 2, 9, 19). В женском погребении 42 Большетиганского могильника (см. выше) зафиксирован венчик головного убора мордовского облика (Chalikova, Chalikov, 1981, s.129, taf. XXXI). Несколько характерных для мордвы изделий найдено в Танкеевском могильнике (Казаков, 1970, с.254).

В конце IX – начале X в., возможно, в результате движения мадьяр на запад, в мордовских могильниках увеличивается число подделок, находящихся аналогии в поздних языческих погребениях волжских болгар. К ним относятся накладки на ремень с цепочкообразным бордюром по периметру и стилизованным растительным орнаментом (кружочки и бутоны на стебельках и др.) по центру (Материальная культура ..., 1969, с.157, табл. 42, 13–17 и др.). Изделия с подобными стилистическими особенностями, нередко отражающими влияние постсасанидского искусства, проникли в Волжскую Болгарию вместе с угорским населением.

К первой половине X в. относится и ряд других комплексов поясных наборов из мордовских памятников, имеющих аналогии в языческих болгарских и тесно связанных с ними в культурном отношении мордовских погребениях. Так, совершенно идентичные венгерским поясные

наборы встречены в Крюково-Кужновском могильнике (Диенеш, 1964, с.39–40). К поясу из погребения 205 этого могильника был подвешен кинжал в декоративных ножнах, находящий аналогии в языческих древностях волжских болгар (Казаков, 1972, с.164, рис. 2, 9).

Однако, как отмечалось выше, этнически своеобразных мордовских изделий в памятниках ранней Волжской Болгарии было немного. Очевидно, различие социально-экономических и этнокультурных основ в этот период не способствовало каким-либо прочным контактам волжских болгар с мордвой. Положение изменилось со второй-третьей четверти X в., когда в Волжской Болгарии произошли коренные изменения – сформировалось государство, появились постоянные поселения, мусульманство вытеснило язычество и т.д. Бурно растущее ремесленное производство волжских болгар (рис. 56) требовало широких рынков сбыта и установления постоянно функционирующих торговых путей. Одним из них, известным по сообщениям восточных авторов Джейхани и Идриси, стал сухопутный путь, соединяющий стольные города Киевской Руси и Волжской Болгарии (Рыбаков, 1969). По мнению Г.Н. Белорыбкина, этот путь проходил по территории Сурской группы (см. ниже) памятников в Пензенской области (1986, с.89–92) и, вероятно, пересекал южно-мордовские земли (рис. 57).

Во второй половине X – первой половине XI в. – времени бурного развития ремесла и торговли волжских болгар – в памятниках мордвы увеличивается количество болгарских изделий. Некоторые категории таких изделий (поясные сумочки, коньковые кресала и прочее) продолжают традиционные формы поделок языческого периода (Материальная культура..., 1969, с.77, 165, рис. 1–3; табл. 46, 10 и др.). В большинстве своем, однако, преобладают новые типы. Особенно четко прослеживается это на предметах поясной гарнитуры: накладках (сердцевидных, в виде геральдического щита и др.), наконечниках ремней, пряжках, имеющих аналогии в памятниках волжских болгар (рис. 55). Широкое распространение получили поясные сумочки поздних типов (рис. 50, 2, 3), витые серебряные браслеты, разнообразные по форме накладки с полукруглым вырезом на одной и таким же выступом на другой сторонах для более прочного соединения друг с другом в горизонтальной плоскости в виде «змейки». Лицевая сторона этих изделий обычно украшалась поясками насечек или полушарнирными выступами (Материальная культура..., 1969, с.111, 113, 121, табл. 18, 1–5; 19, 2, 3; 24, 3 и др.). Полные и

многочисленные аналогии таким накладкам фиксируются в памятниках Волжской Болгарии, в частности, на I Измерском и I Семеновском торгово-ремесленных поселениях в приустьевой части Камы, где зафиксированы и следы их производства (рис. 56). Об оживленных связях этого времени свидетельствуют и монетные клады, в составе которых находились и монеты, чеканенные в последней четверти X в. в Булгаре и Суваре (Жиганов, 1959, с.156).

К этому времени относится преобладающая часть материала упомянутой выше своеобразной группы городищ и селищ, появившихся в Пензенской области, видимо, в XI в. Их круговая керамика, железные и бронзовые изделия близки поволжско-болгарским. Это дало возможность предполагать, что в домонгольский период территория Волжской Болгарии включала некоторые районы Пензенской области (Казаков и др., 1977, с.154). М.Р.Полесских соотносил эти памятники с «обулгаризированными бургасами», которые жили с мордвой чересполосно, осуществляя с ними «постоянный и непосредственный контакт» (1981, с.67–68). Однако, скорее всего, данные памятники оставлены новыми болгарскими мигрантами с юго-востока Европы.

Предполагается, что культура Верхнесурского региона сформировалась под влиянием Волжской Болгарии (Белорыбкин, 2003). Если бы это было так, то в отмеченных культурных комплексах должен был присутствовать урало-прикамский компонент, органически присущий волжским болгарам (лепная круглодонная керамика с гребенчато-шнуровым орнаментом; т.н. «постпетрогромская» посуда и ее гибридные варианты; культовые изделия и предметы женского костюма угров и т.д.). Поскольку этого нет, а керамика и иные изделия соответствуют материалам (постантичные варианты круговой посуды, ремесло и др.) болгарских комплексов низовий Кубани, то можно предполагать, что данные памятники оставлены группой болгар, мигрировавшей с юго-востока Европы и осевшей, не дойдя до Волги, в мордовских землях (Казаков, 1992, с.79). Это случилось в конце X или в XI в., хотя данных для определения ранней датировки крайне мало.

Вполне вероятно, эта территория входила в состав Волжской Болгарии, что способствовало сохранению общности в культуре. Нельзя отрицать и наличия определенной изоляции болгарского населения в южных землях мордвы. При разведках выявлена территория шириной в 100 км между волжско-болгарскими и сурско-мокшанско-болгарскими землями, где нет памятников с круговой керамикой.

Таким образом, можно говорить о сурских болгарях домонгольского периода, возможно, даже о своеобразном Сурском княжестве со столицей – Юловским городищем. О том, насколько культура населения этого края была близка волжским болгарам, свидетельствует многообразный материал Золотаревского поселения (Белорыбкин, 2001), в керамических комплексах которого встречается только круговая общеполгарская посуда и лепная плоскодонная посуда мордвы.

Заклочительный домонгольский этап болгаро-мордовских отношений весьма невыразителен. В немалой степени это объясняется неразработанностью хронологии древностей Волжской Болгарии XII – начала XIII в.. Можно отметить, однако, что в это время в мордовских памятниках бытуют плетеные браслеты (в том числе и шести-проволочные), находящие полные аналогии среди болгарских образцов (Жиганов, 1959, с.187).

Военно-политические события в регионе освещают русские летописи. Активное освоение болгарями торговых путей по Волге и Оке в XI в. окончилось в 1088 г. погромом болгарских купцов (см. ниже). Усиление конфронтации Руси и Волжской Болгарии в XII в. затронуло и мордву. Часть мордовских военных предводителей выступала на стороне русских, часть – на стороне болгар (ПСРЛ, 1962, с.94–95 и др.). Последних, в частности, поддерживал Пургас, правитель особой территории Руси Пургасовой в землях мордвы. Не исключено, что ею могли быть земли сурских болгар.

Качественно новыми стали взаимоотношения мордвы с волжскими болгарями в золотоордынский период. В это время наблюдается массовое переселение мордовского населения на восток, возможно, в связи с усилением Мохшинского (Наровчатского) образования. Мордовские поселения и языческие могильники появляются в землях волжских болгар как на правом, так и на левом берегу Волги. К ним относятся Муранское селище (площадь более 2 км²) и могильник (насчитывает около 5 тысяч погребений) на Самарской Луке (Алихова, 1954, с.260), Карташихинское селище и могильник в Лаишевском районе РТ и ряд других памятников (Калинин, Халиков, 1954, с.62 и др.). Отмеченные памятники сопровождаются лепными плоскодонными горшками, украшениями женского костюма, в том числе скульгами с широкими подтреугольными лопастями, пластинчатыми браслетами и другими специфичными для мордвы изделиями.

В последние годы обнаружен ряд новых мордовских памятников

золотоордынского времени на левом берегу Волги. В их числе разрушаемый водой могильник в Западном Закамье – центральной части Волжской Болгарии, сопровождающийся типично мордовскими сьюльгамами и украшениями (рис. 58).

Таким образом, в раннеболгарский период контакты волжских болгар с мордвой, судя по археологическим данным, были незначительными. В домонгольский период, начиная с X–XI вв., они приобретают постоянный характер, чему способствовало появление новой волны болгарских мигрантов из Прикубанья, осевших в Пензенской области, возможно, в XI в. Находки изделий X–XI вв. в могильниках мордвы свидетельствуют об устоявшихся торговых связях с волжскими болгарами. В золотоордынский период некоторые группы мордвы проживали в Волжской Болгарии, о чем свидетельствуют материалы ряда поселений и могильников. Процесс такой миграции мог быть вызван изменениями политической ситуации в Золотой Орде в XIV в.

3. Волжские болгары и мари́йцы

Из поволжско-финнских народов с болгарами наиболее тесно было связано мари́йцы. Наиболее интенсивное взаимодействие осуществлялось на измерском этапе, т.е. в последней трети X – XI в. В это время болгары активно осваивали новые рынки сбыта изделий своего бурно развивающегося ремесла, расширяли свою территорию. Под экономическое и культурное воздействие болгар подпадает ближайшая к ним территория поволжских финнов. На ней формируются болгаризированные группы местного населения, в том числе чуваш-суаслы́ мари, или чувашских мари́йцев (Казаков, 1997, с.39).

Формирование самих мари, видимо, завершилось в середине VI в. в период их миграции на современную территорию обитания (Никитина, 2002, с.167). Вниз по Волге территория мари доходила до современной Казани. На измерском этапе Волга стала основным средством связи между болгарами и их соседями (рис. 57). В Западном Закамье – центральной части Волжской Болгарии на Каме и Волге – в это время возникают крупнейшие в Европе торгово-ремесленные поселения: Измерское, I–III Семеновские, Старокуйбышевские и др. На них производилась разнообразная ремесленная продукция, которая реализовалась по Камскому и Волжскому торговым путям. В конце X – начале XI в. в приустьевой судоходной части притоков Волги

основываются торговые фактории волжских болгар. Одной из них является Криушское поселение на дюне в приустьевой части р. Цивиль (Третьяков, 1948, с.62), где встречена круговая болгарская керамика и бронзовые изделия, аналогичные измерским (рис. 58).

Одним из основных рынков сбыта товаров волжских болгар стало Марийское Поволжье, расположенное недалеко от центральных районов Волжской Болгарии (всего 120 км водного пути). Интересно, что местное население, в раннеболгарский период скрывавшееся в лесных массивах, теперь переселяется ближе к Волге и ее притокам, к местам, наиболее удобным для торгового обмена с болгарам. Так, в низовьях Ветлуги концентрируется целая группа могильников конца X – XI в., буквально переполненных изделиями болгарских ремесленников: Дубовский, Нижняя Стрелка и др. (рис. 58).

Подобная ситуация наблюдается и в приустьевой части Казанки, расположенной всего в 80 км от центральной части Волжской Болгарии. Скорее всего, здесь была фактория для обмена товарами с местными жителями. Болгары при своих далеких (вплоть до Верхнего Поволжья, где в памятниках Ярославского Поволжья также широко встречаются изделия болгар конца X – XI в.; см. раздел 4) плаваниях неоднократно могли делать остановки в низовьях Казанки. На территории Казани в прибрежной части озера Кабан выявлены погребения Борисковского могильника со множеством бронзовых изделий (рис. 59), аналогичных предметам из некрополей населения Марийского Поволжья конца X – XI в. (Казаков, 1999, с.63–71).

При раскопках в Казанском кремле получена целая группа предметов конца X – XI в. (керамика, бронзовый браслет, бусы и др.), свидетельствующая о существовании здесь поселения, которое, несомненно, находилось под контролем волжских болгар. Появление его было обусловлено политико-экономической ситуацией, при которой бурное развитие производительных сил Волжской Болгарии требовало освоения болгарам новых обширных регионов Поволжья.

Большим спросом пользовались поясные наборы с разнообразными деталями из цветного металла (рис. 60), поясные сумочки из кожи «булгари» с металлическими обкладками (рис. 50, 1, 2), перевитые браслеты с каменными вставками в шатонах, коньковые кресала (рис. 61) и др. (Архипов, 1973, с.151–159, рис. 38–39; Никитина, 2002, с.357, рис. 25, 16–29). Судя по находкам литейных форм, такие изделия изготавливались в Западном Закамье – центральной части страны болгар – и

через торгово-ремесленные пункты: I–III Семеновские, Измерский, V Старокуйбышевское и др. по Волге и Каме отправлялись в земли финноязычных соседей (Казаков, 1991, с.342–352). Появляется в Марийском крае и лепная шнуровая керамика (рис. 62, 5–8).

Вместе с товарами в земли поволжских финнов через посредство болгар шел поток восточного серебра. Только в Дубовском могильнике встречено несколько десятков монет, в том числе чеканенных в Волжской Болгарии (Федоров-Давыдов, 1984, с.160–172).

Возникшая после погрома 1088 г. на Волге и Оке конфронтация между Русью и Волжской Болгарией в конечном итоге привела к потере гегемонии последней на Волжском пути в северо-западном направлении. Усиление славянизации и христианизации мери и веси в Верхневолжском регионе вызвало их миграцию на восток (Казаков, 1997, с.40). В связи с этим во II, III Выжумском, Починковском и других могильниках Марийского Поволжья XI–XII вв. появляется славяноидная керамика с рифлением, специфические мерянские подвески в виде «петушков», «уточек», шумящие подвески со щитками из спянных колец и т.д. (Архипов, 1973, рис. 24; 26 и др.). Эта переселенческая волна дошла и до центральных районов Волжской Болгарии, в памятниках которой встречены такие же (рис. 63) поделки (Беговатов, Казаков, 1990, с.12–14). Восточные границы этого переселенческого движения определяют находки Котловского могильника в низовьях Вятки. Женские захоронения этого памятника сопровождаются богатым набором типично мерянских бронзовых украшений (рис. 64).

Не исключено, что вместе с этим населением на восток уходили и не принявшие христианства славяне-язычники (сторонники «волхов» и прочие). Определенный отголосок такого перемещения имеется в письменных источниках. Сообщая о появлении нового населения в Предкамье, казанский летописец сообщает: «Наполни такими людьми землю ту еще ина черемиса, зовемая отяки, тое же глаголют ростовская чернь, забежавши та от крещения русского в болгарских жилищах...» (Сказание о царстве Казанском, 1959, с.27).

В золотоордынский период наблюдается в силу изменяющейся военно-политической обстановки переход как волго-окских финнов в земли волжских болгар, так и обратный процесс. Одним из археологически доказанных фактов является, как отмечалось, массовое переселение мордвы на территорию бывшего государства волжских болгар на обоих берегах Волги.

Таким образом, археологические комплексы свидетельствуют о длительном 500-летнем взаимодействии волжских болгар с волго-окскими финнами. Обусловленная заинтересованностью в торговле известная веротерпимость болгар приводила к тому, что финны искали у них убежища. Археологические данные подтверждают и письменные источники, на основе которых исследователи уже давно приходят к тем же выводам. Так, А.И.Лызлов писал, что мещера, прежде жившая на Нижней Оке, «теснимая русскими... удалилась на северо-восток, ... как следствие этих же причин и черемиса переселилась на Волгу и Каму из Ростовской области...» (1787, с.83).

4. Об этапах взаимодействия волжских болгар с населением Верхнего Поволжья в X–XII вв.

Проблемы взаимодействия волжских болгар с верхневолжскими финнами остаются слабо разработанными, хотя данные для этого есть. Так, в кургане 301 Тимеревского могильника в Ярославском Поволжье встречен салтовский по форме (бомбовидное тулово, широкая горловина, пологая ручка), но лепной кувшин (Мальм, 1963, с.49, рис. 28), аналогичный подобным изделиям из погребений Танкеевского могильника первой четверти X в. (рис. 65). Такой же по форме, но круговой одноручный кувшин встречен на поселении Крутик в Белоозерье (Голубева, Кочкуркина, 1991, с.112, рис. 49). Подобный сосуд обнаружен в курганном захоронении веси (Спиридонов, 1985, с.203, рис. 4, 1). К этому времени относятся, видимо, перстни со щитком, имеющим четыре захвата, особенно характерные для угорских кочевников, коньковое кресало позднего типа с поселения Крутик (Голубева, Кочкуркина, 1991, с.110, рис. 48, 4–6), также имеющие аналогии в древностях ранних болгар первой половины X в. (Казаков, 1971а, с.105), табл. VIII, 1–3). Прототипы бронзовых коньковых кресал, принесенные угорскими мигрантами из Приуралья на Волгу в IX – в первой половине X в., в массовом порядке стали изготавливаться в Волжской Болгарии. Так, только в Танкеевском могильнике, несмотря на массовое ограбление, отмечено 9 таких изделий. Обломок позднего конькового кресала встречен в раннем Белоозерье (Захаров, 2004, рис. 262, 42).

Скорее всего, через болгар по Великому Волжскому пути в Верхнее Поволжье и далее шли разнообразные бронзовые изделия, характерные для металлопластика угров Приуралья. К ним, в частно-

сти, относится пряжка из поселения Крутик с изображением медведя в жертвенной позе (Голубева, Кочкуркина, 1991, с.110, рис. 48, 3).

Таким образом, уже в первой половине X в. волжские болгары налаживали торговые отношения с населением Верхнего Поволжья. В сообщении Ибн-Фадлана от 922 г. говорилось, что у болгар много купцов, которые ездят в страну Вису и в земли тюрок (Ковалевский, 1956, с.138). Видимо, торговля шла и вверх по Волге, хотя не исключено, что такие изделия привозили русы, первоначально имеющие инициативу в торговле. Колонию последних подробно описывает тот же Ибн-Фадлан. Он сообщает, что русы жили в деревянных домах, имели пристань на берегу Волги, к которой приставали их корабли (Ковалевский, 1956, с.141–146).

К переходному от языческого к монотеистическому периоду истории волжских болгар (вторая треть X в.) относится появление на Верхней Волге нового пласта болгарских изделий. Кардинальные изменения в стране, в том числе войны с язычниками (Заходер, 1967, с.37–38), возможно, вызвали миграцию части потомков полоумско-ломотовского населения из Волжской Болгарии в Верхнее Поволжье. Их лепная круглодонная керамика с веревочно-гребенчатым и штампованно-решетчатым орнаментом достаточно широко представлена в памятниках Верхнего Поволжья (Мальм, 1963, с.45, рис. 24, 1–3; Макаров, 1983, с.22–23; Голубева, Кочкуркина, 1991, с.143, рис. 6). Судя по локализации памятников с такой посудой (Казаков, 1994б, с.94, рис. 1), население это двигалось по речному пути через Марийское и Нижегородское Поволжье (рис. 57). Исследователи поселения Крутик, имея в виду такую посуду, говорят «... о сильном восточном влиянии на культуру белоозерской веси» (Голубева, Кочкуркина, 1991, с.162).

В Волжскую Болгарию такая керамика, как указывалось (раздел 3, глава II), принесена угорскими мигрантами из Приуралья в IX в. Она встречена во многих погребениях Танкеевского могильника (Казаков, 1992, с.109–111). В Верхневолжском регионе носители данной посуды (рис. 66) – самые западные поволжские угры, – видимо, были вскоре ассимилированы местным населением. Об этом свидетельствуют гибридные образцы, переходные от круглодонной к плоскодонной лепной керамике.

Однако наиболее сильное взаимодействие между болгарами и населением Верхнего Поволжья происходило в измерский период, т.е. в первой половине домонгольского времени (последняя треть X

– XI в.). В это время Волжская Болгария переживает свой наивысший расцвет. Быстрыми темпами росла торговля, связанная с бурным развитием ремесла. Возрастающие потребности стран Востока в мехах, которые, в основном, удовлетворяли болгарские купцы, заставляла последних все более активно вторгаться в глубинные территории народов (преимущественно финно-угорских) Северо-Восточной Европы. Эта сравнительно слабо заселенная земля площадью более чем 2 млн. км², являлась одним из богатейших промысловыми животными регионов Евразии. Для осуществления торговой экспансии болгары интенсивно использовали речные пути. Последние двумя огромными рукавами охватывали регион. Первый, восточный, шел на Верхнюю Каму и там по притокам переходил на Печору и притоки Северной Двины (Казаков, 2000б, с.176–177).

Западный путь шел на Верхнюю Волгу до озера Белое или через притоки переходил на озеро Кубенское и через него по Сухоне соединялся с восточным путем на Северной Двине или ее притоках. Этот путь особенно четко маркируют находки металлических деталей поясных наборов: накладок, наконечников ремней, пряжек. В Волжской Болгарии на измерском этапе существовала развитая индустрия конкурирующих между собой ремесленных школ, специализировавшихся на изготовлении таких изделий. Только в материале главного торгового пункта на Волго-Камском пути – Измерского селища – наряду с разнообразными предметами торговли (серебряными дирхемами, западноевропейскими монетами, гирьками (свыше 260 экз.), весами для малых взвешиваний) встречено более 200 типов накладок поясного набора. Кожаные пояса, украшенные бронзой и серебром, высоко ценились языческими соседями болгар. Для местного населения эти высококачественные ремесленные изделия являлись не только экзотикой, но выполняли также эстетические и представительные функции.

Памятники Марийского Поволжья этого времени насыщены деталями поясных наборов, нередко с сохранявшими даже кожаную основу (Никитина, 2002, с.72, рис. 16 и др.). В огромном количестве они встречаются в могильниках Ярославского Поволжья. В.А.Мальм отмечает свыше 200 подобных изделий различных типов. Часть из них имеет скандинавское происхождение, но большинство исследовательница связывает с Востоком (1963а, с.64–70). В основном данные подделки достаточно оригинальны и характерны только для культуры

болгар. Аналогичны измерским и предметы торговли: весы для малых взвешиваний, бочонковидные гирьки со знаками кратности и др. (Недошивина, 1963, с.71–74). В этих же могильниках встречаются серебряные дирхемы X в., всегда сопровождавшие торговлю болгар.

Как показывают материалы, значительная часть товаров болгар оседала в Белоозерье. Здесь часто встречаются детали поясов, аналогичных измерским. Они отмечены на поселениях Крутик (Голубева, Кочкуркина, 1991, с.110, рис. 48, 8, 10), Минино (Макаров, Захаров, 2000, с.151, рис. 3, 7–16), раннем Белоозере (Захаров, 2004, рис. 96, 19, 42, 43, 48–50, 54, 55 и др.). Такие же поделки встречены в Березовецком курганном могильнике Тверской области (Успенская, 1993, с.116, рис. 22). Население, оставившее эти древнерусские памятники, несомненно, участвовало в товарообмене с болгарскими, что подтверждается и расположением поселений у рек, протоков, озер; хотя поясные наборы болгар встречены и в курганах Вологодчины (материалы А.Н.Башенкина).

В.В.Мурашева также отмечает большинство аналогий накладкам поясного набора из Верхнего Поволжья в древностях Волжской Болгарии (Мурашева, 2000).

Основной торговый путь болгар в глубину территории Северо-Восточной Европы, видимо, шел по Сухоне.

С усилением Муромского и Рязанского княжеств – первых государственных образований на Оке, где прочная княжеская власть утвердилась раньше, чем на Верхней Волге, усиливались и их торговые противоречия с болгарскими (см. раздел 2 главы III). В 1088 г. на Волге и Оке были побиты болгарские купцы. В ответ войско болгар захватило Муром и пожгло окрестные села.

В XII в. княжеская власть укрепляется и в Верхнем Поволжье. Спасаясь от христианизации, часть мери и веси уходит на восток. Этому предшествовали волнения смердов конца XI в. в Суздальской земле (рис. 64А).

Во второй половине домонгольского периода в мариинские земли переселяются группы населения (предположительно мерянского) из Костромского края. В древностях Поволжья выявлены характерные мерянские поделки (Никитина, 2002, с.212–213). Отдельные находки и даже целые могильники верхневолжских финнов отмечаются в стране болгар (рис. 64). О миграции этого населения сообщают и письменные источники (Казаков, 2003, с.41).

Таким образом, основой первоначального взаимодействия болгар с верхневолжско-финским населением являлась торговля. Самые благоприятные условия для этого представлял Великий Волжский путь. Уже в раннеболгарский период, судя по находкам, в том числе специфичной керамики салтовских традиций, здесь, возможно, бывали болгары. Хронологически это можно относить ко времени Ибн-Фадлана, который писал, что у болгар много купцов (Ковалевский, 1956, с. 138). В то же время не только торговлей, но и непосредственным переселением потомков ломоско-ломоватовского населения из страны болгар можно объяснить появление комплексов лепной круглодонной керамики с веревочно-гребенчатым орнаментом в Верхнем Поволжье. Датируются они в Волжской Болгарии временем от второй трети IX до второй трети X в. Потом эта керамика здесь исчезает, но появляется в Марийском и Верхнем Поволжье. Это был второй этап взаимодействия болгар с населением указанных областей.

На третьем этапе (последняя треть X – XI в.) при мощном росте торгово-ремесленного потенциала Волжской Болгарии торговая экспансия болгарских купцов в Поволжье достигла предела. Об этом свидетельствуют находки металлических изделий болгар, фрагменты общеполгарской желто-красной круговой посуды и др. На четвертом этапе (вторая половина домонгольского периода) усилившаяся христианизация вызвала отток верхневолжского населения на восток. Часть его осела в землях болгар.

Причиной конфронтации болгар и Северо-Восточной Руси в основном были интересы торговли. В 1088 г. болгарские торговые корабли были разграблены на Волге и Оке. С целью контроля торгового потока на Сухоне русские построили Великий Устюг. Стремясь выбить их оттуда, в 1218–19 гг. болгары дважды совершали на него походы.

Таким образом, волжские болгары имели достаточно длительные, во многом основанные на торговле контакты с населением Верхнего Поволжья. Главным путем для этого являлся Великий Волжский путь.

5. Волжские болгары и пермские финны

Проблема взаимодействия волжских болгар с пермскими финнами остается малоработанной и дискуссионной. До настоящего времени многие исследователи культуры со шнуровой керамикой (ломоватовскую, ломоскую) связывают с пермскими финнами. Не отрицая определенного участия пермских финнов в их формировании (позднеазе-

линский–концовский – компонент в поломской; частично зюздинский компонент в ломоватовской), следует все же заметить, что культуры эти сложились (см. раздел 1 главы II), скорее всего, на угорской основе.

Отмеченная исследователями определенная хронологическая стабильность в процессах этногенеза населения изучаемой территории во многом была обусловлена традиционными представлениями и сравнительно малым археологическим материалом. В настоящее время в связи с качественно новыми данными (здесь решающее значение, как указывалось, имеют удивительно информативные комплексы языческих погребений ранней Волжской Болгарии) совершенно иной представляется этнокультурная ситуация на северо-востоке Европы.

Среди культур со шнуровой керамикой можно отметить ванвиздинскую, ломоватовскую, поломскую, частично неволинскую. Первые три из них большинство исследователей относит к пермским финнам, а последнюю считают преимущественно угорской. Однако основные элементы культуры, как указывалось (раздел 1 главы II), позволяют относить все эти культуры к уграм. В числе их лепная круглодонная керамика с гребенчато-шнуровым орнаментом, погребальные маски, специфические культовые подвески и прочее. Появление таких элементов можно связывать с миграцией уральских угров в западном направлении. Скорее всего, это было вызвано военно-политическими событиями, сопровождавшими образование Первого Тюркского каганата в середине VI в. Видимо, теми же причинами было вызвано и появление носителей ванвиздинской культуры в таежной зоне. В их комплексах, однако, сохранились скотоводческие традиции (курганый погребальный обряд, культовые коньковые подвески), а также элементы культуры угров (круглодонная посуда с гребенчато-шнуровым орнаментом, культ медведя, предметы культа т.н. пермского типа, погребальные маски и т.д.) (Савельева, 1979). Появление таких комплексов в середине VI в. совпадает с появлением предметов ранней геральдики. Такую же дату дает и нумизматический материал (наиболее поздняя монета из погр. 25 ванвиздинского Веслянского могильника относится к 535 г.).

Подобные же элементы культуры в это время отмечаются в памятниках Верхней Камы (Голдина, Кананин, 1989, с.83–84). В.А.Семенов относит к этому периоду массовое появление в поломских памятниках круглодонной керамики с веревочно-штампованным орнаментом, явно имеющей восточные истоки (1982, с.52–53).

В XI–XII вв. наблюдается отход угорского населения к востоку. Это было вызвано усилением Руси, которая оказывала воздействие на пермоязычное население. Последнее, в свою очередь, оттесняло угров. В это время полумская культура сменяется чепецкой, а ломоватовская – родановской. В них уже отсутствует керамика со шнуровым орнаментом, характерные культовые поделки, погребальные маски. В хозяйстве все большую роль играет земледелие. Распространение получают славянские изделия. Те же процессы наблюдаются в вымской культуре (Савельева, 1987), которая сменила ванвиздинскую.

В XI–XII вв. многие вещи этих культур, а также славянские поделки появляются в зауральских и западносибирских древностях (Могильников, 1987, с.330, табл. LXXXII, 27–38 и др.). В это время основная часть европейских угров в лесной зоне северо-востока Европы ассимилируется пермоязычным населением или оттесняется за Урал, где отмеченные элементы культуры характеризуют быт обских угров. Дольше всего в Предуралье угорские группы сохраняются на Чердыне и в бассейне Печоры (т.н. югра). Однако самыми поздними европейскими уграми Урало-Поволжья следует считать носителей чияликской культуры (см. раздел 4 главы II).

Принадлежность средневековой круглодонной посуды низких пропорций без орнамента или с редким орнаментом пермским финнам хорошо иллюстрируется на материале памятников первых веков II тыс. н.э. летописной перми вычегодской и чепецкой культуры. В конце I тыс. н.э. предки удмуртов оставили памятники с такой же посудой на Нижней и на Средней Вятке. В Волго-Вятском междуречье выделяется целая группа городищ с подобной посудой, т.н. «одоилемов», т.е. древних поселений удмуртов.

Удмуртские комплексы посуды непосредственно связаны с азелинской, а через нее и с пьяноборской керамикой. Вполне возможна связь этих комплексов с некоторыми группами посуды ананьинского времени (постмаклашеевского) эпохи раннего железа. Для них также характерны круглодонность, низкие пропорции, слабая профилировка, редкий и простой орнамент. Памятники с подобной керамикой оставлены пришлым для Прикамья населением. Некоторые существенные элементы их культуры (каменные надгробные стелы и др.) обнаруживают южные и восточные истоки. В этом отношении они продолжают традиции предшествующей маклашеевской круглодонной посуды, имеющей параллели в памятниках Западной Сибири.

Следует отметить, что Прикамье являлось зоной активного взаимодействия пермских финнов и приуральских угров, что хорошо прослеживается по керамическим комплексам. Уже в ананьинскую эпоху продвинувшиеся к Волге группы угров, видимо, были вскоре ассимилированы пермским населением. Во всяком случае, в пьяноборских и азелинских памятниках последних веков до нашей эры и первой половине I тыс. н.э. полностью господствует круглодонная посуда пермских финнов. Однако в середине VI в. н.э. носители керамики с шнуровым орнаментом из Предуралья проникают на Чепцу, где вместе с позднеазелинским (концовским) населением участвуют в формировании поломской культуры. В конце I – начале II тыс. н.э. во многих памятниках бассейна Вятки (святилище Чумайтло, Еманаевское городище и др.) вместе встречаются пермско-финская, шнуровая, а также гибридная (объединяющая черты пермской и угорской) посуда. В XII в. н.э., судя по чепецким памятникам (рис. 67), в регионе встречается лишь пермская посуда, к которой изредка примешивается плоскодонная посуда поволжских финнов, а позднее и славяноидные горшки. Шнуровая же керамика до XIV в. сохраняется только в Закамье и Приуралье.

Специфические элементы культуры пермских финнов хорошо прослеживаются в погребальном обряде. Обычно могилы имеют небольшую глубину и, в отличие от угорских, более широкие и короткие. Достаточно четко фиксируется культ огня. Погребенные (там, где удастся проследить) ориентированы головой в северном направлении. Посуда из погребений представлена низкими и широкими, иногда баночными, круглодонными лепными экземплярами, бронзовыми котлами, иногда берестяными туесами. Об интенсивных торговых связях с волжскими болгарами свидетельствует большое количество ювелирных ремесленных изделий со сканью и зернью (рис. 68). Такие находки отмечены в наиболее широко раскопанных некрополях пермских финнов: Кичилькосьском могильнике перми вычегодской (см. ниже), Кузьминском могильнике чепецкой культуры (Иванова, 1992). В погребениях последнего встречаются даже болгарские круговые сосуды (Иванова, 1992, рис. 31).

Большое количество круговой болгарской керамики (рис. 69) встречается на родановских памятниках в Верхнем Прикамье (Белавин, 1999, с.68–70). В последние годы здесь выявлены поселения болгар, следы их производств и даже погребения, совершенные по мусульманскому обряду (Белавин, 2000, с.45–58).

Материалы Волжской Болгарии также позволяют утверждать, что болгары в домонгольский и золотоордынский периоды продолжали активные контакты с преимущественно финно-пермским населением Верхней Камы и Вычегоды. На многих болгарских поселениях встречаются обломки круглодонных котлов (рис. 70) с примесью раковины в тесте, с пальчатыми защипами по тулову, с полочкообразными ручками, украшенными частыми оттисками гребенки в виде елочки (Казаков, 1984а, с.56, рис. 2, 9). В слое Саламатовского II городища X–XIII вв. на Верхней Каме подобная керамика составляет 70% (Оборин, Балащенко, 1968, с.42, табл. 3).

В памятниках волжских болгар в это время появляются умбоновидные подвески с тремя (Хузин, 2000, с.391, рис. 37, 18) и семью (Казаков, 1984а, с.64, рис. 10, 60) лапчатыми привесками. Подобные изделия находят полные аналогии в памятниках летописных перми вычегодской (Савельева, 1971, с.262, табл. IV, 27) и чуди заволоцкой (Назаренко и др., с.206, рис. 6) XI–XII вв. Заметно отличаются они от более ранних подвесок муромы и населения Марийского Поволжья. Значительные комплексы изделий пермских финнов отмечаются на предкамских памятниках болгар: Чаллыном городище (Кокорина, Останина, 2000, рис. 17–18), Лаишевском селище (Руденко, 1999, с.73–110) и др.

В последние годы получены новые значительные материалы, которые «свидетельствуют о более активном, чем предполагалось ранее, участии финно-пермского населения в этнических процессах» Предкамья (Нигамаев, 2005, с.84). На Елабужском и других комплексах XI–XIII вв. встречены достаточно многочисленные коллекции типично финно-пермской посуды (Нигамаев, 2005, рис. 64–65), а также группы гибридной керамики, пока еще слабо изученные.

В целом можно отметить, что в домонгольский период продолжались активные контакты волжских болгар с пермскими финнами. Этому способствовало наличие Камского и Вятского водных путей. Болгарские ремесленные изделия в значительном числе попадали к пермским финнам не только Верхней Камы, но и, как указывалось, бассейна Вычегоды и даже к угорскому населению Приобья (Федорова, 1984, с.1–17).

О торговых связях болгар с этими районами свидетельствуют арабские источники более раннего времени, которые сообщают, что «купцы булгарские ездят до Чулымана, а купцы Чулыманские ездят до земель Югорских» (Захoder, 1967, с.62).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Волжская Болгария – первое государство в Среднем Поволжье – достигла своего расцвета в домонгольский период. Велико было воздействие волжских болгар на финно-угорский мир, окружающий их с востока, севера и запада. Феномен появления далеко на севере, среди земель, заселенных множеством языческих народов, мусульманского государства (чему поражались и современники болгар) еще более удивителен, учитывая, что за короткое время экономика и культура Волжской Болгарии достигли уровня, сопоставимого с известными цивилизациями Востока и Запада. Этим во многом и определяется воздействие болгар на финно-угорских соседей.

До сего времени остается неизученной проблема эмоционально-психологического и эстетического воздействия культуры болгар на их соседей. Вероятно, это можно сравнить с чувствами сельского жителя, впервые попавшего в большой город. Городская культура болгар с ее разделением труда, приспособлением к потребностям жителей, большими общественными постройками, развитыми ремеслом и торговлей производила сильное впечатление на языческих гостей, которых обычно принимали доброжелательно. Рассказы возвратившихся в свои земли людей создавали образ удивительной страны, рождали стремление попасть туда. Поэтому крупные города Волжской Болгарии напоминали города Востока с их шумными базарами, где встречались люди разных – тюрко-, финно-, угроязычных – народов.

При таких контактах финно-угры также в значительной мере влияли на болгар, участвуя в формировании их культуры и этноса. Обоюдное воздействие непосредственно зависело от социально-экономического развития самого болгарского общества и складывающейся политической ситуации в Урало-Поволжье.

С сожалением следует отметить, что важнейшая для древней истории Урало-Поволжья тема взаимодействия волжских болгар и финно-угров до сих пор остается недостаточно изученной. Она рассматривалась в работах А.П.Смирнова, Т.А.Хлебниковой и других исследователей. В последние десятилетия трудами Г.А.Архипова, Р.Д.Голдиной, М.Г.Ивановой, А.М.Белавина, Т.Б.Никитиной, Г.Н.Белорыбкина и др. по данной тематике накоплены новые большие материалы. Важнейший вклад в освещение этой темы внесли А.Х.Халиков, В.Ф.Генинг,

Е.А.Халикова, Е.П.Казаков и др. При этом особенно важные данные получены при раскопках языческих могильников ранней Волжской Болгарии, памятников домонгольского времени в Западном Закамье и памятников XII–XIV вв. в Восточном Закамье.

Уже в раннеболгарский, преимущественно языческий, кочевнический, догосударственный период (IX – первая четверть X в.) в страну проникают большие массивы финно-угорского населения. Среди них преобладали угры Урала и Прикамья, которые заселили, в основном, Западное Закамье, оставив здесь Танкеевский, Большетиганский, XII Измерский и другие некрополи (Казаков, 1992, 1997). Археологические материалы позволяют локализовать место обитания ломоско-ломоватовского, неволинского, кушнареновского населения в этом регионе (Казаков, 2004, с.82–86). Пришлые этнические группы также принимали участие в строительстве первых городов Волжской Болгарии во второй четверти X в., о чем свидетельствуют материалы Малоиерусалимского селища, раскопанного П.Н.Старостиным на территории Болгарского городища.

Хотя раннеболгарский период изучен, в основном, по материалам археологических памятников, определенные сведения дают и письменные источники, среди которых лишь записки Ибн-Фадлана дошли до нас в наиболее полном виде (Ковалевский, 1956), остальные сообщения (Ибн Русте, Аль-Балхи и др.) известны в отрывках и неоднократных переписках. Домонгольский период исследователи делят на два этапа. На каждом из них контакты волжских болгар с финно-уграми имели свою специфику. Первый этап с 60-х гг. X до 80-х гг. XI в. характеризует собой расцвет Волжской Болгарии в качестве доминирующего субъекта в экономике, культуре, политике обширного региона от Приуралья до Верхнего Поволжья. В это время, из-за падения в 60-е годы X в. Хазарии под ударами печенегов и похода Святослава и ввиду слабости Северо-Восточной Руси, Болгария оставалась единственным сильным государственным образованием на указанном обширном пространстве.

Становлению ее в этом качестве способствовали и политические события в Восточной Европе. Так, видимо, в 60-е годы X в. из «Черной Болгарии», Азово-Прикубанского региона гибнущей Хазарии, в Среднее Поволжье переселяется новая волна болгар. Это было уже мусульманизированное население с глубокими ремесленными и земледельческими навыками. Они принесли с собой совершенно новые

элементы культуры, которые отсутствовали у ранних болгар, но с VIII в. были присущи болгаро-салтовскому населению Подонья (прогрессивные земледельческие орудия: серпы, косы, лемеха, новые орудия металлообработки, керамики и т.д.) (Казаков, 1992, с.302–304). С этого времени культура волжских болгар приобретает те черты, которые характеризуют домонгольский период. Было, видимо, две волны такой миграции. Вторая не дошла до Волги, а осела в Верхне-Сурском крае, землях мордвы, принеся сюда те же элементы культуры: круговую керамику постантичных традиций, земледелие, ремесло и т.д. Такие комплексы в Пензенском крае датируются, в основном, начиная с XI в. (Казаков, 1992, с.75–80).

Волжская Болгария стала своеобразным «ремесленным цехом» обширного Восточно-Европейского региона. Мастера конкурирующих ремесленных школ стали нуждаться в рынке для сбыта своих изделий. Устанавливаются более тесные отношения не только с финно-угорским миром, но и с Венгрией (Казаков, 1992а, с.186–188), результатом чего стало появление новых групп угров и финнов в стране болгар. Так, в конце X в. из районов петрогромской культуры Среднего Урала на Среднюю Волгу, спускаясь по Каме, появляется очередной массив уральских угров. Они принесли с собой новые элементы культуры, в том числе лепную с примесью раковины в тесте круглодонную посуду т.н. постпетрогромского типа с высокой цилиндрической шейкой и гребенчато-шнуровым орнаментом. Такая посуда (Казаков, 1996, с.448), а также ее гибридные, образованные под влиянием круговой керамики болгар варианты сохраняются весь домонгольский период. Они встречаются практически на всех болгарских поселениях, составляя от 1,5 до 7% всего керамического материала.

Во второй половине X в. в Волжской Болгарии отмечается и появление окских финнов. В Танкеевском могильнике среди языческих захоронений болгар выявлены погребения, которые по обряду и инвентарю (плоскодонные лепные горшки, бронзовые детали специфического женского костюма и др.) можно связывать с летописной мещерой. Особенно богатым набором вещей (более сотни экз., 25 типов) сопровождалось женское погребение 1101. Все они находят полные аналогии в могильниках мещеры Рязанского Поочья (Кравченко, 1974) и, таким образом, свидетельствуют, что уже в X в. представители мещеры проживали в Среднем Поволжье. Болгары дружески относились к их колонии и даже позволяли хоронить ее членов на своем кладбище.

Это население могло прийти на Волгу или сухопутным путем (500 км) через земли мордвы, что маловероятно, или по Оке и Волге, может быть, вместе с купцами болгар. Следует также отметить, что земли окских финнов, мещеры и муромы в числе первых подверглись славянской колонизации, и в XI в. там уже образовались Рязанское и Муромское княжества. Вследствие этого мещера, видимо, искала спасения от славянизации и христианизации, как это делали в XII в. племена верхневолжских финнов.

В последней четверти X – XI в. мощный экономический потенциал Волжской Болгарии представлен, прежде всего, материалом торгово-ремесленных центров и пристаней: Измерских, Семеновских, Старокуйбышевских и других селищ. Основная часть их располагалась в районе слияния Камы с Волгой. По Волге – главному торговому пути между Азией и Северо-Восточной Европой – шел широкий поток товаров, превышающий объем торговли по знаменитому пути «из варяг в греки».

Главным торгово-ремесленным центром страны болгар в это время являлось Измерское селище площадью 600 тыс. м², располагавшееся в низовьях р. Ахтай на южном углу, разделяющем поймы Камы и Волги. На этом памятнике выявлены многочисленные следы ремесленных производств, серебряные дирхемы, около 200 типов накладок, разнообразные сельскохозяйственные и бытовые изделия, предметы вооружения и т.д. (Казаков, 2000в, с.87–99). Большая часть ремесленных изделий болгар по рекам Волге, Оке, Каме, Вятке уходила в обмен на продукты охоты, лесных промыслов, рыболовства (меха, воск, мед и др.) в земли угров и финнов, где четко выделяются районы концентрации товаров болгар. На Верхней Каме это район позднеломоватовской культуры, на Чепце – чепецкой культуры, на Волге и Оке – памятники Марийского Поволжья и Мордовии. О том, насколько мощный поток товаров шел в эти районы, свидетельствуют, например, памятники Марийского Поволжья – ближайшего рынка сбыта, – переполненные изделиями из Волжской Болгарии (дирхемы, накладки, наконечники ремней, пряжки, браслеты и т.д.), имеющими полные аналогии в Измерском селище (Никитина, 2002, с.190–199). По образцам приуральских угров (они, как отмечалось, проживали и в стране болгар) мастера наладили и производство коньковых кресал, шумящих подвесок, поясных сумочек и т.д., которые также экспортировались в земли финнов.

Торговые контакты с финнами болгары поддерживали через систему факторий, расположенных в приустьевой части притоков Волги, Оки и Камы (например, Криушское поселение в устье р. Цивиль). К этому времени и сами финны, втягиваясь в торговые отношения, переселяются ближе к таким местам. Правда, их могильники располагаются не на Большой Волге, где всегда была опасность разбойного нападения, а в глубине террасы у глубоководной протоки. В частности, такое положение занимал типичный для финнов языческий Борисковский могильник на территории Казани (Казаков, 1999, с.67). В этом регионе можно предполагать и наличие торговой фактории болгар – предтечи Казани, к которой по судоходным притокам (Булак, Нижний и Средний Кабан) могли прибывать купеческие суда.

Широкие раскопки в Казанском кремле последних десятилетий позволили получить сведения и об этническом составе древней Казани. Так, массовый бытовой материал – керамика – свидетельствует, что здесь проживали болгары второй волны (с т.н. «салтовской» посудой, которая датируется последней третью X – первой половиной XI в.) (Хузин, 1999, с.27, рис. 5, 1, 2, 7).

Несомненно, в составе населения были и представители поволжских финнов, которые проживали здесь еще в предболгарский период. Подтверждением присутствия здесь угров является найденная при археологических раскопках в Кремле посуда постпетрогромской культуры (Хузин, 1999, с.27, рис. 5, 4, 6; Хузин, Ситдилов, 2005, с.140, 141, рис. 11, 4, 6; 12, 2–4, 7).

Торговым и другим связям болгар с финно-уграми в большой мере способствовало, как отмечалось, наличие Великого Волжского, Камского и Окского торговых путей. Наиболее интенсивно они функционировали в летний период, хотя существовал товарообмен и в зимнее время, о чем сообщают письменные источники (ал-Гарнати и др.).

Обычно торговля имела сезонный характер, когда купеческий караван делал оборот за 3–4 месяца. Товарооборот с отдаленными странами осуществлялся за год и более через постоянные фактории. О такой, иногда посреднической, торговле свидетельствует наличие большого числа изделий болгар даже на святилищах Приполярного Урала (Казаков, 1999, с.101–103).

Рассматриваемый этап (60-е годы X–XI вв., первая половина домонгольского периода) можно назвать измерским, так как основной материал для его характеристики дали памятники у с. Измери. Как указыва-

лось, это было (вследствие падения Хазарии и слабости Северо-Восточной Руси) время экономической, политической и этнокультурной гегемонии Болгарии на пространстве от Приуралья до Верхнего Поволжья. Вокруг страны болгар и на более отдаленных от нее территориях формируются группы болгаризированного местного населения. В частности, предположительно к этому времени можно отнести начало формирования бесермян, «чуваши арской», видимо, чуваш-суаслы мари или чувашских мариийцев, и др. Формирование данных групп получило новый импульс в золотоордынский период, когда из разоряемых центральных районов булгары вынуждены были уходить на сопредельные земли финнов. Например, имеются сведения, что, спасаясь от нашествия в 1236 г., часть болгар осела в районе Арзамаса, оставив здесь поселения, существовавшие до середины XVI в. (Орлов, 1992, с.11).

Судя по некоторым данным, на окраинах Волжской Болгарии в XI в. могли быть образованы административные единицы, которыми руководили болгарские наместники, собирающие с местного населения харадж. Одна из них могла находиться на северо-востоке страны в Восточном (Удмуртском) Прикамье с центром в Елабужском городище. На этом памятнике, а также на святилище Чумайтло (Голдина, 1987, с.84–106) и других памятниках вместе встречается круговая посуда булгар, лепная постпетрогромская керамика угров со шнуровой орнаментацией и лепная круглодонная слабо профилированная и слабо орнаментированная посуда пермских финнов. Преобладало здесь, видимо, угорское население фратрии пор, о чем свидетельствуют письменные источники и топонимика.

Во второй половине домонгольского периода в связи с изменением политической ситуации в регионе меняется и положение Болгарии в нем. Началось это в 1088 г., когда на Волге и Оке были ограблены и убиты болгарские купцы. Обращение послов болгар к князю Олегу не имело успеха, т.к. усилившаяся Русь сама стремилась установить свою власть над сопредельными землями финнов и Волжским путем. С этого времени началась «торговая война» с Русью. Первоначально булгары имели успех. В том же 1088 г. они взяли Муром (видимо, центр торговых конкурентов), сожгли окрестные села. В дальнейшем осаждали и другие города. Однако в конечном итоге преимущество оказалось на стороне Руси. Русские дружины, используя пути купеческих караванов по Волге неоднократно вторгались в страну болгар, а в 1184 г. в глубине территории Западного Закамья осадили и стольный город Биляр.

Вследствие этого болгары потеряли значительную часть торгового пути на Верхнюю Волгу. Усиление власти Руси, славянизация и христианизация вынудила бежать из Верхнего Поволжья язычников финнов на восток. Часть их находит убежище у отличающегося веротерпимостью населения Болгарии (см. раздел 3 главы II). Следствием усиления Руси стали и эпохальные миграционные процессы на северо-востоке Европы, о чем свидетельствует археологический материал памятников XI–XII вв., в том числе широко раскопанных могильников Кишильковского, Кузьминского и др. (см. раздел 5 главы III), и что, кстати, подтверждает правоту А.Ф.Теплоухова, писавшего «о происшедшей... смене угров пермяками на Верхней Каме, коми на Верхней Вычегде и удмуртами на Чепце» (Теплоухов, 1968, с.270–274). Сравнительно редкое угорское население смешанно-лесной и таежной зон, основой хозяйства которого была охота, оттеснялось к Уралу и за Урал под давлением пермских финнов, испытывающих в свою очередь натиск Руси. В это время на Вычегде появляются памятники перми вычегодской, на Верхней Каме – родановской, на Чепце – чепецкой культур, явно оставленные пермскими финнами.

Стремясь уменьшить последствия потери значительной части рынка на Волге, болгарские купцы активизировали свою деятельность с пермскими финнами на Каме. На Верхней Каме и в бассейне Чепцы во второй половине домонгольского периода существуют целые поселения болгар со своим ремесленным производством, мусульманскими могильниками. Широкое распространение получила круговая посуда болгар (Белавин, 2000, с.45–58). В некоторых комплексах самого крупного в Северной Удмуртии городища чепецкой культуры Иднакар обломки характерной круговой посуды болгар составляют 23–33% всего керамического материала (Иванова, 1998, с.208-209).

В золотоордынский период болгары продолжали активные контакты со своими восточными угорскими соседями – носителями чияликской культуры. В ее памятниках часто встречаются ювелирные изделия болгар со сканью и зернью. Такому взаимодействию способствовало и то, что чияликское население в это время тюркизировалось и принимало мусульманство.

К XIV в. относится активизация этнокультурных контактов с мордвой (Белорыбкин, 2003, с.37, 166). На территории Волжской Болгарии, в том числе и в центральной части ее – Спасском районе Татарстана, зафиксированы поселения и могильники с характерными мор-

довскими предметами: керамикой, сьюльгами и пластинчатыми браслетами со специфической орнаментацией и т.д.

Но наиболее тесное взаимодействие в это время осуществлялось с пермскими финнами Прикамья. Из-за жестоких разорений центральных районов новые группы болгар переселяются в Предкамье. Взаимодействие болгар и пермских финнов создало своеобразную этническую среду, в которой тесно переплетались языческие и монотеистические элементы. До завершения тюркизации и мусульманизации в начальный период существования Казанского ханства значительная часть его населения называлась «чуваша», что, видимо, свидетельствует о дальнейшей болгаризации финно-угров Поволжья и Приуралья.

Таким образом, в формировании этноса и культуры волжских болгар самое непосредственное участие принимали финно-угры, земли которых полукольцом окружали страну болгар с севера. Уровень взаимодействия и характер его, как отмечалось, зависели от социально-экономического развития самого болгарского общества и складывающейся военно-политической ситуации на северо-востоке Европы.

Уже в раннеболгарский период в связи с опасностью военных нападений, вызванных мадьяро-печенежской конфронтацией, в страну болгар из районов полумской, ломоватовской, неволинской, кушнаренковской культур Волго-Уралья мигрируют угорские племена. Они осели, в основном, в Западном Закамье, где во второй трети IX в. появились Большетиганский, XII Измерский, Танкеевский некрополи с ярко выраженными чертами языческой культуры угров, в числе которых лепная круглодонная керамика с веревочно-гребенчатым орнаментом, погребальные маски, культовые поделки, комплексы костей животных и т.д.

Первоначально угорское население в указанном регионе преобладало. Однако очень скоро оно подвергается болгаризации. В Танкеевском могильнике, где исследовано 1200 захоронений, это подтверждается многочисленным материалом. Из 580 глиняных сосудов этого некрополя 44% являются угорскими круглодонными сосудами, 36% относятся к круговой салтовской посуде болгар, 9% представлены лепными плоскодонными горшками болгар и 10% – лепными одноручными кувшинами. Последние, судя по составу теста, веревочно-гребенчатому орнаменту и круглодонности, изготавливались осевшими здесь уграми и были подражанием круговых одноручных кувшинов болгар. О начале формирования нового этноса из указанных двух групп населения свидетельствуют и находки в погребени-

ях начала X в. угорских масок, шумящих подвесок вместе с болгаро-салтовской круговой посудой, серьгами с напускными бусами и т.д. (Казаков, 1992). Они достаточно полно характеризуют динамично меняющуюся самобытную культуру языческого в своей основе, полукочевого населения на Средней Волге. Несомненно, образуемое им объединение можно характеризовать как тюрко-угорскую общность (Казаков, 1997, с.36).

В последней трети X – начале XI в. при участии новых болгарских переселенцев с юго-востока Европы в Среднем Поволжье, видимо, завершаются процессы становления волжских болгар в качестве новой народности. К этому времени относится формирование всех основных элементов мусульманизированной культуры волжских болгар домонгольского периода.

В это время продолжались традиционные связи волжских болгар с угорским населением Прикамья и Урала, чему способствовало продвижение на Волгу в конце X в. из районов петрогромской культуры Среднего Урала новых групп угорских мигрантов. Об их многочисленности свидетельствуют находки лепной круглодонной (т.н. постпетрогромской) керамики с веревочно-гребенчатым орнаментом. Она встречена практически на всех поселениях и городищах болгар, составляя от 1,5 до 3% всего керамического материала. Участие постпетрогромского населения в этногенезе волжских болгар подтверждают также группы гибридной керамики с чертами как лепной круглодонной, так и круговой посуды. На памятниках болгар она составляет от 3 до 12% глиняной посуды (Казаков, 2004а, с.120–128).

Об участии угров в этногенезе волжских болгар свидетельствуют и письменные источники. Перед монгольским нашествием в поисках Magna Hungaria, т.е. Великой Венгрии, венгерский монах Юлиан в качестве слуги одного из мусульманских купцов попал в большой болгарский город, скорее всего, в столицу страны Биляр. Здесь он встретил, как уже отмечалось, «венгерскую женщину», выданную замуж за жителя города из страны, которую искал монах. По ее сообщению, Юлиан через «две дневки» «близ большой реки Этиль» нашел своих языческих соплеменников. Местом встречи, видимо, были низовья р. Зай близ Нижнекамска на берегах Камы (река Этиль того времени – это Белая, Кама, Волга). Юлиан оставил важнейшие сведения об этих ближайших угорских соседях болгар, которые полностью подтверждаются материалом памятников постпетрогромс-

кой культуры, оставленных скотоводческим угорским населением, занимавшим широкую территорию Прикамья и Приуралья к востоку от Волжской Болгарии.

В этногенезе болгар участвовали также, хотя и в меньшей мере, чем угры, поволжские и пермские финны. В стране они получали доброжелательный прием, что было вызвано острой нуждой болгар в торговле с ними. Уже в раннеболгарский период, судя по погр. 1101, 1042 и др. Танкеевского могильника, в стране болгар находили представители летописного племени мещеры, т.е. окские финны (Казаков, 1994). В домонгольский период в Волжскую Болгарию попадают представители поволжских финнов, в том числе с Верхней Волги, миграция которых была во многом обусловлена активной христианизацией и славянизацией местного языческого населения в XI в. Археологическими свидетельствами этого являются многочисленные находки на болгарских памятниках бронзовых культовых подвесок финнов XI–XII вв. в виде «петушков», «уточек», шумящих подвесок женского костюма и т.д. (Казаков, 1985, с.32). Видимо, подобная ситуация была описана в более позднем источнике: «Наполни такими людьми ту еже ина черемиса, зовемая отяки, то е же глаголют ростовская чернь, забежавши та от крещения русского в болгарских жилищах...» (Сказание о царстве Казанском, 1959, с.27).

В золотоордынский период из-за ухода части болгар на сопредельные земли, где в результате смешения их с местным финно-угорским населением усиливаются процессы создания групп окраинных болгар (Казаков, 1997, с.33–53), из которых начали формироваться такие этнокультурные группы, как бесермяне, «чуваша арская» и другие, позднее ставшие важным существенным компонентом в этногенезе казанских татар.

Таким образом, угры и финны непосредственно участвовали в формировании этноса и культуры волжских болгар как нового народа в Среднем Поволжье. На протяжении более пяти столетий, с IX по XIV в., болгары находились в тесных контактах с финно-уграми. Археологические и письменные источники позволяют говорить не только о торговых, политических связях, но и о прямом массовом проживании финно-угров в стране болгар, наличии брачных отношений с болгарями. Многочисленные гибридные элементы культуры (например, уже в раннеболгарский период 10% керамики изготавливалось финно-уграми в подражание посуде болгар, в домонголь-

ский период она составляла от 3 до 12%) свидетельствуют о прямом вхождении финно-угорского компонента в болгарскую народность. Не менее сильным было влияние болгар на их языческих соседей. В золотоордынский период многие из этих соседей принимают ислам и подвергаются тюркизации, что фактически приводило их к слиянию в один народ. Это подтверждается многочисленными археологическими материалами чияликской культуры, занимавшей в XIII–XIV вв. широкую территорию Приуралья к востоку от волжских болгар, и письменными источниками (Казаков, 2003а, с.79–87). Плано Карпини и Рубрук называют эту область «Великой Венгрией», указывая, что здесь, в стране Паскарт, живут паскатиры – пастухи, не имеющие никакого города (Путешествие в восточные страны..., 1957). Местное чияликское население, родственное постпетрогромским уграм домонгольского периода, продолжало тесное взаимодействие с волжскими болгарам, многие из которых, уходя из разоряемых центральных районов страны, селились среди чияликцев (Казаков, 1978). Существенные элементы взаимодействия болгар, угров и поволжских и пермских финнов сохранились в культуре современных тюркоязычных и финно-угорских народов Северо-Восточной Европы. И сама Волжская Болгария до конца своего существования (начало XV в.) выступает как часть не только тюркского, но и финно-угорского мира, о чем свидетельствуют как археологические, так и письменные источники.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны // Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.

Плано Карпини. История монголов // Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.

Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.

ПРСЛ. Полное собрание русских летописей. Т. X. М., 1962.

Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. 1. Книга вторая. М.; Л., 1952.

Литература

Алихова А.Е. Муранский могильник и селище // МИА. 1954. № 42.. С. 259–301.

Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. М.; Л., 1940. Т. III.

Архипов Г.А. Марийцы IX–XI вв. Йошкар-Ола, 1973.

Архипов Г.А. Дубовский могильник // Новые памятники археологии Волго-Камья. Йошкар-Ола, 1984. С. 113–159.

Атаманов М.Г. Об угорских названиях в удмуртской топонимике // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. Ижевск, 1987. С. 133–141.

Атаманов М.Г. Удмуртская ономастика. Ижевск, 1988.

Атаманов М.Г. История Удмуртии в географических названиях. Ижевск, 1997.

Атаманов Г. По следам удмуртских воршудов. Ижевск, 2001.

Ашихмина Л.И. Городище Каменный Лог ананьинской культуры Среднего Прикамья // Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. Ижевск, 1977. С. 139–166.

Ашихмина Л.И. Погребальный обряд курганного могильника Борганьёль. Сыктывкар, 1988.

Ашмарин Н.И. Болгары и чуваша. Казань, 1902.

Балинт Ч. Погребения с конем у венгров в IX–X вв. // ПАДИУ. М., 1972. С. 176–184.

Беговатов Е.А., Казаков Е.П. Птицевидные подвески мери и веси

из Татарии // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Иваново, 1990. С. 12–14.

Белавин А.М. Внешние и внутренние этнокультурные и экономические контакты населения Предуралья (По керамическому комплексу) // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья. Ижевск; Глазов, 1999. С. 65–72.

Белавин А.М. Камский торговый путь. Пермь, 2000.

Белорыбкин Г.Н. Путь из Болгара в Киев в районе Верхней Суры // Волжская Болгария и Русь. Казань, 1986. С. 89–97.

Белорыбкин Г.Н. Золотаревское поселение. СПб., 2001.

Белорыбкин Г.Н. Западное Поволжье в средние века. Пенза, 2003.

Бейлекчи В.В. Древности летописной муромы. Муром, 2005.

Берс Е.М. Отчет по раскопкам Среднеуральской археологической экспедиции за 1957 год // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 1529.

Бокий Н.М., Плетнева С.А. Захоронения семьи воина-кочевника X в. в бассейне Ингула // СА. 1988. № 2. С. 99–115.

Викторова В.Д. Ликийский могильник X–XIII вв. // ВАУ. 1973. Вып. 12. С. 133–168.

Винничек В.А., Софронов П.И. Васильевское селище // Записки краеведов. Пенза, 2004. С. 39–87.

Вискалин В., Уланов Г. Находка женских украшений угров IX века в Ульяновском Предволжье // FU. 2005. № 1 (7–8). С. 43–47.

Водолаго Н.В., Коробейникова Т.А., Пастушенко И.Ю. Исследования средневековых могильников в Прикамье // АОУП. Сыктывкар, 1989. С. 47–50.

Выступления в прениях по этногенезу башкир // АЭБ. 1971. Т. IV. С. 332–346.

Гарипов Т.М., Кузеев Р.Г. Башкиро-мадьярская проблема // АЭБ. 1962. Т. I. С. 331–343.

Гарустович Г.Н. Ареал расселения угорских племен Приуралья в XIII–XIV вв. // Востоковедение в Башкортостане: История, культура. II. Уфа, 1992.

Гарустович Г.Н. Население Волго-Уральской лесостепи в первой половине II тысячелетия нашей эры: Автореф. дисс... канд. ист. наук. Уфа, 1998.

Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси. Новосибирск, 1986.

Генинг В.Ф. Мыдлань-Шай-удмуртский могильник VIII–IX вв. //

ВАУ. 1962. Вып. 3. .

Генинг В.Ф. Деменковский могильник – памятник ломоватовской культуры // ВАУ. 1964. Вып. 6. С. 94–162.

Генинг В.Ф. К вопросу об этническом составе населения Башкирии в I тысячелетии нашей эры // АЭБ. 1964а. Т. II. С. 111-129.

Генинг В.Ф. Этногенез удмуртов по данным археологии // ВФУЯ. 1967. Вып. 4.

Генинг В.Ф. Памятники у с. Кушнаренково на р. Белой (VI-VII вв. н.э.) // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, 1977. С. 90-135.

Генинг В.Ф. Некоторые вопросы периодизации этнической истории болгар // РБВЕ. Казань, 1989. С. 3-14.

Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964.

Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985.

Голдина Р.Д. Жертвенное место Чумойтло в Южной Удмуртии // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. Ижевск, 1987. С. 84–106.

Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999.

Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск, 1990.

Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск, 1989.

Голубева Л.А. Огнива с бронзовыми рукоятками // СА. 1964. № 3.

Голубева Л.А. Коньковые подвески Верхнего Прикамья // СА. 1966. № 3.

Голубева Л.А., Кочкуркина С.И. Белоозерская весь. Петрозаводск, 1991.

Голубовский П.В. Болгары и хазары, восточные соседи Руси при Владимире Святном // Киевская старина. 1888. Т. XXII (июль).

Готье Ю.В. Железный век в Восточной Европе. М.; Л., 1930.

Диенеш И. Об одном элементе погребального обряда угорской эпохи у венгров – завоевателей Родины. Резюме // АЕ, 1969. № 90. С. 112.

Диенеш И. Пояса эпохи завоевания родины и его мордовские аналогии. Резюме // АЕ. 1964. № 91. С. 40.

Жиганов М.Ф. Из истории ремесла, домашнего производства и торговых связей мордвы в XIII–XVI вв. // Из древней и средневеко-

вой истории мордовского народа: Археологический сборник. Т. II. Саранск, 1959. С. 138–163.

Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро. М., 2004.

Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. М., 1967.

Зимони И. Венгры в Волжско-Камском бассейне? // FU. 2000. №1. С. 5–41.

Иванов А.Г. Качкашурский могильник IX–XIII вв. в бассейне р. Чепцы // Материалы по погребальному обряду удмуртов. Ижевск, 1991. С. 140–180.

Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения р. Чепцы в эпоху средневековья (конец V – первая половина XIII в.). Ижевск, 1998.

Иванов В.А. О характере этнокультурного взаимодействия ранних волжских болгар с уграми Южного Урала и Приуралья // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань, 1990. С. 108–117.

Иванов В.А. Древние угро-мадьяры в Восточной Европе. Уфа, 1999.

Иванов В.А., Обыденнова Г.Т. Современные концепции древней и средневековой истории Прикамья (Вместо рецензии на монографию Р.Д.Голдиной «Древняя и средневековая история удмуртского народа») // Исследовательские традиции в археологии Прикамья. Ижевск, 2002. С. 158–167.

Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX вв.). М., 1963.

Иванова М.Г. Погребальные памятники северных удмуртов XI–XIII вв. Ижевск, 1992.

Иванова М.Г. Иднакар – древнеудмуртское городище IX–XIII вв. Ижевск, 1998.

Иванова М.Г. Удмурты // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск, 1999. С. 207–254.

Ивлиев А.Л. Погребения киданей // Центральная Азия и соседние территории в средние века. История и культура востока Азии. Новосибирск, 1990. С. 42–63.

Ильясов Б.С. К истории изучения башкиро-мадьярской проблемы в XVIII – начале XX вв. // Народы Урало-Поволжья: История, культура, этничность. Уфа, 2003. С. 125–134.

Кавеев М.М. Исследования Елабужского городища // Археологи-

ческие памятники Нижнего Прикамья. Казань, 1984. С. 18-27.

Казаков Е.П. К вопросу об этническом составе и локализации населения раннебулгарского государства // Тезисы конференции КИЯЛИ. Казань, 1967. С. 75-78.

Казаков Е.П. О назначении погребальных лицевых покрытий Танкеевского могильника (об одном элементе погребального обряда) // УЗПГУ. Пермь, 1968. № 191. С. 230-239.

Казаков Е.П. О характере связей поволжских финно-угров с населением ранней Волжской Болгарии // Вопросы финно-угроведения. Йошкар-Ола, 1970. Вып. V. С. 253-260.

Казаков Е.П. О башкиро-приуральском компоненте в материальной культуре ранней Волжской Болгарии // АЭБ. 1971. Т. IV. С. 122-128.

Казаков Е.П. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркских народов Среднего Поволжья. Казань, 1971а. С. 94-155.

Казаков Е.П. О некоторых венгерских аналогиях в вещевом материале Танкеевского могильника // ПАДИУ. М., 1972. С. 161-175.

Казаков Е.П. Танкеевский могильник (к вопросу об этнокультурных компонентах ранней Волжской Болгарии). Автореф. дис... канд. ист. наук. Казань. 24 с.

Казаков Е.П. Памятники кушнаренковского типа на территории Татарии // Тезисы научн. сессии ИЯЛИ КФАН СССР за 1972 год. Казань, 1973. С. 130-131.

Казаков Е.П. Два погребения Чишминского могильника // СА. 1975. № 4. С. 259-264.

Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М., 1978.

Казаков Е.П. Кушнаренковские памятники Нижнего Прикамья // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. Казань, 1981. С. 115-135.

Казаков Е.П. О кушнаренковских памятниках на территории Татарии // ВАУ. 1981а. Вып. 15. С. 136-140.

Казаков Е.П. О культе коня в средневековых памятниках Евразии // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск, 1984. С. 99-110.

Казаков Е.П. V Старокуйбышевское селище // Археологические памятники Нижнего Прикамья. Казань, 1984а.

Казаков Е.П. О характере связей волжских болгар с финнами и уграми в X-XII вв. // Древние этнические процессы Волго-Камья.

Йошкар-Ола, 1985. С. 24–37.

Казаков Е.П. Исследования Раннеболгарской экспедиции // АО-1983. М., 1985а. С. 150–151.

Казаков Е.П. О хронологической типологии и этнокультурных контактах кушнаренковских памятников Татарии // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. Томск, 1987. С. 8–30.

Казаков Е.П. О происхождении и этнокультурной принадлежности средневековых прикамских памятников с гребенчато-шнуровой керамикой // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа, 1987а. С. 67–75.

Казаков Е.П. О некоторых элементах языческой культуры угров Урало-Поволжья // Проблемы древних угров на Южном Урале. Уфа, 1988. С. 79–87.

Казаков Е.П. О взаимодействии болгаро-салтовского и приуральского населения (по материалам керамики Волжской Болгарии) // РБВЕ. Казань, 1989.

Казаков Е.П. О поломской керамике Волго-Камья // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1989а. С. 34–42.

Казаков Е.П. О связях волжских болгар по археологическим данным // Из истории области. Очерки краеведов. Пенза, 1990. С. 61–76.

Казаков Е.П. О домонгольских торгово-ремесленных поселениях волжских булгар в Закамье // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Нижний Новгород, 1991. С. 342–352.

Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии (Этапы этнокультурной истории). М., 1992.

Казаков Е.П. Об этапах этнокультурного взаимодействия волжских болгар и мадьяр // Теория и методика исследований археологических памятников: Тезисы. Липецк, 1992а. С. 186–188.

Казаков Е.П. Этапы взаимодействия волжских болгар с финнами Поволжья // Средневековые древности Волго-Камья. Йошкар-Ола, 1992б. С. 42–50.

Казаков Е.П. Этапы взаимодействия волжских болгар с населением салтово-маяцкой культуры // Вопросы этнической истории Волго-Донья. Пенза, 1992в. С. 75–80.

Казаков Е.П. Комплексы культур Большого Урала VI–XIV вв. в Волго-Камье // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург, 1993. С. 75–76.

Казаков Е.П. К проблеме происхождения керамических комплексов финнов и угров Урало-Прикамья // История и культура Волго-Вятского края (к 90-летию Вятской ученой архивной комиссии). Киров, 1994. С. 60–62.

Казаков Е.П. О взаимодействии волжских болгар с окскими финнами // Историко-культурное наследие. Памятники археологии Центральной России: охранное изучение и музеефикация. Рязань, 1994а.

Казаков Е.П. Об этнокультурных истоках круглодонной керамики средневековых памятников Волго-Камья // Проблемы средневековой археологии волжских финнов. Йошкар-Ола, 1994б. С. 86–95.

Казаков Е.П. О средневековых памятниках угров Прикамья // *Historia Fenno-Ugrica*, I:1. Oulu, 1996. S. 447–449.

Казаков Е.П. О средневековых угорских памятниках Урало-Поволжья по археологическим и письменным источникам // XIII Уральское археологическое совещание. Ч. II. Уфа, 1996а.

Казаков Е.П. Волжская Булгария и финно-угорский мир // *FU*. №1. 1997. С. 33–53.

Казаков Е.П. Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (Вопросы хронологии). Самара, 1998. С. 97–150.

Казаков Е.П. Об освоении болгарами Казанско-Марийского Поволжья в X–XI вв. // Археологическое изучение болгарских городов. Казань, 1999. С. 63–71.

Казаков Е.П. Волжская Булгария и Северо-Восток Европы в IX–XI веках // Европейский Север в культурно-историческом процессе. Киров, 1999б. С. 101–103.

Казаков Е.П. О ранней дате Елабужского (Чертова) городища болгарской эпохи // Древняя Алабуга. Елабуга, 2000. С. 56–75.

Казаков Е.П. К вопросу о взаимодействии волжских болгар с мордвой // Поволжские финны и их соседи в эпоху средневековья (проблемы хронологии и этнической истории). Саранск, 2000а. С. 15–17.

Казаков Е.П. Волжская Булгария и финно-угорский мир северо-востока Европы в IX–XI вв.: Проблемы экономического и этнокультурного взаимодействия // Коренные этносы Севера европейской части России на пороге нового тысячелетия: История, современность, перспективы. Сыктывкар, 2000б. С. 176–177.

Казаков Е.П. Измери – главный торговый пункт Волжской Болга-

рии (конец X–XI вв.) // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. СПб, 2000в. С. 87–99.

Казаков Е.П. О художественном металле угров Урало-Поволжья в средневековых комплексах Восточной Европы // *Archivum Eurasial Medii Aevi*. 11. (2000–2001). S. 7–24.

Казаков Е.П. О локализации мадьяр в IX в. // Вопросы древней истории Волго-Камья. Казань, 2002. С. 53–59.

Казаков Е.П. Финно-угорская археология Урало-Поволжья 1995–2000 гг. (публикации по раннему железному веку и средневековью) / *FU*. 2002а. № 1 (5–6). С. 114–122.

Казаков Е.П. Проблемы взаимодействия волжских болгар с волго-окскими финнами в IX–XIII вв. // Уваровские чтения – V. Материалы науч. конф., посвященной 1140-летию г. Муром. Муром, 2003. С. 8–42.

Казаков Е.П. Чияликская культура: Территория, время, истоки // Угры: Материалы VI Сибирского симпозиума. Тобольск, 2003а. С. 79–87.

Казаков Е.П. К проблеме датировки столичных центров домонгольской Булгарии по археологическим материалам // Проблемы охраны и реставрации памятников в современных условиях. Казань, 2003б. С. 93–94.

Казаков Е.П. Охранно-спасательные работы Раннеболгарской экспедиции // Археологические открытия в Татарстане: 2002 год. Казань, 2004. С. 83–87.

Казаков Е.П. Постпетрогромская культура: Истоки, время, территория // Четвертые Берсовские чтения. Екатеринбург, 2004а. С. 120–128.

Казаков Е.П., Ледяйкин В.И., Старостин П.Н., Халиков А.Х. Разведка в Ульяновской и Пензенской областях // АО-1976. М., 1977. С. 154.

Казаков Е.П., Халикова Е.А. Раннеболгарские погребения Тетюшского могильника // Из истории ранних болгар Поволжья. Казань, 1981. С. 21–35.

Каховский В.Ф., Смирнов А.П. О связях болгарских и суварских племен с местным населением Среднего Поволжья // Городище Хулаш и памятники средневековья чувашского Поволжья. Чебоксары, 1972. С. 74–114.

Ковалевский А.П. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.; Л., 1939.

Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии

на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956.

Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Итоги археологических работ 1945–1952 гг. Казань, 1954.

Кокорина Н.А., Останина Т.И. Исследования Чаллынского городка (раскопки 1983, 1989 гг.) // Древние Чаллы. Казань, 2000. С. 76–174.

Кравченко Т.А. Шатрищенский могильник (по раскопкам 1966–1969 гг.) // Археология Рязанской земли. М., 1974.

Крыласова Н.Б., Бочаров И.В., Бочарова Е.О. Некрополь Рождественского археологического комплекса // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург, 1997. Вып. 1. С. 122.

Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М., 1974.

Кутаков Ю.М., Старков А.В. Пылаевский грунтовой могильник (предварительная публикация // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 1. Свердловск, 1997. С. 130–147.

Лызлов А.И. Скифская история. СПб., 1787.

Лубо-Лесниченко Е.И. Могильник Астана // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. М., 1984. С. 108–119.

Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. М., 1968.

Мажитов Н.А. Южный Урал в VII–XIV вв. М., 1977.

Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М., 1981.

Макаров Н.А. Камско-вычегодская керамика на Шексне // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск, 1982. С. 125–131.

Макаров Н.А. Чашевидные сосуды средневековых памятников Волжско-Шекснинского района // КСИА. 1983. Вып. 175. С. 18–25.

Макаров Н.А., Захаров С.Д. Археологическое изучение северорусской деревни: первые итоги раскопок поселения Минино на Кубенском озере // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. СПб., 2000. С. 145–161.

Мальм В.А. Культовая и бытовая посуда из Ярославских могильников // Ярославское Поволжье X–XI вв. М., 1963. С. 43–50.

Мальм В.А. Поясные и сбруйные украшения // Ярославское Поволжье X–XI вв. М., 1963а. С. 64–70.

Матвеева Г.И. Погребения VIII–IX вв. в окрестностях г. Куйбышева // Очерки истории и культуры Поволжья. Куйбышев, 1976. С. 33–39.

Матвеева Г.И. Погребения VIII–IX веков у разъезда Немчанка //

Древности Волго-Камья. Казань, 1977. С. 52–56.

Материальная культура среднецнинской мордвы VIII–XI вв. (По материалам раскопок П.П.Иванова за 1927–28 годы). Саранск, 1969.

Мерперт Н.Я. Материалы по археологии Среднего Заволжья // МИА. 1954. № 42. С. 39–156.

Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири / / Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1987. С. 163–235.

Морозов В.М. История изучения петрогромской культуры // Четвертые Берсовские чтения. Екатеринбург, 2004. С. 110–114.

Мурашева В.В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М., 2000.

Назаренко В.А., Овсянников О.В., Рябинин Е.А. Средневековые памятники чуди Заволоцкой // СА. 1984. № 4. С. 197–216.

Недошивина Н.Г. Торговый инвентарь // Ярославское Поволжье X–XI вв. М., 1963. С. 71–74.

Немет Ю.Ф. Венгерские племенные названия у башкир // АЭБ. 1971. Т. IV. С. 249–262.

Нигамаев А.З. Болгарские города Предкамья: Алабуга, Кирмень, Чаллы. Казань, 2005.

Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья. Йошкар-Ола, 2002.

Оборин В.А., Балашенко Л.А. Итоги изучения памятников позднего железного века и русской колонизации Верхнего Прикамья // УЗ-ПГУ. Пермь, 1968. № 191. С. 28–48.

Орлов А.М. Мещера, мещеряки, мишари. Казань, 1992.

Пастушенко И. Еще раз о локализации вису // FU. 2001–2002. № (5–6). С. 56–64.

Пастушенко И.Ю. К вопросу о времени существования петрогромской культуры (по материалам памятников Приуралья) // Четвертые Берсовские чтения. Екатеринбург, 2004. С. 115–119.

Полесских М.Р. О культуре и некоторых ремеслах обугаризированных буртас // Из истории ранних болгар. Казань, 1981. С. 56–68.

Равдина Т.В. Погребения X–XI вв. с монетами на территории древней Руси: Каталог. М., 1988.

Розенфельд Т.Р. Муромский могильник в с. Молотицы // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С. 180–184.

Руденко К.А. К вопросу об удмуртских элементах в материальной культуре Волжской Булгарии XI–XIV вв. (На примере Лаишевского селища) // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья. Ижевск; Глазов, 1999. С. 73–102.

Руденко К.А. Материальная культура болгарских селищ низовий Камы XI–XIV вв. Казань, 2001.

Рыбаков Б.А. Путь из Болгара в Киев // Древности Восточной Европы. М., 1969.

Савельева Э.А. Пермь вычегодская. М., 1971.

Савельева Э.А. Хронология погребальных комплексов Веслянского I могильника // КСИА. 1979. № 158. С. 91–96.

Савельева Э.А. Вымские могильники XI–XIV вв. Л., 1987.

Семенов В.А. Новые памятники VI–XVIII веков в среднем течении р. Чепцы. Ижевск, 1976. С. 115–140.

Семенов В.А. Варнинский могильник // Новый памятник полемской культуры. Ижевск, 1980. С. 5–135.

Семенов В.А. К вопросу об этническом составе населения бассейна р. Чепцы по данным археологии // Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1982. С. 43–62.

Семенов В.А. Омутницкий могильник // Материалы средневековых памятников Удмуртии. Устинов, 1985. С. 92–118.

Семыкин Ю.А. К вопросу о поселениях ранних болгар в Среднем Поволжье // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996. С. 66–82.

Семыкин Ю.А., Казаков Е.П. Исследование новых памятников раннеболгарского времени в Ульяновском Поволжье // Из археологии Поволжья и Приуралья. Казань, 2003. С. 114–138.

Сказание о царстве Казанском. М., 1959.

Смирнов А.П. Волжские болгары. М., 1951.

Смирнов А.П., Мерперт Н.Я. Вопросы этногенеза народов Поволжья // Вестник АН СССР. 1955. № 10. С. 48–53.

Смолин В.Ф. К вопросу о происхождении народности камско-волжских болгар: разбор главнейших теорий. Казань, 1921.

Спиридонов А.М. Керамический материал из оятских курганов (По материалам раскопок А.М. Линевского) // Курганы летописной веси. Петрозаводск, 1985. С. 196–204.

Спицын А.А. Венгерские вещи X в. в России // ИАК. 1914. № 53. С. 107–110.

- Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры // САИ. 1967. Вып. Д. I-32.
- Степанов П.Д. Андреевский курган. Саранск, 1980.
- Супруненко А., Кулатова И., Приймак В. Венгерское погребение с юга Полтавщины // FU. 1999. № 1 (3). С. 24–27.
- Теплоухов А.Ф. О происшедшей некогда смене угров пермяками на Верхней Каме, коми на Верхней Вычегде и удмуртами на Чепце // УЗПГУ. Пермь, 1968. № 198. С. 270–274.
- Тепляшина Т.И. К вопросу об этнониме пор // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967. С. 261–264.
- Третьяков П.Н. Памятники древнейшей истории Чувашского Поволжья. Чебоксары, 1948.
- Трефц М.И. Поселение эпохи бронзы Буй I на Вятке // СА. 1985. № 4. С. 124–143.
- Успенская А.В. Березовецкий курганный могильник X–XII вв. // Средневековые древности Восточной Европы. М., 1993. С. 79–135.
- Федорова Н.В. Западная Сибирь и страны средневекового Востока по археологическим данным (X–XIII): Автореф. дисс... канд. ист. наук. Л., 1996.
- Федоров-Давыдов Г.А. Монеты из Дубовского могильника // Новые памятники археологии Волго-Камья. Йошкар-Ола, 1984. С. 160–172.
- Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1987.
- Халиков А.Х. Новые исследования Большеитиганского могильника (О судьбе венгров, оставшихся на древней родине) // Проблемы археологии степей Евразии. Кемерово, 1984. С. 122–133.
- Халиков А.Х. Основные этапы истории и археологии ранних болгар в Среднем Поволжье и Приуралье // РБВЕ. Казань, 1989. С. 15–24.
- Халикова Е.А. К вопросу об этнической принадлежности ломоватовских и раннеродановских памятников Верхнего Прикамья // Вопросы финно-угроведения. Йошкар-Ола, 1970. Вып. V. С. 206–301.
- Халикова Е.А. Погребальный обряд Танкеевского могильника и его венгерские параллели // ПАДИУ. М., 1972. С. 145–160.
- Халикова Е.А. Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья // СА. 1976. № 3. С. 141–156.
- Хвольсон Д.А. Известия о хазарах, бургасах, болгарях, мадьярах и руссах Ибн-Даста, арабского писателя начала X в. // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1868. Ч. 140.

Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М., 1984.

Хузин Ф.Ш. Древняя Казань в X – начале XIII в. (По материалам археологических исследований 1994–1998 гг.) // Археологическое изучение булгарских городов. Казань, 1999. С. 5–31.

Хузин Ф.Ш. Булгарский город в X – начале XIII в. Казань, 2000.

Хузин Ф.Ш., Ситдилов А.Г. Древняя Казань. Казань, 2005.

Чаиркин С.Е. Культовые комплексы восточного склона Северного Урала // Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов. Йошкар-Ола, 2004. С. 443–444.

Чернецов В.Н. Представления о душе обских угров // Труды института этнографии (новая серия). 1954. Т. 51. С. 117–119.

Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // МИА. № 38. 1957. С. 137–245.

Шафарик П.Н. Славянские древности. М., 1847.

Шестаков П.Д. Кто были древние болгары? // ИОАИЭ. 1884. Т. III, вып. 5. С. 60–72.

Шишонко В. Пермская летопись с 1253–1881 гг. Пермь, 1981.

Шушарин В.П. Ранний этап этнической истории венгров. М., 1997.

Chalikova E.A., Chalikov A.H. Altungarn an der Kama und im Ural (Das Graberfeld von Bolschie Tigani). Maguar Nemzeti Museum, 1981.

Comboc Z. Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache // Memoires de la société Finno-Ougrienne. Helsinki, 1912. XXX.

Erdelui I. A Kusulevoi temeto // AE. 1958. № 86.

Fodor I. Die Grosse Wandirung der Ungarn von Ural nach Pannonien. Corvina Kiado, 1982. S. 183–292.

Khalikova E.A., Kazakov E.P. Le cimetiere de Tankeevka // Les anciens Hongrois et les ethnies voisines a l'Est. Budapest, 1977. P. 21–221.

The Ancient Hungaries. The Road to the Carpathians: Exhibition Catalogue. Budapest, 1996.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО – Археологические открытия
АОУП – Археологические открытия Урала и Поволжья
АЭБ – Археология и этнография Башкирии
ВАУ – Вопросы археологии Урала, Свердловск
ВФУЯ – Вопросы финно-угорского языкознания, Ижевск
ГИМ – Государственный исторический музей, Москва
ГОМ РТ – Государственный объединенный музей Республики Татарстан, Казань
ИА – Институт археологии
ИАК – Известия Археологической комиссии
ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ИЯЛИ КФАН СССР – Институт языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
ПАДИУ – Проблемы археологии и древней истории угров
РБВЕ – Ранние болгары в Восточной Европе
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
УЗПГУ – Ученые записки Пермского государственного университета
АЕ – Archaeologia Ertesito, Budapest
FU – Finno-Ugrica

ИЛЛЮСТРАЦИИ

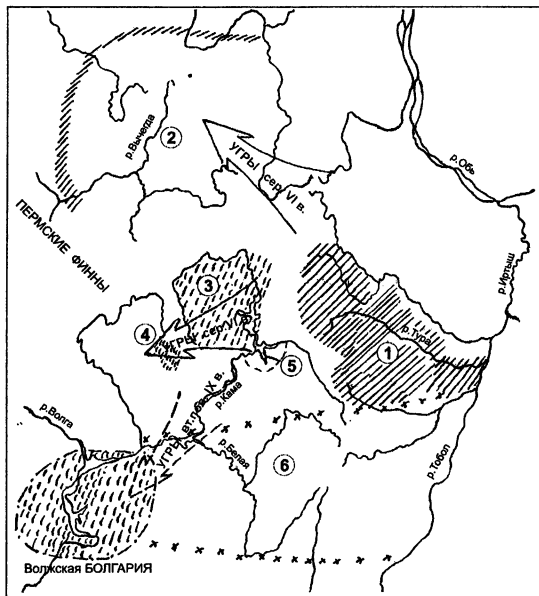

Рис. 1. Локализация угорских культур на Урале и в Прикамье во второй половине VI – VIII в. 1 – культуры Среднего Урала; 2 – ванвиздинская; 3 – ломоватовская; 4 – полумская; 5 – неволинская; 6 – кушнареновская.

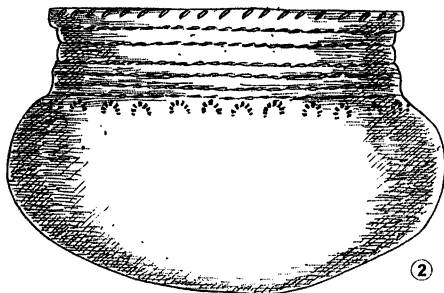
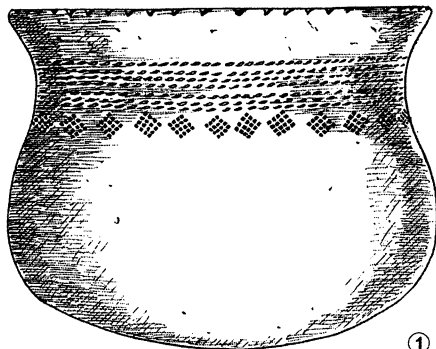

Рис. 2. Полумско-ломоватовская керамика из Танкеевского могильника.

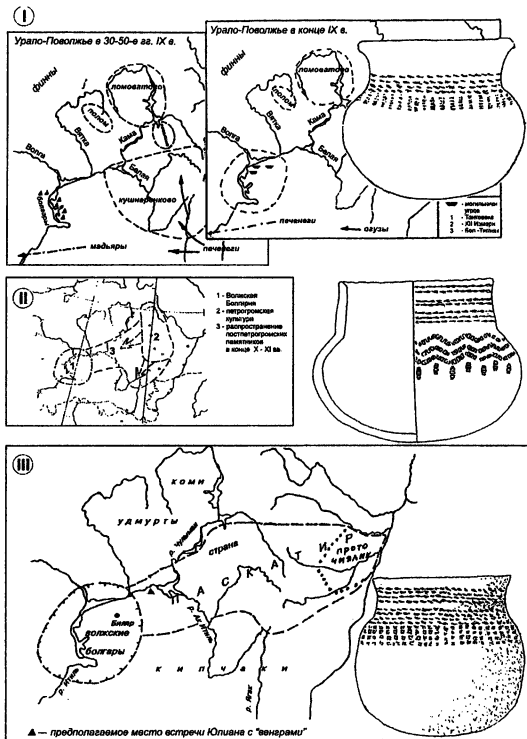

Рис. 3. Локализация угорских культур с гребенчато-шнуровой керамикой в IX-XIV вв.

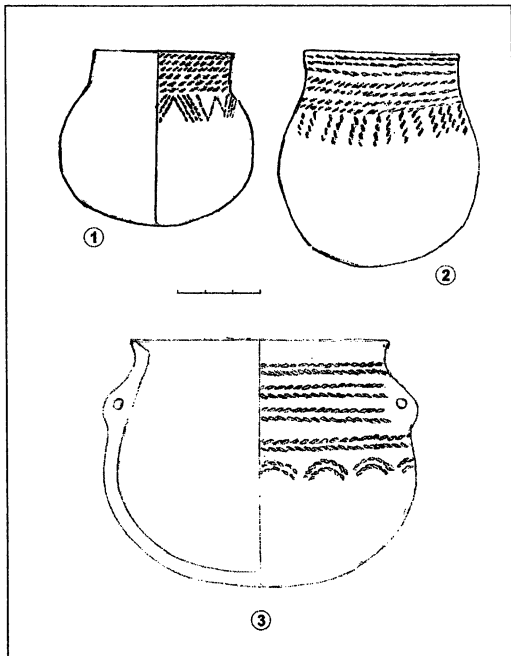

Рис. 4. Круглодонная угорская керамика. 1 – уч. Д/З раскопа 3 Танкеевского могильника, начало X в.; 2 – погр. 5 Кушулевского могильника, XII–XIII вв.; 3 – уч. Г/З раскопа XVI Танкеевского могильника.

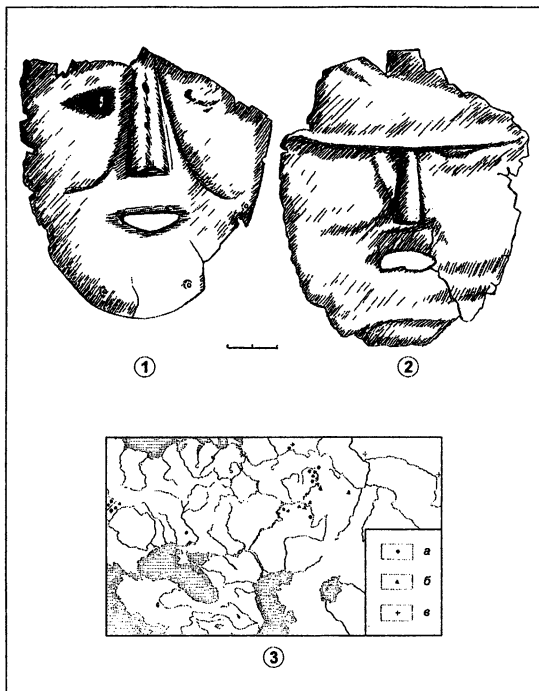

Рис. 5. Средневековые погребальные маски угров и их локализация в памятниках Евразии. 1, 2 – серебряные маски ломоватовской культуры; 3 – локализация памятников с масками: а – вторая половина VI – X в.; б – XI–XIV вв.; в – маски обских угров.

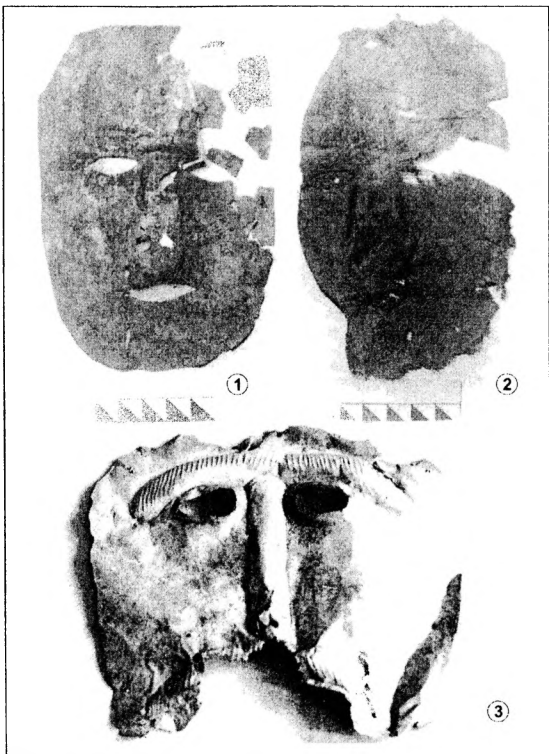

Рис. 6. Маски из Танкеевского могильника. 1, 3 – серебряные личины; 2 – шелковая подкладка под маску.

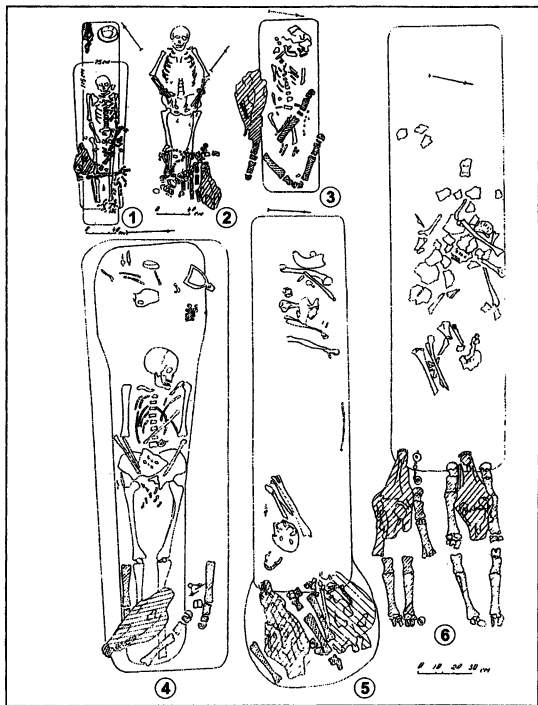

Рис. 7. Захоронение с погребальным комплексом коня. 1 – погр. 2 Кушнаренковского могильника; 2 – погр. 5 могильника Хенцида (Венгрия); 3, 4 – погр. 81 и 75 I Большетарханского могильника; 5, 6 – погр. 1010 и 675А Танкеевского могильника.

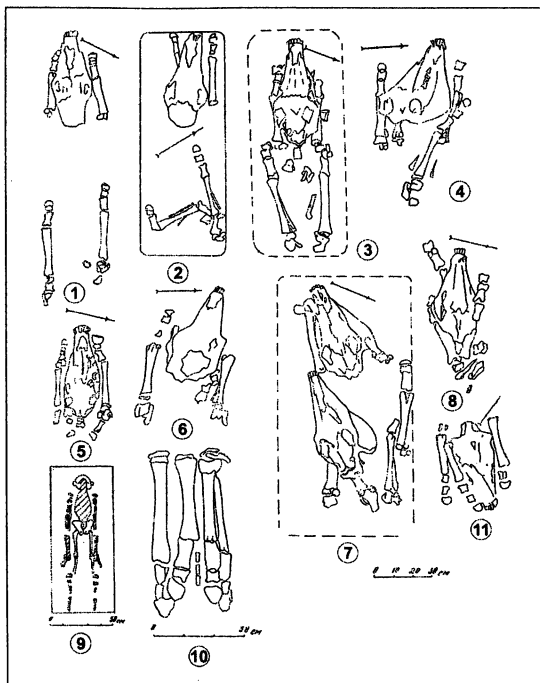

Рис. 8. Поминальные комплексы коня. Танкеевский могильник: 1 – р. XV уч. Д/3; 2 – р. XV уч. ВВ/4-5; 3 – р. XIII уч. В/4; 4 – р. XXI уч. В/2-3; 5 – р. XIII уч. Е/3; 6 – р. XV уч. Д/4; 7 – р. XIII уч. Г/2; 8 – р. XIII уч. ВВ/4; Могильник Басандайка: 9 – над погр. 3 кургана 25; Бирский могильник: 10 – уч. X/161; Будештский могильник: 11.

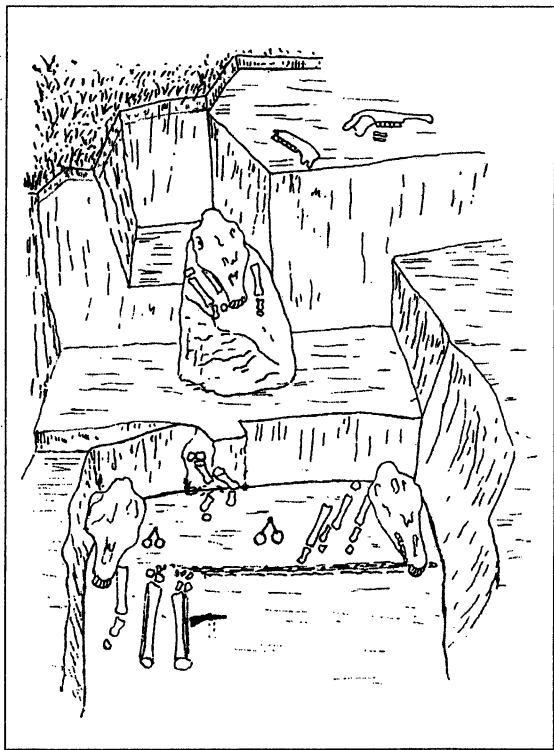

Рис. 9. Жертвенные комплексы коней у парного захоронения 1133 Танкеевского могильника (прорисовка).

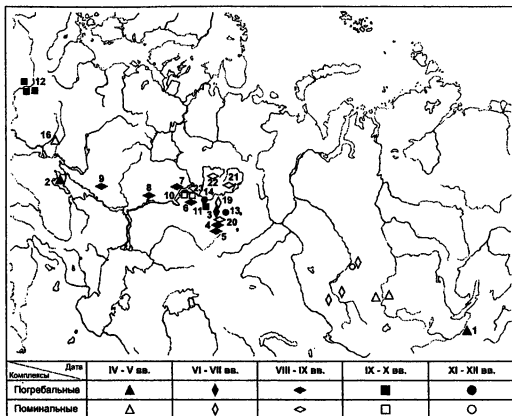

Рис. 10. Карта распространения погребальных и поминальных комплексов коня. 1 – гуннские могильники Забайкалья; 2 – погребения гуннского времени в Крыму; 3 – Кушнаренковский могильник; 4 – Стерлитамакский могильник; 5 – Иткучуковский могильник; 6 – Большетиганский могильник; 7 – I Большетарханский могильник; 8 – Усть-Курдюмский могильник; 9 – Дроновский могильник; 10 – Танкеевский могильник; 11 – Чишминский могильник; 12 – мадьярские могильники Паннонии; 13 – Мрясимовский могильник; 14 – Кушулеватский могильник; 15 – могильники таштыкской культуры; 16 – Будештский могильник; 17 – могильники верхнеобской культуры; 18 – Релкинский могильник; 19 – Бирский могильник; 20 – курганные могильники IX–X вв. Башкирии; 21 – Деменковский могильник; 22 – могильник Мыдлань-Шай; 23 – Танкеевский могильник; 24 – могильник «Басандайка».

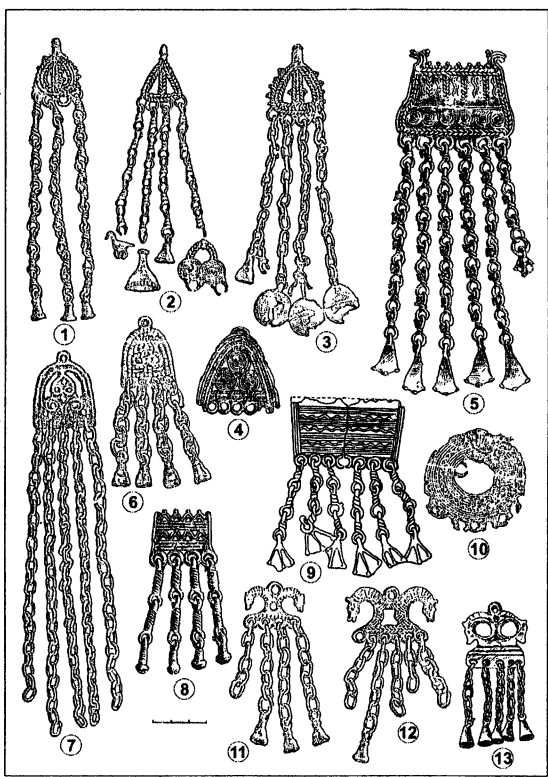

Рис. 11. Бронзовые подвески из Танкеевского могильника.

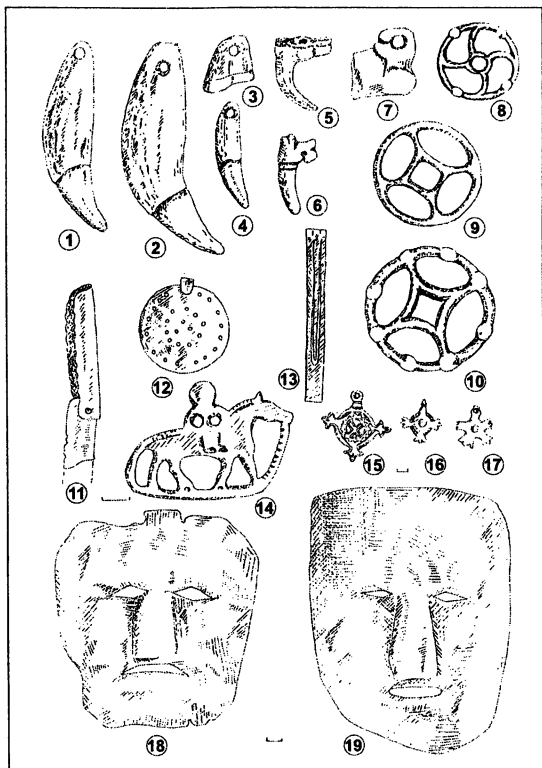

Рис. 11А. Культовые изделия из языческих могильников волжских болгар.

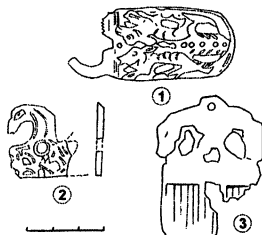

Рис. 12. Угорские изделия из памятников Волжской Болгарии.

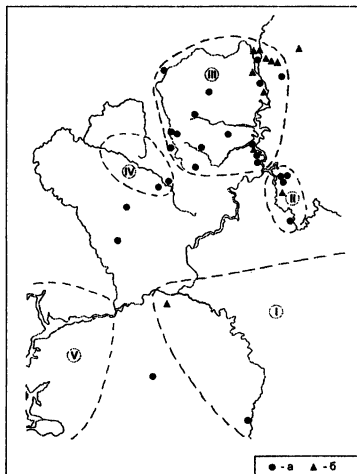

Рис. 13. Локализация кладов восточного серебра в Урало-Прикамье (по В.П.Даркевичу), а – VII–IX вв.; б – X–XIII вв. Культуры: I – кушнаренковская; II – неволинская; III – ломоватовская; IV – полумская; V – Волжская Болгария.

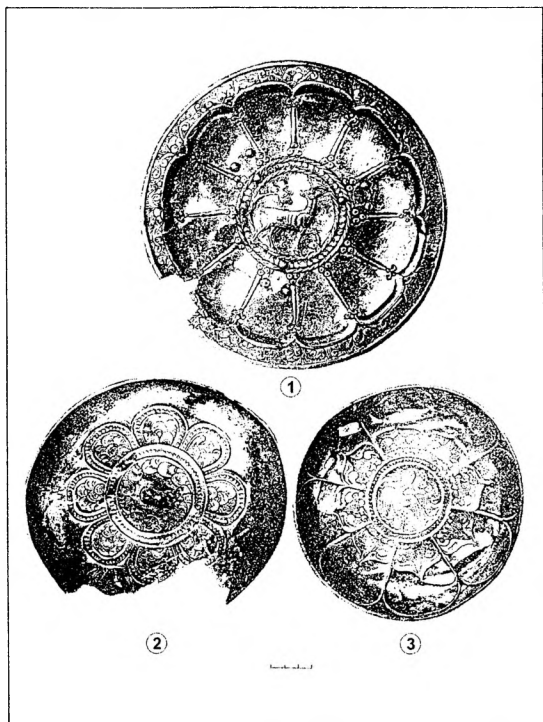

Рис. 14. Серебряные сосуды VIII–IX вв. из Репьевского клада (Бугульминский район Татарстана).

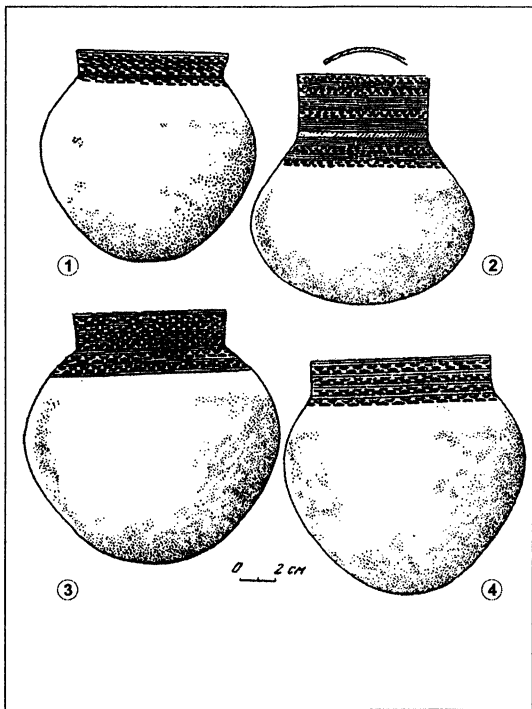

Рис. 15–16. Кушнаренковская керамика второй половины VI в. из Бирского могильника.

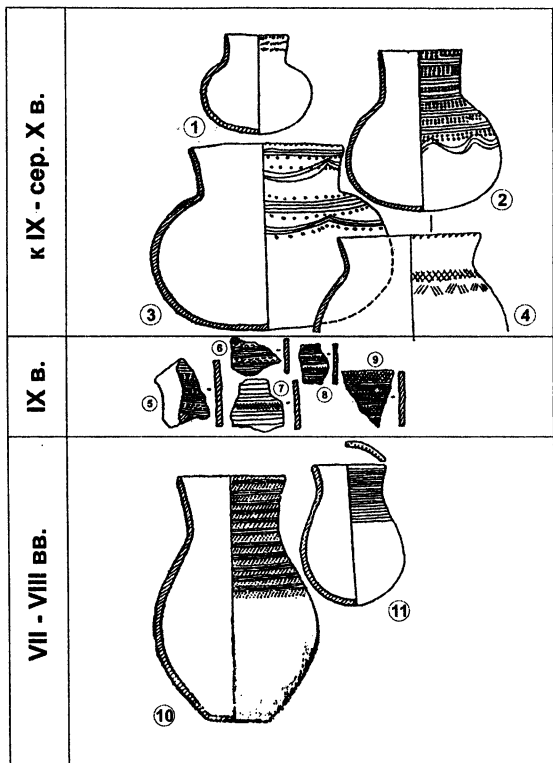

Рис. 17. Развитие кушнаренковской керамики в VI-X вв.

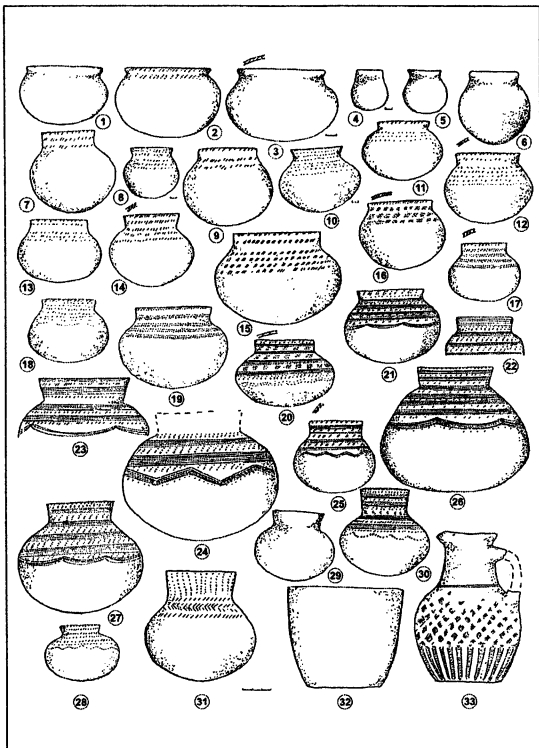

Рис. 18. Керамика из Большетиганского могильника.

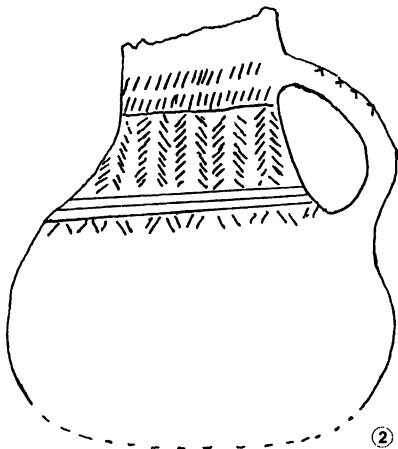
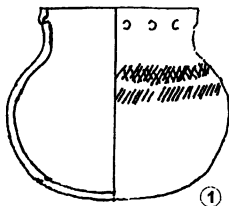

Рис. 19. Караякуповский сосуд (1) и лепной кувшин (2) из погр. 944 Танкеевского могильника.

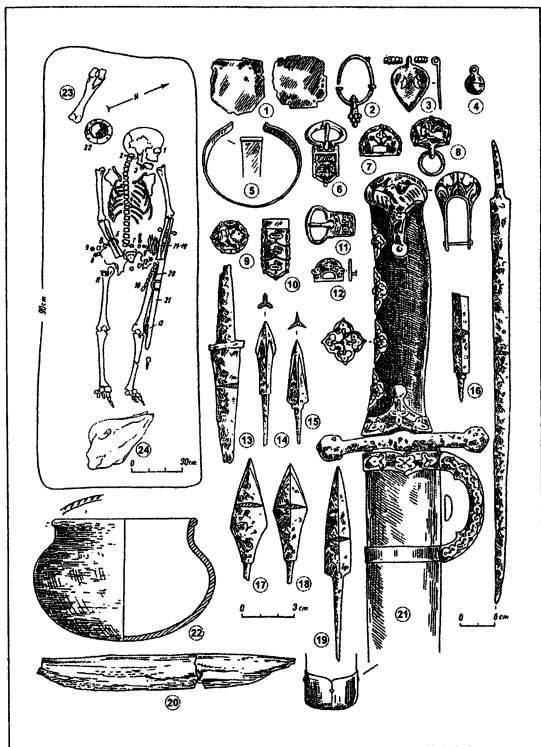

Рис. 20. План и вещевой материал погр. 6 Большетиганского могильника.

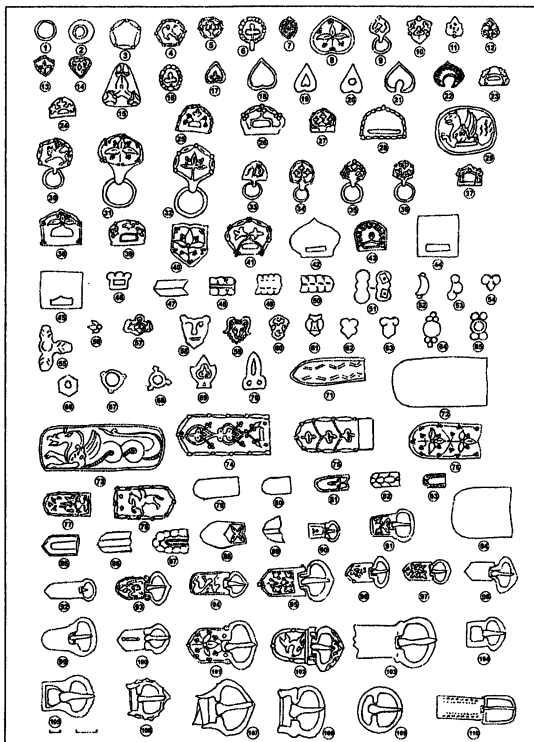

Рис. 21. Детали поясного набора из Большетиганского могильника.
Цветной металл.

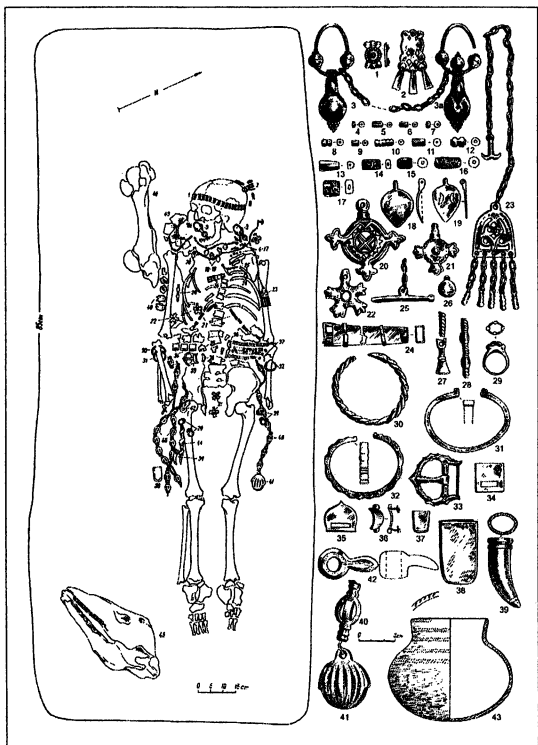

Рис. 22. Женское погр. 7 Большеитиганского могильника (по Е.А. и А.Х.Халиковым).

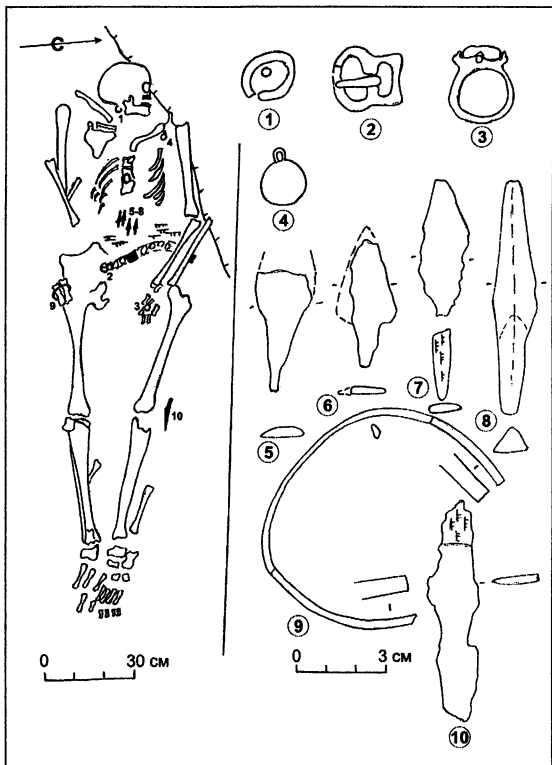

Рис. 23. План и вещевой материал погр. 1 XII Измерского могильника. 1-4, 9 – бронза; 5-7, 10 – железо; 8 – кость.

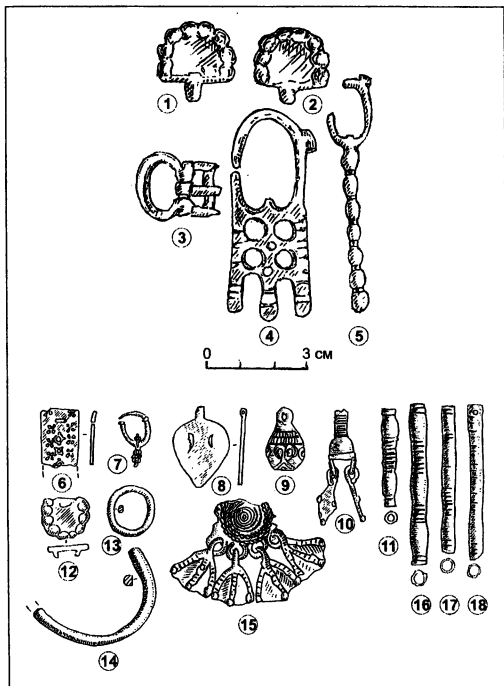

Рис. 24. Изделия из цветного металла XII Измерского могильника.

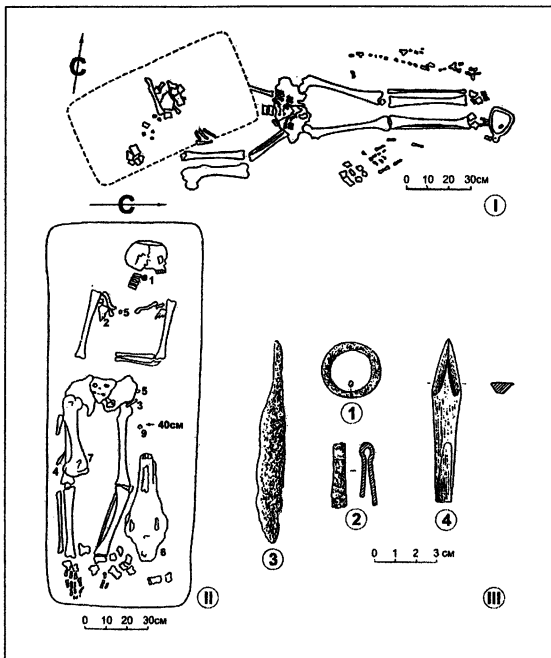

Рис. 25. Чишминский могильник. I. План погр. 1. II. План погр. 2. 1 – кольцо; 2 – пинцет; 3 – нож; 4 – наконечник стрелы; 5 – кремешки; 6 – череп и кости ног лошади; 7 – бедренная кость лошади; 8 – неопределенная кость животного; 9 – фрагмент керамики. III. Вещи из погр. 2. 1 – кольцо; 2 – пинцет; 3 – нож; 4 – стрела; 1-3 – железо, 4 – кость.

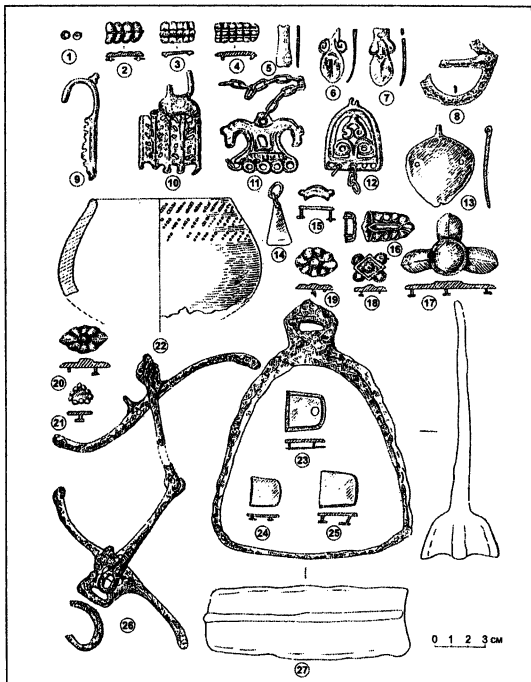

Рис. 26. Чишминский могильник. Вещевой инвентарь погр. 1: 1 – бусина; 2-4 – накладки поясного набора; 5 – обломок украшения; 6, 7 – подвески; 8 – пряжка; 9, 10 – височные подвески; 11, 12 – нагрудные украшения; 13, 14 – подвески; 15-21 – предметы уздечного набора; 22 – сосуд; 23-25 – наконечники ремней; 26 – удила; 27 – стремя. 1 – стекло; 8, 26, 27 – железо; 22 – керамика; остальное – цветной металл.

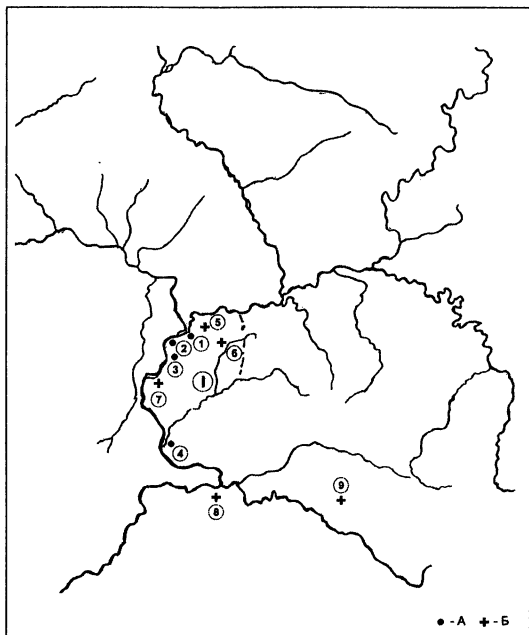

Рис. 27. Локализация угорских памятников второй половины IX – первой половины X в. в Среднем Поволжье. А – полумско-ломоватовские комплексы; Б – кушнаренковские комплексы. I – Концентрация угорских памятников IX–X вв. в Западном Закамье. 1 – Измерское селище, 2 – Малоиерусалимское селище (г. Болгар), 3 – Танкеевский могильник, 4 – Хрящевское погребение, 5 – XII Измерский могильник, 6 – Большетиганский могильник, 7 – Чортов городок, 8 – могильник на 116-м километре (у г. Самары), 9 – Немчанский могильник.

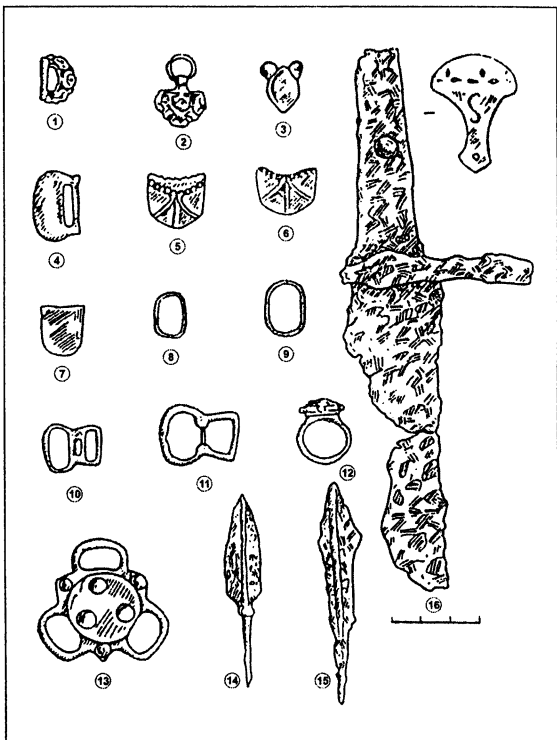

Рис. 28. Вещевой материал Немчанского могильника. 1-13 – цветной металл; 15-18 – железо.

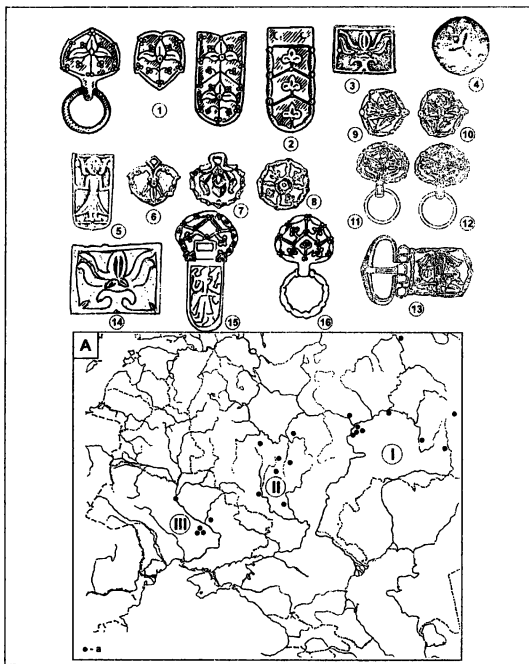

Рис. 29. Изделия угров из бронзы и серебра из памятников Восточной Европы. 1, 2 – Большетиганский могильник: 1 – погр. 12; 2 – погр. 16; 3-8 – Ишимбаевский могильник: 3 – кург. 2, погр. 1; 4-8 – кург. 3, погр. 3; 9-13 – Субботицкий могильник; 14-16 – находки из Елизаветского уезда. А – локализация находок со «звеньевым» бордюром. а – памятник, I – памятники мадьяр в Урале-Поволжье, II – Леvedия, III – Ателькузу.

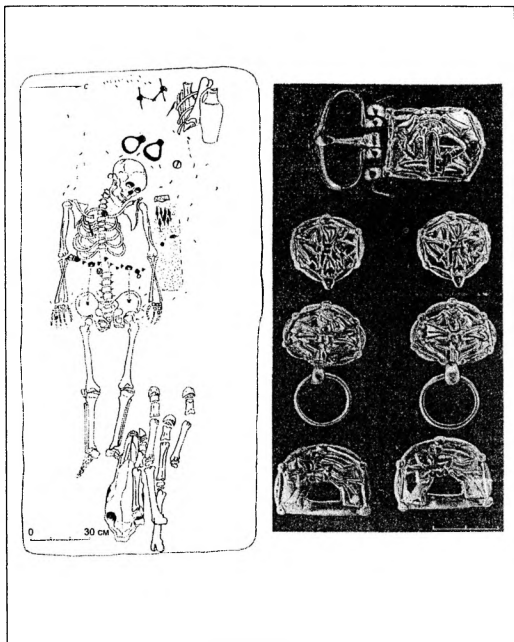

Рис. 30. План и инвентарь мужского захоронения Субботицкого могильника (по Н.М.Бокий и С.А.Плетневой).

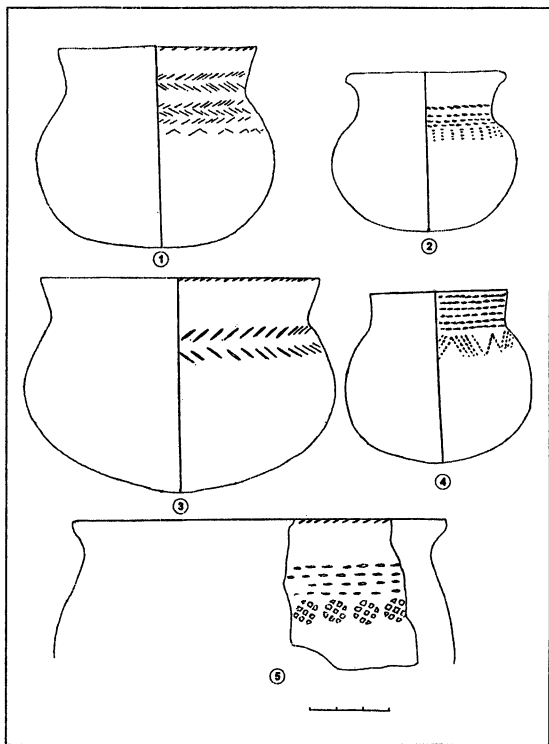

Рис. 31. Неволинская (1, 3), ломоватовская (2, 4) и полумская (5) керамика из Танкеевского могильника.

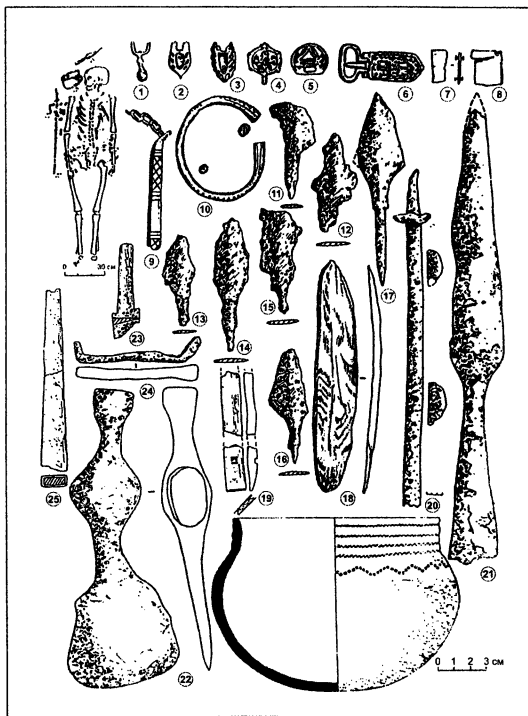

Рис. 32. План и вещевой материал погр. 2 Игимского могильника. 1-10 – цветной металл; 11-16, 20-22, 24 – железо; 18 – кость; 19 – дерево; 26 – керамика.

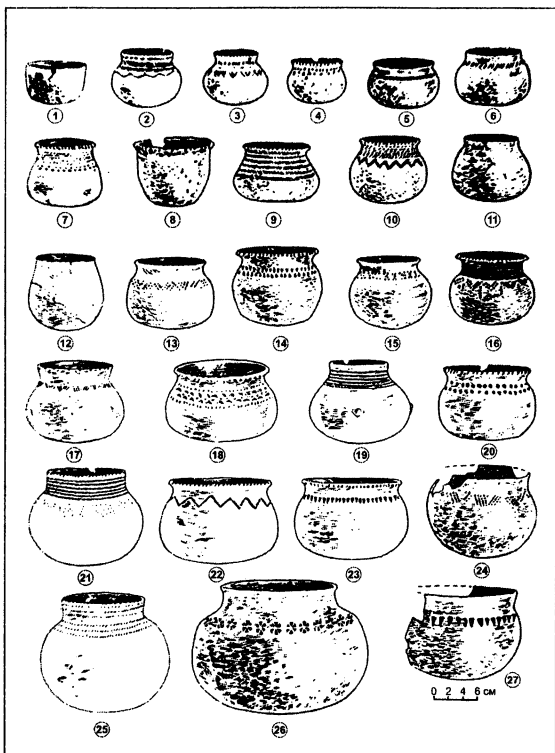

Рис. 33. Угорская керамика из Танкеевского могильника.

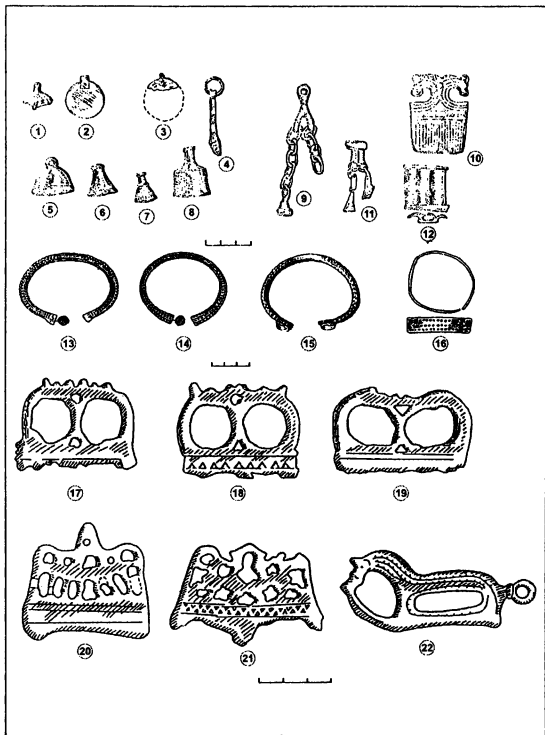

Рис. 34. Поломско-ломоватовские изделия и их подражания из Танкеевского могильника. Бронза.

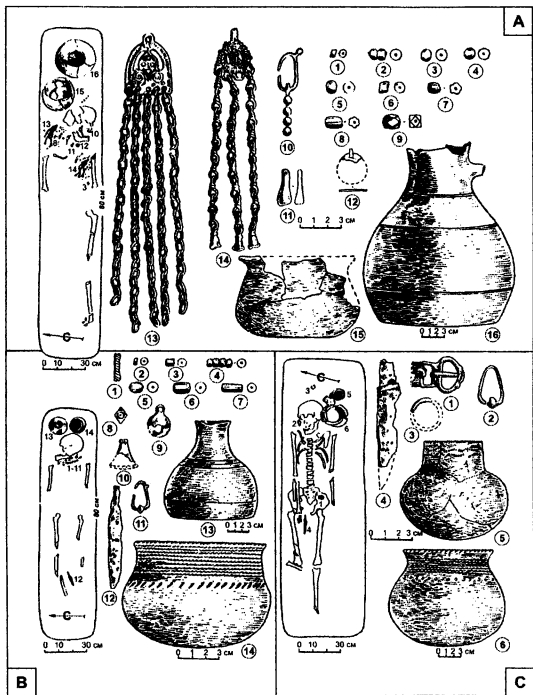

Рис. 35. Планы погребений и вещевые комплексы Танкеевского могильника. А – погр. 440 (1-9 – стекло; 10, 12, 13, 14 – цветной металл; 11 – кость; 15, 16 – керамика). В – погр. 441 (1, 9, 11 – цветной металл; 2-7 – стекло; 8 – кость; 12 – железо; 13, 14 – керамика). С – погр. 503 (1-3 – бронза; 4 – железо; 5-6 – керамика).

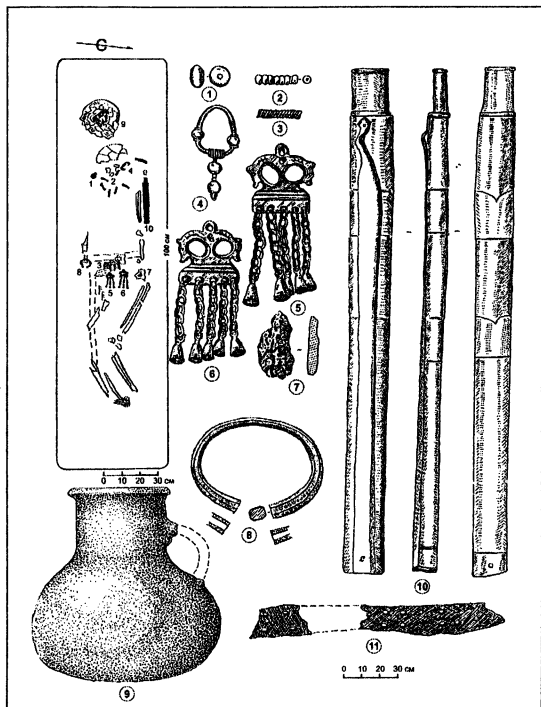

Рис. 36. План и вещевой комплекс погр. 953 Танкеевского могильника. 1 – гагат; 2-6, 8, 10 – бронза; 7 – железо; 9 – керамика; 11 – кожа.

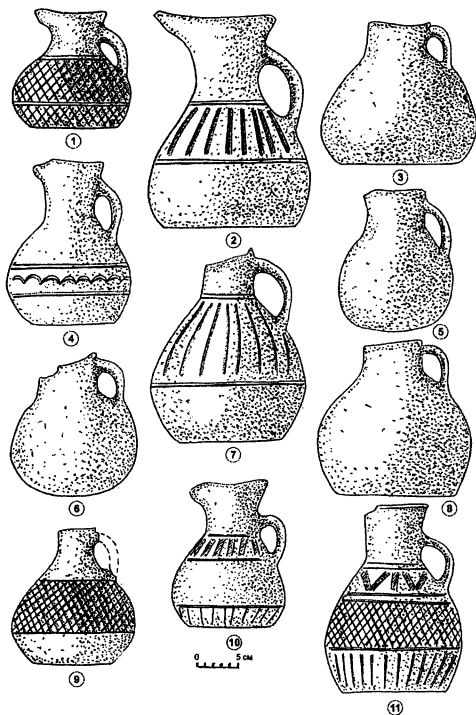

Рис. 37. Круговые одноручные кувшины из Танкеевского могильника.

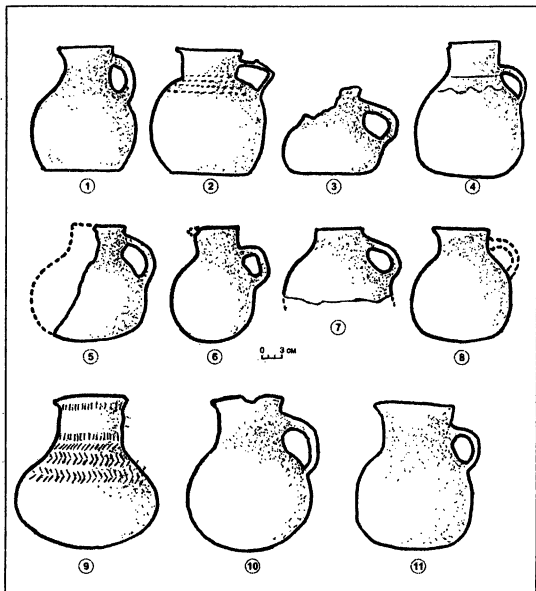

Рис. 38. Лепные одноручные кувшины из Танкеевского могильника.

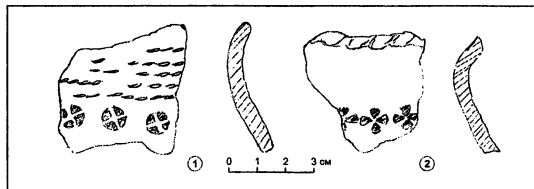

Рис. 39. Постполомская керамика Измерского селища.

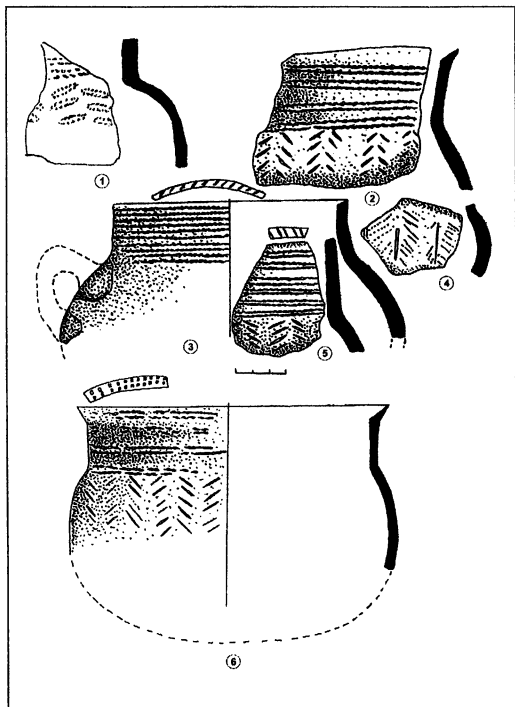

Рис. 40. Постпетрогровская керамика Измерского селища.

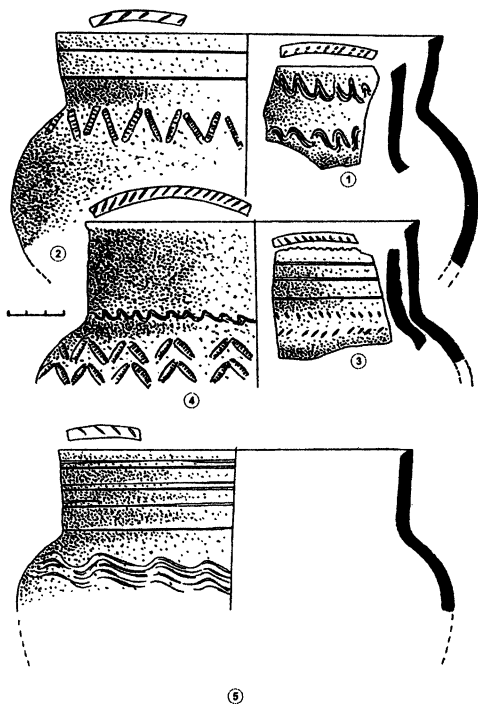

Рис. 41. Гибридная керамика с Измерского селища.

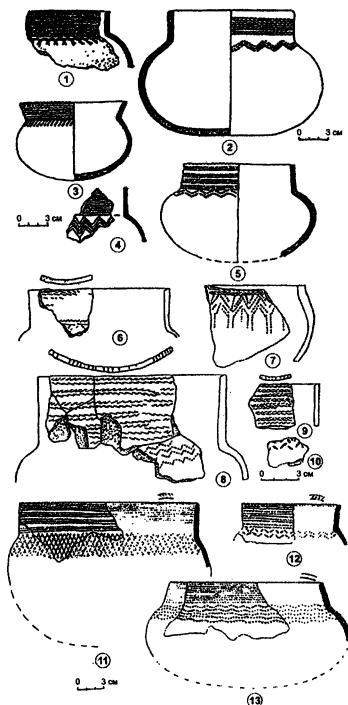

Рис. 42. Постпетрогровская керамика с памятников Урало-Поволжья. 1-5 – могильники позднеполовской культуры бассейна р. Чепцы; 6-10 – городище Каменный Лог; 11-13 – святилище Чумойтло.

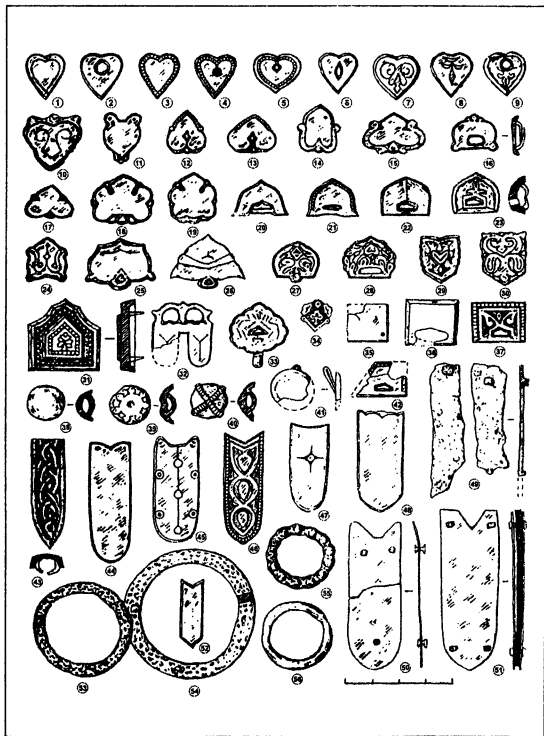

Рис. 42А. Изделия из I Качашурского могильника. 1-48, 50-52, 55-56 – бронза; 49, 53, 54 – железо (по А.Г.Иванову).

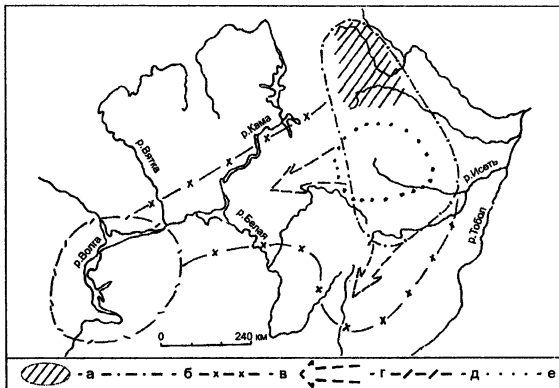

Рис. 43. Миграции постпетрогромского населения: а – регион северного варианта петрогромской культуры; б – территория петрогромской культуры; в – регион постпетрогромской культуры; г – направление миграции петрогромских племен; д – границы Волжской Болгарии; е – исходные районы постпетрогрома.

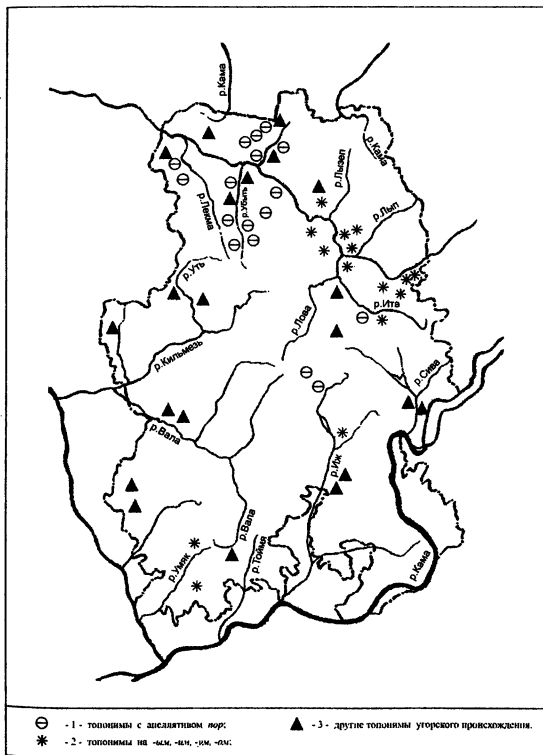

Рис. 44. Локализация угорских этнонимов в Удмуртии (по М.Г.Атаманову).

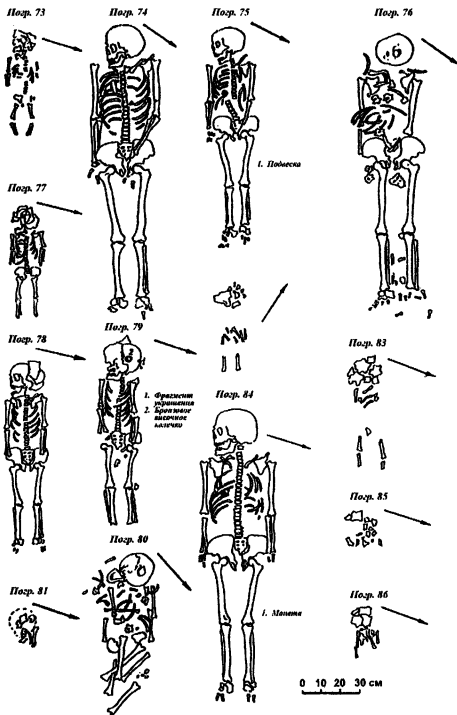

Рис. 45. Планы чияликских погребений Такталачукского могильника.

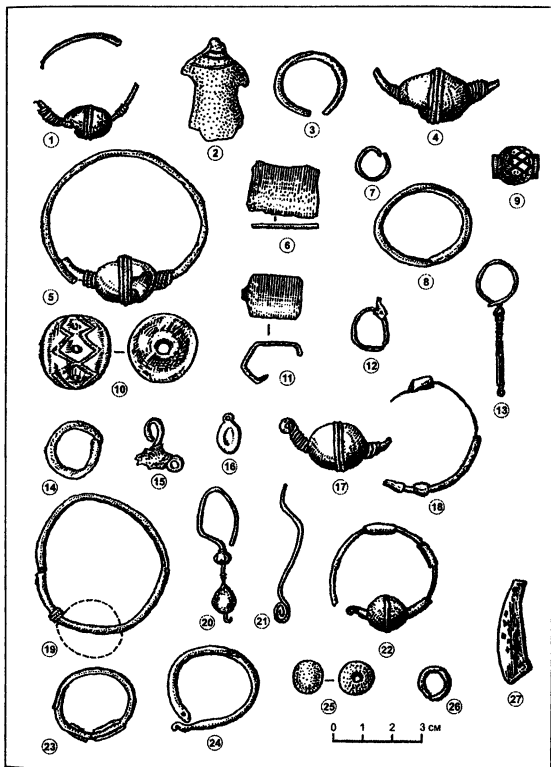

Рис.46. Вещевой материал из чияликских погребений.

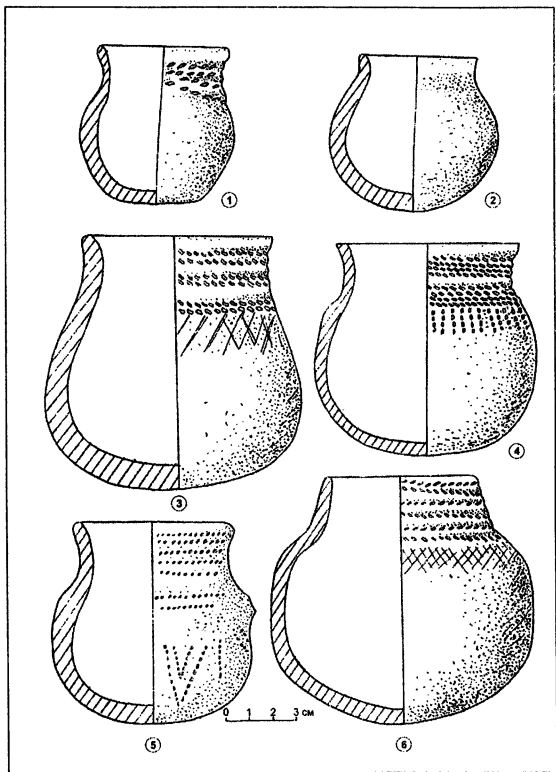

Рис. 47. Керамика из детских погребений чиялыкских могильников.

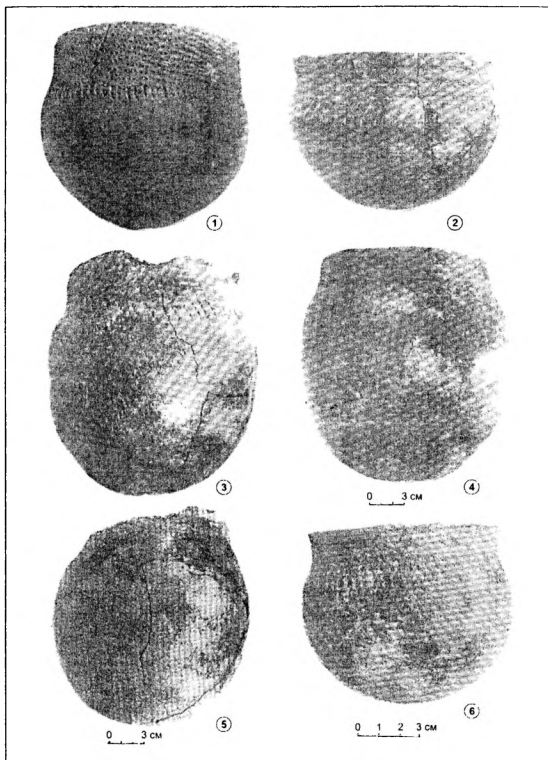

Рис. 48. Чияликская керамика из Пылаевского могильника.

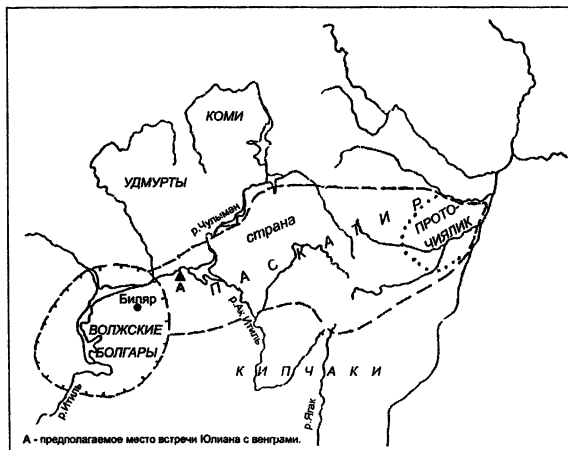

Рис. 49. Локализация чияликских памятников Урало-Поволжья.

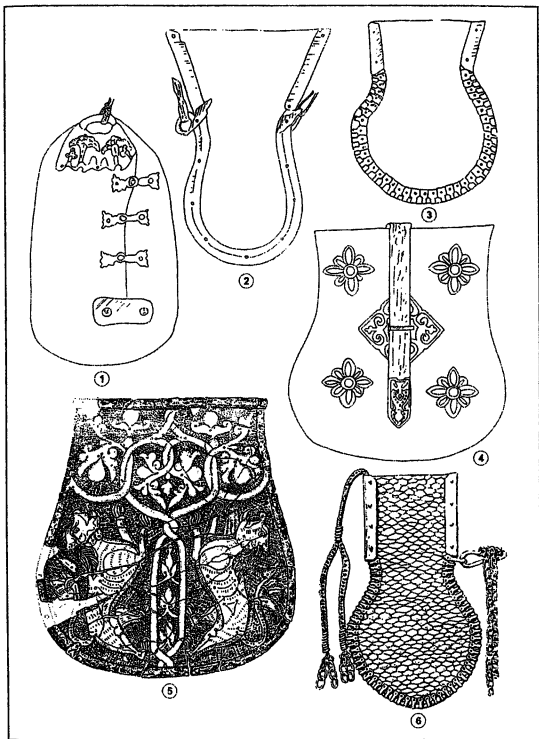

Рис. 50. Поясные сумочки из памятников Волжской Болгарии и Марийского Поволжья. 1-3 – Танкеевский могильник; 4 – Измерское селище; 5-6 – Веселовский могильник.

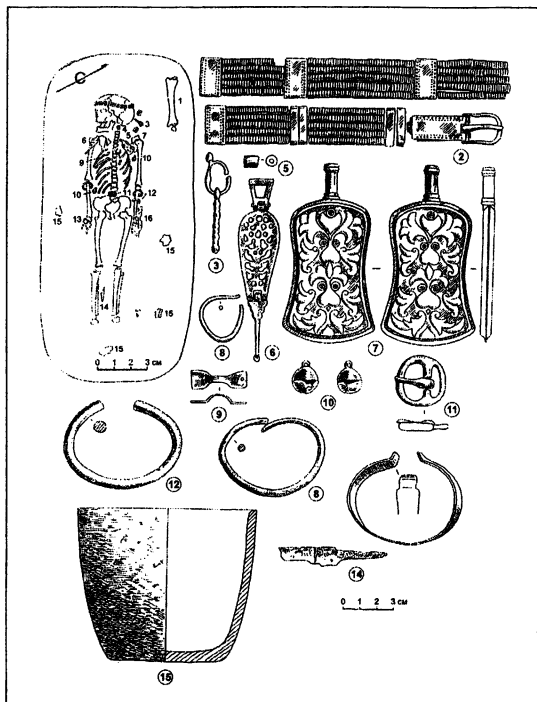

Рис. 51. План и вещевой материал погр. 42 Большетиганского могильника. 1-12 – цветной металл; 13 – керамика; 14 – железо (по Е.А. и А.Х.Халиковым).

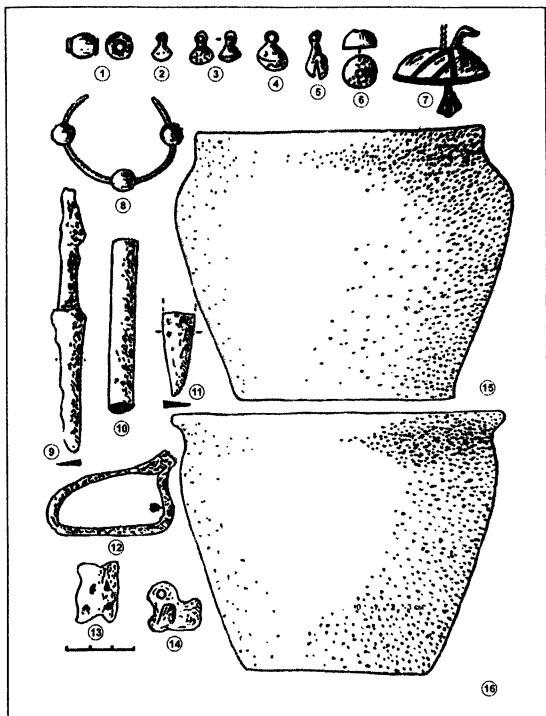

Рис. 52. Инвентарь погр. 1044 Танкеевского могильника. 1-8 – цветной металл; 9-12 – железо; 13-14 – кость; 15-16 – керамика.

Рис. 53. Погр. 1101 Танкеевского могильника. Фото.

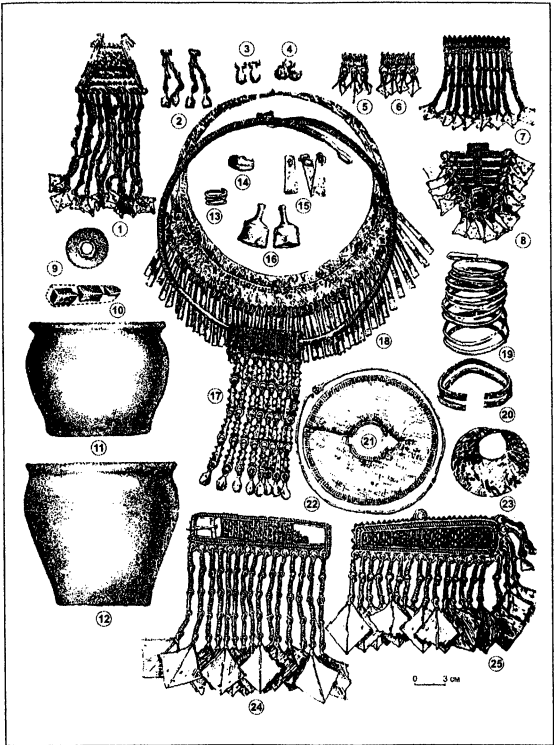

Рис. 54. Вещевой материал погр. 1101 Танкеевского могильника. 1-9, 13-25 – цветной металл; 9, 11, 12 – керамика; 10 – охра.

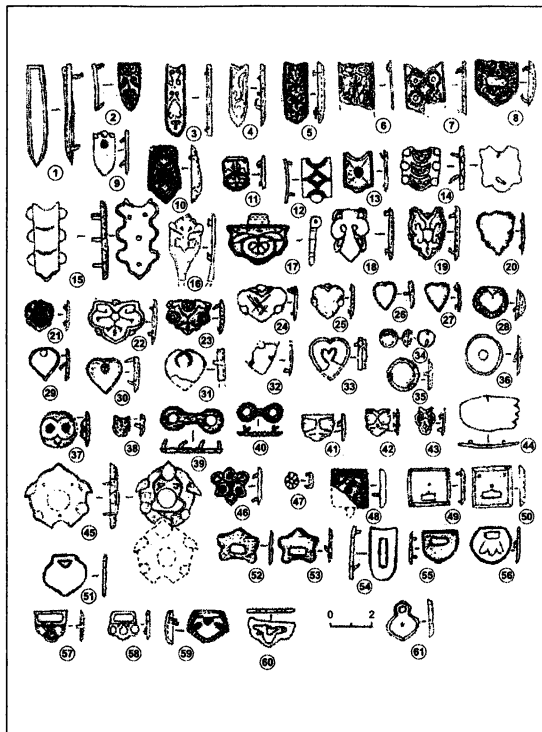

Рис. 55. Мордовские аналоги изделиям волжских болгар (по В.А.Виничеку и В.П.Лебедеву).

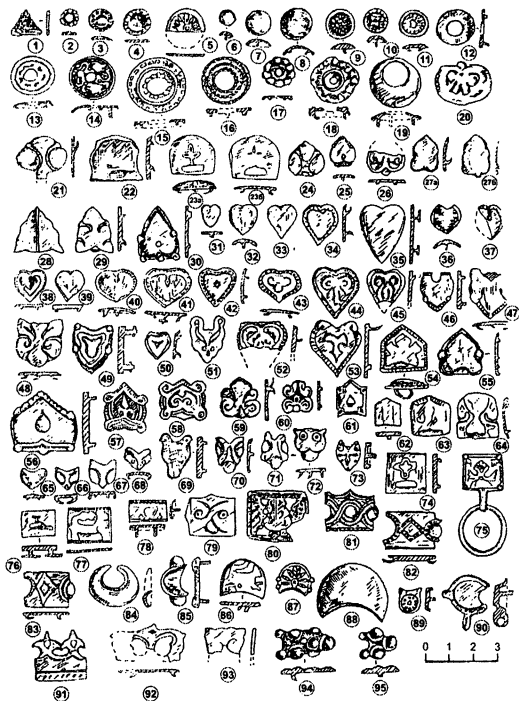

Рис. 56. Накладки пояса из Измерского селища. Бронза, серебро.

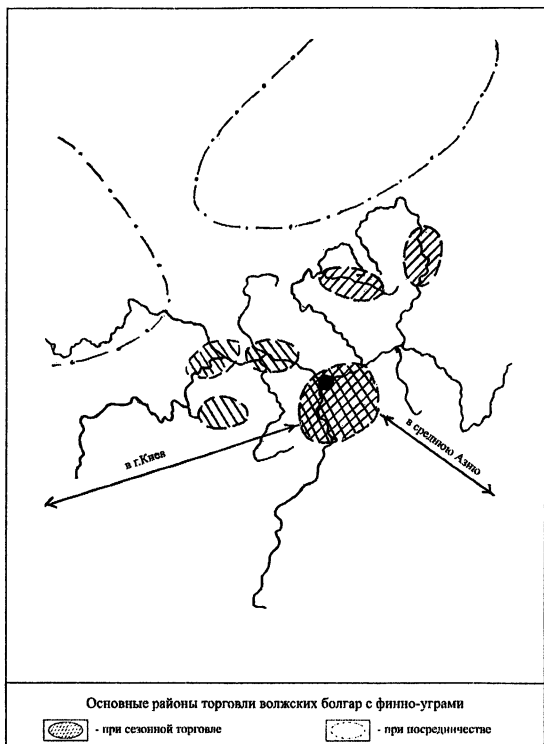

Рис. 57. Районы активной торговли волжских болгар в Восточной Европе в конце X–XI в.

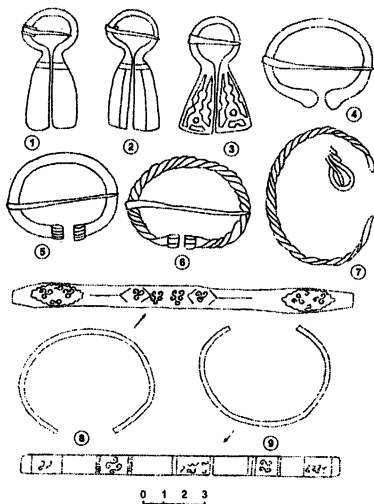

Рис. 58. Мордовские изделия из Волжской Болгарии. XIV в.

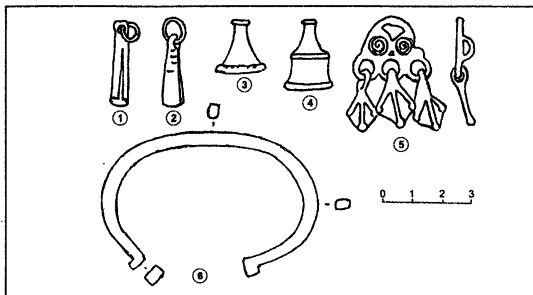

Рис. 59. Изделия из Борисовского могильника.

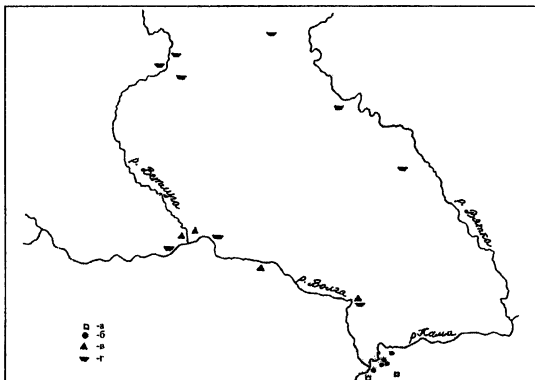

Рис. 59А. Болгарские фактории X–XI вв. в Казанско-Марийском Поволжье. а – столичные центры Волжской Болгарии, б – торгово-ремесленные поселения волжских болгар, в – фактории болгар, г – языческие могильники поволжских финнов.

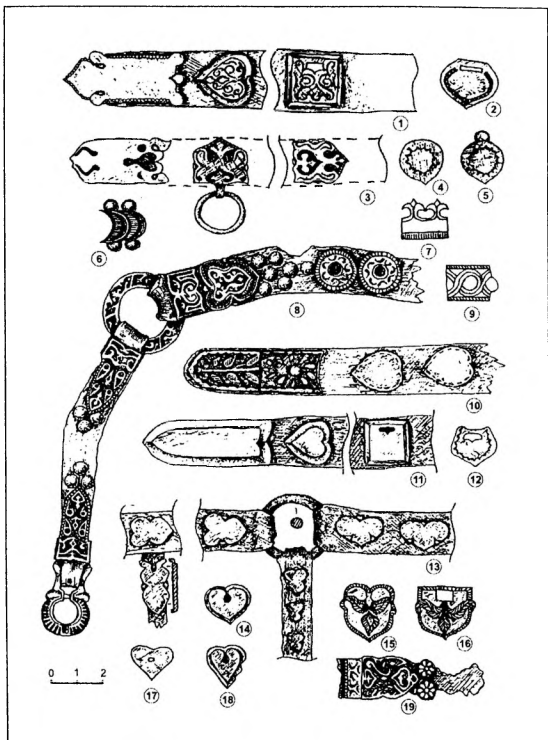

Рис. 60. Детали болгарских ремесленных изделий из могильника Нижняя Стрелка (по Т.Б.Никитиной).

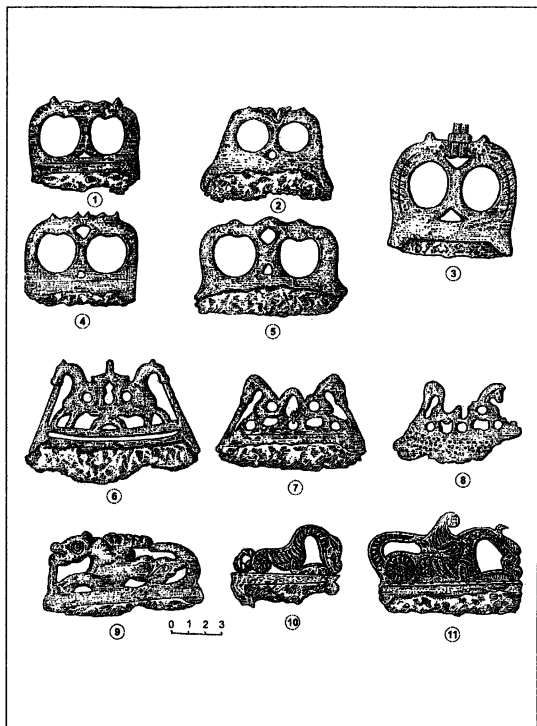

Рис. 61. Коньковые кресала из могильников Марийского Поволжья X–XI вв. Бронза.

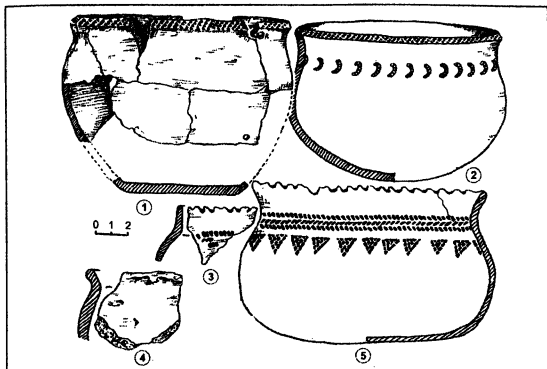

Рис. 62. Керамика из могильников Марийского Поволжья.

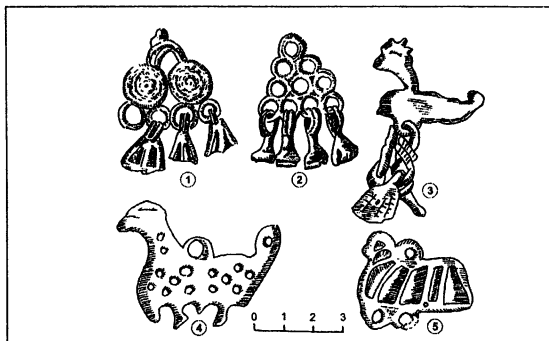

Рис. 63. Изделия меры и весы из Волжской Болгарии. Бронза.

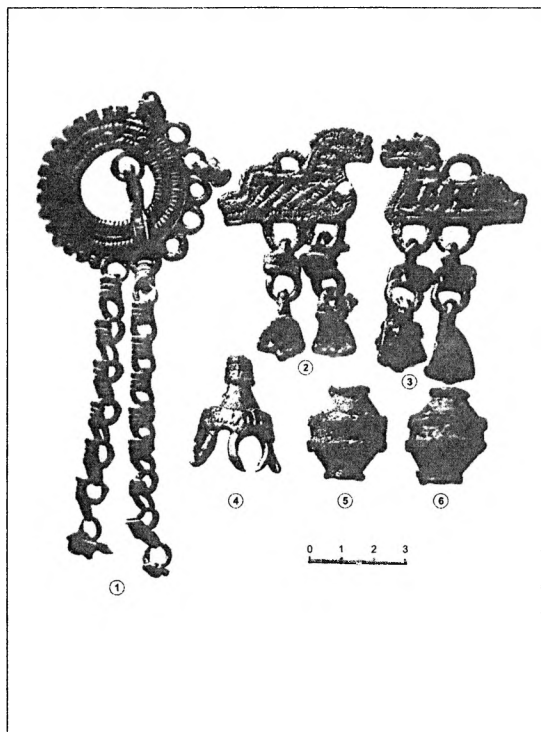

Рис. 64. Бронзовые подвески верхневолжских финнов из Котловского могильника.

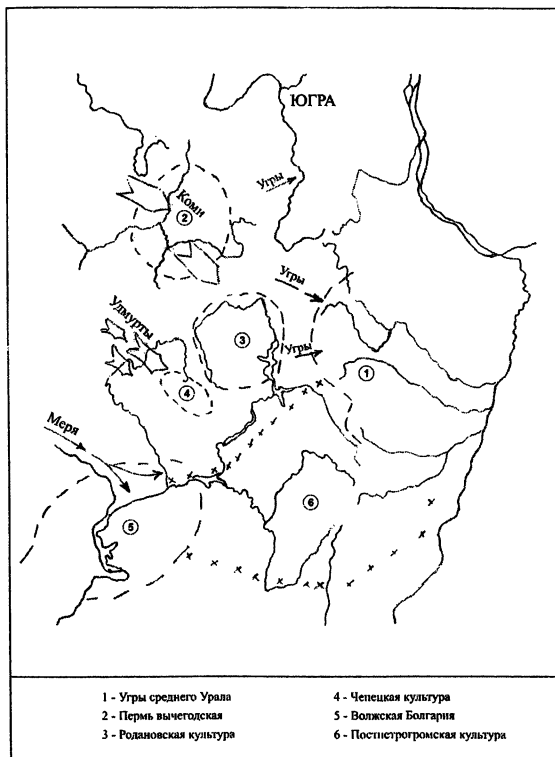

Рис. 64А. Миграции финнов на восток в XI–XII вв.

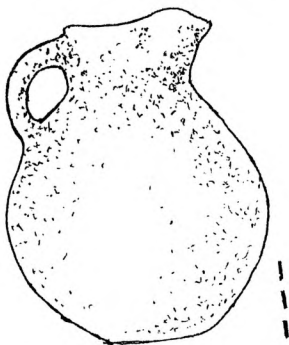
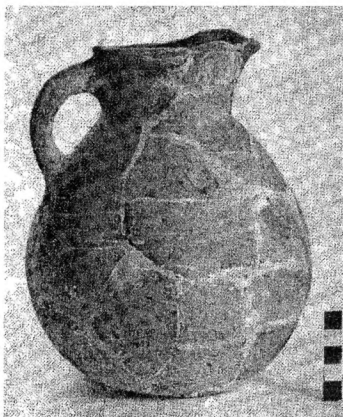

Рис. 65. Лепной одноручный кувшин из погр. 301 Тимеревского могильника.

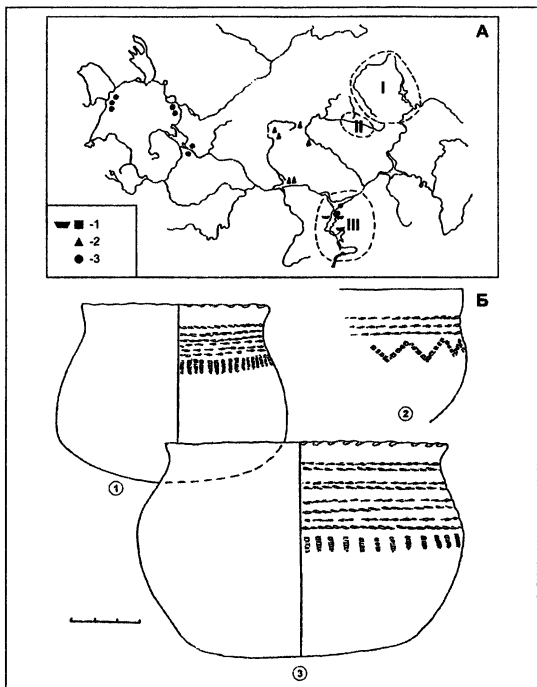

Рис. 66. Распространение памятников с угорской посудой с гребенчато-шнуровой орнаментацией Волго-Камья в X в. А: I – ломоватовская культура, II – полумская культура, III – Волжская Болгария. 1 – памятники Волжской Болгарии, 2 – памятники Марийского Поволжья, 3 – памятники Верхнего Поволжья. Б: 1-3 – керамика из Танкеевского могильника.

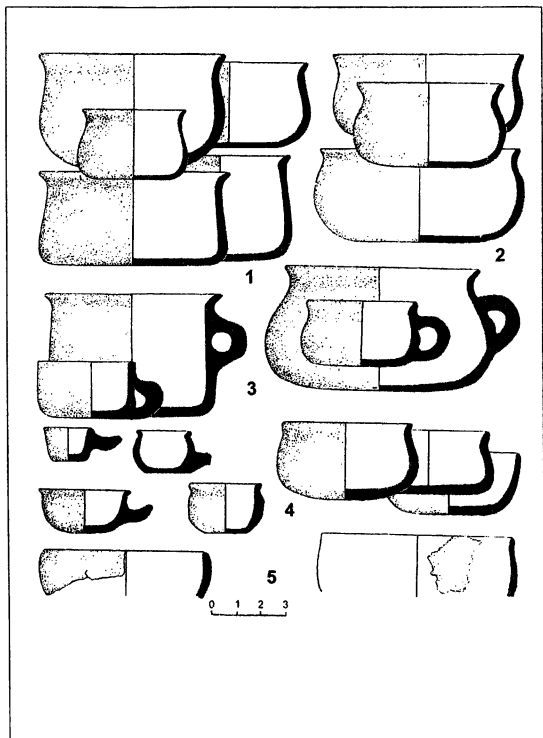

Рис. 67. Пермская (удмуртская) керамика из Кузьминского могильника (по М.Г.Ивановой).

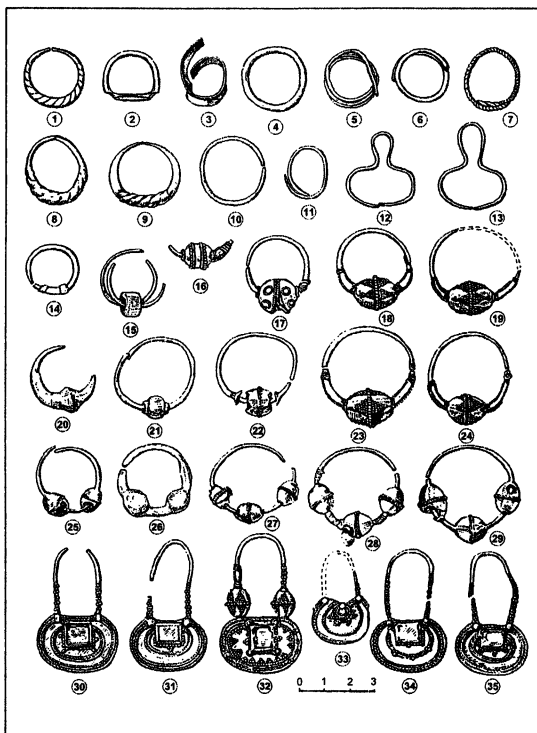

Рис. 68. Изделия болгарских ремесленников из Кузьминского могильника (по М.Г.Ивановой). Бронза, серебро.

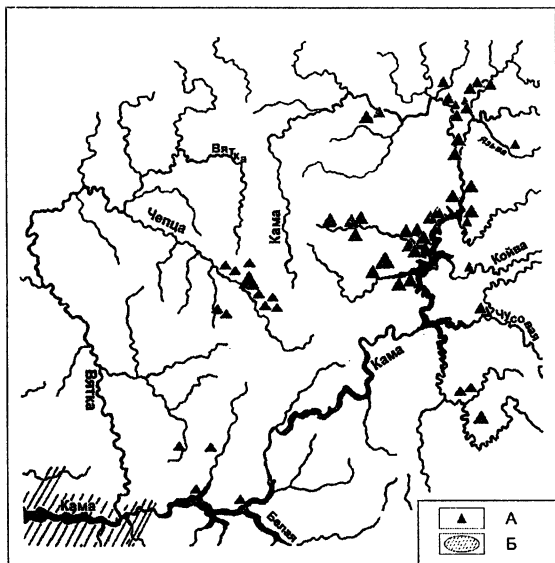

Рис. 69. Находки круговой болгарской посуды в Приуралье (по А.М.Белавину). А – памятники, Б – территория Волжской Болгарии.

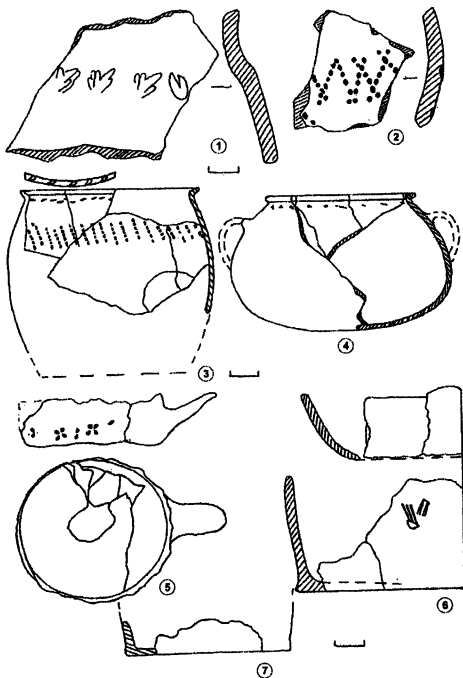

Рис. 70. Керамика пермских финнов из памятников Волжской Болгарии (по А.З.Нигамаеву).

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Eugeni Kazakov

Wolgabulgarjen und Ungarn

Bei der Gestaltung der Kultur von solchem Staaten Europas wie Ungarn, Bulgarien, Wolgabulgarien spielen alte Turkvolker und ugorische Gruppen südöstlichen Europas und Urals eine wichtige Rolle. Viele Stämme der Uralugren war Bestandteil der Bevölkerung Wolgabulgarien und Ungarn.

Auf dem Territorium des Grossen Urals, wo Ugren schon in der Epoche des frühen Eisens lebten, wurden in der Epoche von Hunnen und Turkvölkern neue ugorische Nomadenstämme sesshaft. Im Jahre 558 haben die Turkvölker Ogoren, Waren, und Hijoniten im Voraralgebiet zerschlagen, die sich auf Ural und Kamagebiet zu ihren Sommernomadenlagern zurückkehrten. In VI und VII Jahrhunderts das Territorium zwischen Volga und Ural die Stämmen Turbasly¹ und Imen'kovo Kulturen einnehmen².

In VIII Jahrhundert diese Gebiet, ebenso Kamagebiet besitzen Ugren. Die «Ugorische Epoche» jenerzeit ist durch Kushnarenkowo, Lomowatowo, Wanwizdino und Polom Kulturen dargestellt (Abb. 1). Im zweiten Drittel des IX Jahrhunderts verschwinden im Ergebnis des Krieges zwischen Madjaren und Petschenegen Kushnarenkowo, Newolino, Süd – Lomowatowo und Süd – Polom Denkmäler (Abb. 3, I). Der Kampf zwischen Petschenegen und Madjaren hat grosse Bedeutung für Geschichte Europa. Diese Kampf beiträgt zu dem Fall Khazaria und bildet Wolgabulgarien und Ungarn. Die Träger diese Kultur übersiedeln ins Wolgabulgarien, wo die Bolshetiganer Grabstätte, die XII Jzmer Grabenfeld (Kushnarenkowo Kultur)³, die Tankeewka Grabenfeld (Polom – Lomowatowo Kultur)⁴ und andere Grabenfelden (Abb. 3, I) entstehen (Erforscht sind über 1300 Grabstätten). Diese Fundplätze werden durch charakteristische Züge der heidnischen Ugrenkultur gekennzeichnet: rundbodiges Keramik mit dem Stanz, Kamm und Strickornament (über 200 Exemplare), Totenmasken (53 Exemplare), Opferungskomplexe aus Pferdehaut (nur in Tankeewka – 127 Komplexe), spezifische Kulturzeugnisse, die mit dem Schamanismus im Ural und Sibirien verbunden sind⁵. Mit diese Komplexe waren tiefe und komplizierte

Vorstellungen heidnische Kulture Ugrer verbinden. Hier gibt es auch viele silberne Erzeugnisse aus der postsassanide Epoche. Um die Wende des IX-X Jahrhunderts stellte der zentrale Teil Wolgabulgariens – das südwestliche Kamagebiet – «das lokale Ungarn» dar (Abb. 27). In der ersten Hälfte des X Jahrhunderts sind in dieser Region (nach Ibn-Fadlan, Al-Balchi und anderen Autoren) die Ugrostämme, u. a. Badshard zu sehen.

Die o. g. Elemente der heidnischen Kultur im Ende des IX Jahrhunderts haben Madjaren in Pannonija gebracht. Nach Angaben der ungarischen Archeologen (J. Dienes, J. Erdelyi, J. Fodor u. a.) sind in den Fundstätten Totenmasken, Opferungskomplexe aus der Pferdehaut (ungefähr 400 nach Ch. Balint) und Kulterzeugnisse usw. zu finden. Charakteristisch ist auch das Vorhandensein der grossen Zahl der Erzeugnisse aus Silber mit postsassanidische Elementen und Traditionen, die von den Madjaren schon in der Zeit ihres saisonbedingten Nomadisierens zwischen dem Aralgebiet und Südrussland irgendwo Ende des VIII Jahrhunderts und Anfang des IX Jahrhunderts angeeignet waren⁶. Im letzten Viertel des X Jahrhunderts kommt ins Wolgabulgarien eine neue Welle der Ugrer mit der «postpetrogromische» Kultur. Deren spezifisches rundbodiges Keramik mit dem Schnuornament oder ihre hybriden Varianten waren die ganze vormongolische Periode in fast allen Bulgarsiedlungen aufbewahrt, was von 1.5 % bis 7-15 % der ganzen Keramik betrug⁷. Zusammen damit kann man gegossene Bronzeerzeugnisse mit der Darstellung von Tieren und Vögeln finden die von den Ugrer in traditioneller Form gemacht sind.

Als Ugrer wurden entsprechend den schriftlichen Angaben die Gruppen aus Wolgabulgarien bezeichnet, die in 70-er Jahren des X Jahrhunderts unter Leitung Bickel und Bokschu und auch Hassen nach Ungarn übersiedelten und dort die Stadt Pescht gründeten. In dieser Periode ist die wunderbare Ähnlichkeit zwischen den Handwerkern – erzeugnissen der Wolgabulgaren und Madjaren zu finden. Vor kurzem ist das zu bemerken: in verschiedenen Beschlägen, Gürtelschnallen, Gürteltaschen. Viele von ihnen waren bestimmt von bulgarischen Meistern hergestellt, die nach Ungarn übersiedelten.

Die ganze vormongolische Periode waren Ugrer im Ostern Nachbarn der Wolgabulgaren. Nicht selten wurden sie direkt zum Bestandteil der Bevölkerung Wolgabulgariens. So, zum Beispiel, begegnete Julian vor dem Beginn des mongolischen Einfalls in der Stadt Biljar «einer echten Ungarin». Dann besuchte er die am linken Ufer der Kama und im Unterlauf des Flusses Sai liegenden Siedlungen der Ugrer, deren Sprache «vollkommen

ungarisch» klinge. In der Zeit der Goldenen Horde nahmen die Wolgabulgaren traditionelle enge Kontakte zum Land «Baskart – Paskart» (von Bashzshart) oder zum Grossen Ungarn auf. Nach den Planö Karpinis und Rubrukas Angaben lag es östlich von Wolgabulgarien und war von Ugren besiedelt, die keine feste Sesshaftigkeit batten. Archeologische Materialien gestatten, dieses Land mit der Tschijalik Kultur zu verbinden, die auf dem grossen von dem Kamagebiet bis zum Transuralgebiet ausgedehnten Territorium verbreitet war und wo sich die makuschin Gruppe von Denkmälern befand. Im Unterlauf des Flusses Belaja sind zur Zeit Taktalatschuk, Azmetjewo, Derbeschki, Kuschuljewo und andere Gräbenfelder der Tschijalik Kultur erforscht. Ausgegraben sind mehr als 400 hauptsächlich mohammedanische Begräbnisse des XIV Jahrhunderts. In vielen von ihnen sind jedoch Züge der heidnischen Kultur der Ugren aufbewahrt: rundbodige Keramik mit Schnuornament, Totenmasken usw.⁸. Diese Bevölkerung kann man aus vollem Grunde mit den Vorfahren des den Turkenvölkern untergeordneten Ugrenstammes «Enej» verbinden. Ans Land «Paskatir» erinnert uns die Stadt «Pasharti», die auf der Karte von Mathias Kueid im Jahre 1600 auf dem Territorium Bashkiriens liegt. Bis jetzt sind auf dem Territorium Tatarstans die Toponymik von Ugren aufbewahrt: Warisch, Ish, Kurja, Tetjuschi und viele andere.

Bibliographie

1. V.F.Gening. Pamjatniki u.s. Kusnarenkovo na r. Beloj (VI–VII vv. n.e.) / Issledowanija po archeologii Juznogo Urala (Ufa, 1977), S.90–136.
2. E.P.Kazakov. K voprosu o turbaslinsko-imenkovskich pamjatnikach / Kultury Eurasiskich stepiej wtoroj polowiny I tysjaceletia n.e. (Samara, 1996), S.40–57.
3. E.A.Chalikova, A.H.Chalikov. Altungarn an der Kama und im Ural / (Das, Gräbenfeld von Bolshie Tigani) (Magyar Nemzeti Múzeum, 1981).
4. E.A.Chalikova, E.P.Kazakov. Le cimetiere de Tankeevka / Les Anciens Hongrois et les Ethnies Voisines a l'Est (Budapest, 1977), P.21–221.
5. E.P.Kazakov. Kultura rannei Wolzskoi Bolgarii (Moscow, Nauka, 1992). S.1–330.
6. N.Fettich. A honfoglaló Magyarok fémművészete (Budapest, 1937). Taf. XXVIII–LXXXVI u.a.; G.Dioszegi, J.Fodor, L.Legeza. Őseink Nyomában (Budapest, 1996), P.74–89.
7. E.P. Kazakov. O srednewekowych pamjatnikach ugrow Prikamja / Historia fenno-ugrica, 1:1 (Oulu, 1996), S.447–453.
8. E.P. Kazakov. Pamjatniki bolgarskogo vremeni w wostoschnych rajonach Tatarii (Moscow, Nauka, 1978). S.42–93.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Рис. I. Погребальная маска на лицевой части черепа человека (см. рис. 6). Танкеевский могильник.

Рис. II. Серебряная личина из Танкеевского могильника.

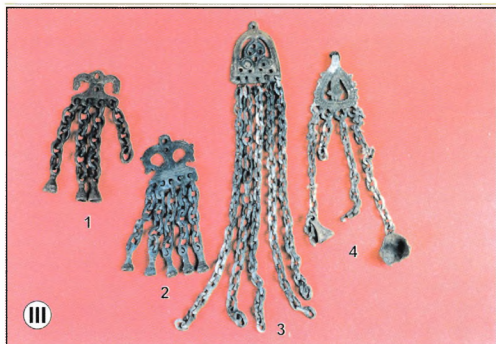

Рис. III. Бронзовые подвески из Танкеевского могильника (см. рис. 11).

Рис. IV. Коньковые кресала из Танкеевского могильника (см. рис.11).

Рис. V. Коньковая подвеска из Танкеевского могильника (см. рис.11).

Рис. VI. Неволинский (1) и кушнаренковский (2) сосуды из Танкеевского могильника (см. рис. 31).

Рис. VII. Салтовская круговая посуда
из Танкеевского могильника (см. рис. 37).

Рис. VIII. Постпетрогромская керамика из Измерского селища (см. рис. 40.)

Рис. IX. Серебряные височные подвески из Такталачукского могильника чияликской культуры (см. рис. 46).

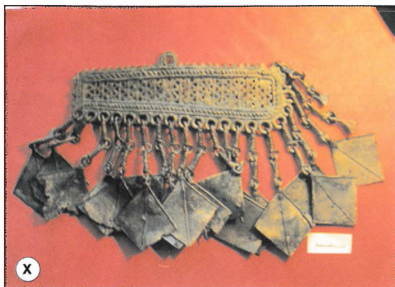

Рис. X. Бронзовая поясная накладка из погр. 1101 Танкеевского могильника (см. рис. 54).

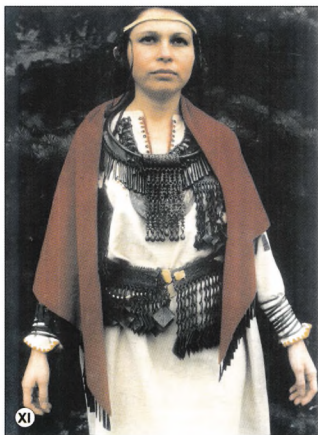

Рис. XI. Реконструкция женского костюма летописной мещеры из погр. 1101 Танкеевского могильника (см. рис. 54).

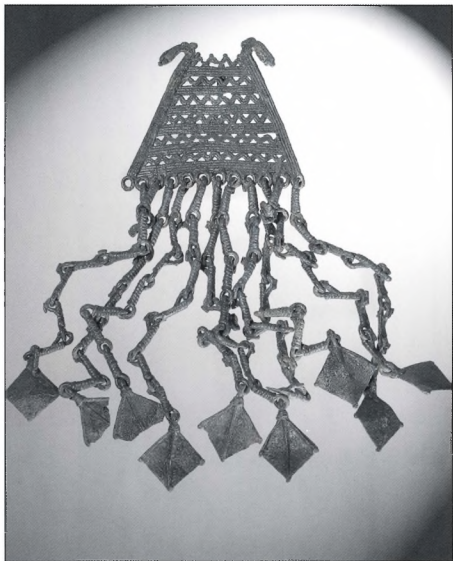

Рис. XII. Бронзовая шумящая нагрудная подвеска из погр. 1101 (см. рис. 54).

Рис. XIII. Бронзовые матрицы из Измерского селища (см. рис. 56).

Рис. XIV. Бронзовые и серебряные накладки
поясного набора из Измерского селища (см. рис. 56).

Рис. XV. Бронзовые пуговицы из Измерского селища (см. рис. 56.)

Рис. XVI. Костяные и бронзовая копоушки из Измерского селища (см. рис. 56.)

Рис. XVII. Стекланные (1-3) и бронзовые (4-6) славянские изделия из Измерского селища (см. рис. 56).

Рис. XVIII. Железные и бронзовые гири из Измерского селища (см. рис. 57).

Рис. XIX. Серебряные западноевропейские монеты из Измерского селища (см. рис. 57).

Рис. XX. Серебряные дирхемы из I Семеновского селища (см. рис. 57).

Рис. XXI. Бусы из I Семеновского селища (см. рис. 57).

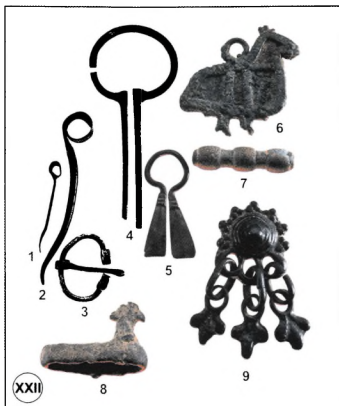

Рис. XXII. Бронзовые изделия поволжских финнов из Измерского селища (см. рис. 63.)

Рис. XXIII. Бронзовые прибалтийские изделия из Измерского селища (см. рис. 63.)

Евгений Петрович Казаков

**Волжские болгары, угры и финны
в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия**

Научное издание

Оригинал-макет – *Л.М.Зигангареева*
А.Р.Тухватуллина

Подписано в печать 27.12.2006 г.

Усл.печ.л. 13, 0 Тираж 500 экз.

Отпечатано в множительном центре
Института истории АН РТ
г. Казань, Кремль, подъезд 5
Тел. 292-95-68, 292-84-82

КАЗАКОВ Евгений Петрович

Доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан, лауреат Государственной премии в области науки и техники и Заслуженный деятель науки Республики Татарстан.

Автор более 350 научных работ, в том числе 10 монографий по древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Приуралья. В предлагаемой читателю монографии исследуются вопросы длительного, на протяжении 600 лет, взаимодействия волжских болгар, создавших первое в Среднем Поволжье государство, с народами финно-угорской языковой семьи.